

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

7
'96

Последний приказ
Евгения Рындина

Очерк
о герое
России
Евгении
РЫНДИНЕ
читайте
в номере.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

7' 96

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная
коллегия.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой
странице обложки
фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере:

Актуальное интервью

ТОНКОНОГОВ В.: "Военно-правовая реформа в войсках — дело неизбежное" 2

В особом районе

КИСЛЫЙ Ю. Последний приказ Евгения Рындина 8

МУЧАК И. Пять дней и вся жизнь 14

По сообщениям пресс-службы внутренних войск
МВД России. 20

КОРОБЕЙНИКОВ В. Бородатый, уставший воз-
вращается полк... (стихи) 23

Служба

ЖУКОВ В. Бдить — значит победить. 25

КИСЛЫЙ Ю. "Гроза" под ясным небом. 28

Как это делается "у них"

ДРЕСВЯНИН С. "Этот джи-ай попадает в рай..." 30

Ретроспектива

БЕЛИКОВ И. Страницы воспоминаний. 36

МАРКЕЛОВ Н. Кавказских сражений свидетель 41

СУХАРЕВ Ю. Казачий спецназ 46

Проза. Поэзия

БОРИСОВ М. На прошитой ветрами скале (стихи) 49

КОЗЛОВ И. Долги отдающий (повесть, окончание) 51

Калейдоскоп

КУЛИКОВ Е. Как все начиналось (к 300-летию
Российского флота) 73

ДУНАЕВ О. ...Разумейте языцы и покоряйтесь. 76

РЯБОВ А. Поможем друг другу 77

Шахматный клуб. 79

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1996

Сдано в набор 23.05.1996 г. Подписано к печати 1.07.1996 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0
Зак. № 921. Тираж 3500.

Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 10000 руб. (индекс 70610),
для предприятий и организаций — 12000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон
для справок:
361-81-71.

Год назад вышел в свет президентский Указ "О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации". Этот документ предусматривает в ближайшем будущем значительные изменения в правовой сфере жизни нашего общества, которые, безусловно, коснутся стоящих на страже правопорядка внутренних войск. Как продвигаются дела в этом направлении, используется ли при концептуальных разработках накопленный в войсках научный и практический потенциал — рассказать об этом мы попросили начальника отдела правового обеспечения Главного управления командующего внутренними войсками МВД России полковника В. ТОНКОНОВОГА.

Полковник Виктор ТОНКОНОВ:

“ВОЕННО-ПРАВОВАЯ РЕФОРМА В ВОЙСКАХ — ДЕЛО НЕИЗБЕЖНОЕ”

— Виктор Павлович, прежде всего объясните, почему такое большое значение придается правовой реформе в России в целом, и во внутренних войсках в частности?

— Без всестороннего правового обеспечения невозможно нормальное функционирование российского государства, а значит, невозможно развитие полноценного гражданского общества в нашей стране. Внутренние войска — часть этого общества. Отсюда делайте выводы.

— В президентском указе перечислены основные положения концепции правовой реформы. Не могли бы вы назвать те из них, от которых в большей степени зависит правовое благополучие внутренних войск.

— Законодательное обеспечение системы прав человека в обществе. Расшифровать?

— Пожалуй.

— Предоставление людям реальных га-

рантий неукоснительного соблюдения прав и законных интересов личности.

Далее, упрочение и защита основ конституционного строя. Это положение тоже требует пояснения?

— Давайте тезисно.

— Формирование правовой базы правоохранительной системы для усиления борьбы с преступностью.

Развитие системы правового воспитания, в том числе укрепление системы юридического образования и юридической науки.

Организация правовой экспертизы в нормотворческой и правоприменительной практике.

— Несмотря на то, что для разработки структуры и основных положений концепции правовой реформы привлечен весь цвет российской науки, вы продолжаете настаивать на необходимости участия в "изыскательских работах" ученых и юристов внутренних войск?

— В этом нет ничего удивительного. Вы-

полнение возложенных на внутренние войска задач возможно только при надлежащем законодательном обеспечении. Не все здесь, к сожалению, обстоит благополучно. Вряд ли кто лучше знает узкие места в действующем законодательстве, чем войсковые специалисты.

— **Насколько мне известно, уже разработана концепция военно-правовой реформы в Вооруженных Силах Российской Федерации — она создавалась исходя из требований раздела "Военная безопасность" Послания президента Федеральному Собранию в 1994 году.**

— Вы правы, такая концепция существует.

— **В чем ее суть?**

— В том, что основное содержание военно-правовой реформы должен составить комплекс мероприятий по завершению создания правовых основ строительства и деятельности Вооруженных Сил, достижению качественно нового уровня правоисполнительской деятельности органов военного управления, командиров и начальников, обеспечению защиты прав и свобод военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил, прав и интересов органов военного управления, воинских частей, командиров и начальников, укреплению законности и правопорядка в Вооруженных Силах.

— **Но за безопасность России — а это не только оборона Российского государства, но и обеспечение безопасности личности, общества, государства, защита прав и свобод человека и гражданина от преступных, иных противоправных посягательств — отвечают не только Вооруженные Силы. Есть еще органы безопасности, внутренних дел, налоговой службы, формирования гражданской обороны, службы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, пограничные и внутренние войска, наконец. Им что, тоже разрабатывать свои, ведомственные концепции правовой реформы?**

— На мой взгляд, с самого начала было бы целесообразно вести речь о концепции военно-правовой реформы не только в Вооруженных Силах, но и в других войсках, предусмотренных федеральным законом "Об обороне". К сожалению, проект концепции военно-правовой реформы в Вооруженных Силах по различным причинам не был рассмотрен в федеральных органах исполнительной власти, не рассматривался российским правительством

и палатами Федерального Собрания Российской Федерации.

— **Но у каждого ведомства свои задачи, свой взгляд на проблему. Не боитесь ли вы, что неизбежные межведомственные разногласия сделают предложенный вами проект неосуществимым?**

— Роль посредника при разработке единой концепции мог бы взять на себя Президент Российской Федерации, как глава государства, как Верховный Главнокомандующий российскими Вооруженными Силами.

— **Проект концепции военно-правовой реформы в Вооруженных Силах в принципе неприемлем для внутренних войск?**

— Почему же... В целом проект концепции как системы взглядов на цели, принципы, основные направления военно-правовой реформы отвечает запросам внутренних войск. Но учитывая трехлетний опыт деятельности юридической службы в наших войсках, хотелось бы высказать ряд предложений.

— **Каких же?**

— Предложенный в первом разделе термин "правовая работа" далеко не в полной мере охватывает весь комплекс вопросов, решаемых в целях правового регулирования деятельности Вооруженных Сил. Чтобы придать этому процессу более целенаправленный, всеобъемлющий и вписывающийся в систему деятельности как Вооруженных Сил, так и других войск характер, следует ввести термин "правовое обеспечение деятельности Вооруженных Сил и других войск".

В сочетании с другими видами обеспечения оно позволит создать необходимые условия для успешного выполнения стоящих перед Вооруженными Силами и другими войсками Российской Федерации задач и придать деятельности юридических служб статус одного из видов обеспечения.

В целях реализации предложения по введению вышеназванного термина предлагаем дополнить ведомственные уставы главой "Правовое обеспечение", где определить основные положения данного вида обеспечения. Замечу, что разрабатываемые в Главном управлении командующего внутренними войсками нормативные правовые документы предусматривают реализацию высказанных предложений по правовому обеспечению.

— **Как следует толковать термин "правовое обеспечение" применительно к деятельности внутренних войск?**

— Применительно к деятельности внутренних войск мы предлагаем следующее толкование термина "правовое обеспечение".

Правовое обеспечение деятельности внутренних войск (далее — правовое обеспечение войск) — комплекс мер нормативно-правового характера, направленных на поддержание внутренних войск в готовности к выполнению возложенных на них задач, создание достаточных условий правового характера в целях успешной последующей деятельности внутренних войск и обеспечения законности действий военнослужащих при исполнении возложенных на них законом обязанностей. Правовое обеспечение внутренних войск включает в себя правовую работу, нормотворческую деятельность, правозащитную деятельность в интересах внутренних войск, правоохранительную деятельность, правовую подготовку военнослужащих.

— **Давайте поподробнее остановимся на каждой из составляющих правового обеспечения. Что такое "правовая работа"?**

— Правовая работа есть деятельность органов военного управления и помощников командующих (командиров) по правовой работе, офицеров юридических служб, направленная на исполнение федеральных законов и иных нормативных актов в военной сфере, эффективное использование правовых средств в целях обеспечения законности и правопорядка, а также по кодификации, приведению ведомственных нормативных правовых актов в соответствие с законодательством, консультированию военнослужащих и членов их семей.

— **"...Консультированию военнослужащих и членов их семей". Прекрасно! Виктор Павлович, когда готовился к встрече с вами, подобрал самые злободневные письма из числа пришедших в адрес редакции за последнее время. Пользуясь случаем, хочу попросить вас выступить в роли юрисконсульта, не возражаете?**

— Конечно, нет. Но прежде чем ответить на интересующие читателей вопросы, хочу напомнить: в соответствии с указанием командующего от 8 сентября 1995 года "О мерах по совершенствованию правового обеспечения деятельности внутренних войск МВД России" установлен один день в неделю для консультирования военнослужащих и лиц гражданского персонала помощниками командиров и начальников по правовой работе.

Теперь давайте письма ваших читателей.

— Начнем с письма Виталия Подовинникова и его товарищей. **"Мы, военнослужащие срочной службы, — пишут наши читатели, — хотим достоверно узнать, сколько служат "срочники", выполнявшие боевые задачи в Чеченской Республике".** Кстати, очень характерное письмо.

— Сразу уточню — все военнослужащие внутренних войск, проходящие военную службу по призыву, служат сегодня 24 месяца.

На тех, кто выполнял боевые задачи в Чечне, распространяется действие Указа Президента Российской Федерации от 28 мая 1996 года "О дополнительных мерах социальной защиты военнослужащих, проходящих военную службу по призыву".

В нем, в частности, предписывается уволить с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в течение не менее 18 месяцев и выполняющих (выполнивших) задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике непрерывно в течение шести месяцев и более или в течение менее шести месяцев, но получивших ранения или контузии, приравняв указанные категории военнослужащих к военнослужащим, выслужившим установленный законом срок военной службы по призыву.

— **А как быть с теми, кто призывался на 18 месяцев, а после выхода в свет федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О воинской обязанности и военной службе" вынужден служить два года?**

— Давайте обратимся к статье 2 названного вами закона. Цитирую: "Пункт 4 статьи 1 настоящего федерального закона (а именно в этом пункте идет речь об изменении сроков военной службы. — В.Т.) вводится в действие с 1 октября 1995 года и распространяется на военнослужащих, призванных ранее и проходящих военную службу по призыву".

Чтобы расставить все точки над "i", предлагаю рассмотреть действие этого закона на конкретных примерах.

— **Об этом я и хотел вас попросить.**

— Кого в первую очередь коснулись эти изменения? Тех, кто призывался на военную службу в апреле-июне 1994 года. Прослужив 18 месяцев, они должны были уволиться в запас осенью 95-го. Так вот, по домам отправились те из них, у кого срок военной службы истек до 1 октября 1995

года — до момента вступления закона в силу. Тем, у кого срок военной службы истек 1 октября 1995 года, пришлось служить еще полгода.

Призыв "весна-лето 1994-го" на сегодняшний день весь уволен в запас. А остальные военнослужащие, проходящие службу по призыву, будут служить 24 месяца. Теперь все со сроками службы ясно?

— Все. Давайте рассмотрим другую категорию писем — где речь идет о несвоевременной выплате денежного содержания, всякого рода компенсаций. Вот письмо жен и матерей военнослужащих одной из наших частей Приволжского военного округа — всего 15 подписей. Вот еще одно — от офицеров, прапорщиков, рядовых и сержантов Н-ской части, дислоцированной в Кемеровской области. Вот еще — из Карелии... Еще одно — из Архангельска. Правда, анонимное. Автор его, некто К., объясняет причину, по которой вынужден скрывать свою фамилию: "Тут таких не любят".

Виктор Павлович, почему денег людям не платят?

— Вопрос не по адресу. Это к финансистам.

— Хорошо. Тогда прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию с точки зрения права.

— Согласно Закону Российской Федерации "О статусе военнослужащих" люди в погонах имеют право на получение денежного довольствия. Если в установленный для части день офицер или прапорщик уйдет от полковой кассы с дыркой от булочки в кармане, то он вправе обжаловать действия государственных органов и лиц, их на местах представляющих.

Военнослужащий вправе обратиться с жалобой в вышестоящую инстанцию. Если денежное довольствие не выплачивается по вине командира части — на имя командира соединения. Если по вине командира соединения — на имя командующего округом и т.д. Если полученный ответ его не удовлетворит, то он имеет право обратиться в суд. Другой вопрос: с кем судиться?

Уверен, что ни министр внутренних дел, ни командующий внутренними войсками, ни командир воинской части деньги в сейфе не прячут — их просто нет. Значит, судиться предстоит с Министерством финансов или правительством России. Вы готовы к судебной тяжбе с Министерством финансов?

— Получается, что выплата денежного довольствия военнослужащим за-

держивается не по вине командиров и начальников, а в результате тяжелого экономического положения, в котором находится сейчас наша страна?

— Конечно, бывают случаи злоупотреблений в финансовой сфере и у нас, но все виновные лица привлекаются к ответственности, вплоть до уголовной.

— Хорошо, если нарушаются мои права, имею ли я право расторгнуть контракт с другой договаривающейся стороной в одностороннем порядке?

— Контракт, который сегодня подписывают военнослужащие, несовершенно. Там не оговорены все грубые нарушения условий договора, которые могли бы повлечь его расторжение.

Согласно Закону "О воинской обязанности и военной службе" военнослужащий-контрактник может быть досрочно уволен с военной службы только в связи с организационно-штатными мероприятиями, за невыполнение им условий контракта, за совершение проступка, порочащего честь военнослужащего, или если военнослужащий перестал отвечать предъявляемым к нему настоящим законом требованиям. Все!

— Но ведь и военнослужащий-контрактник имеет право на досрочное увольнение?

— Да, имеет. Если военно-врачебная комиссия признает его ограниченно годным к военной службе, если невозможно проживание кого-то из членов его семьи по медицинским показаниям в местности, где этот военнослужащий проходит военную службу, если он занят уходом за членом семьи, нуждающимся в посторонней помощи и не находящимся на полном государственном содержании, при отсутствии других лиц, обязанных по закону доставлять указанному члену семьи содержание и заботиться о нем, если он имеет ребенка, воспитываемого без матери, и если его мать кроме него имеет еще двух и более детей в возрасте до 8 лет и воспитывает их без мужа. Все! Ни о какой несвоевременной выплате денежного довольствия здесь речи нет.

— Все военнослужащие, с кем мне довелось говорить на эту тему, высказываются за более подробную детализацию условий контракта. А ваше мнение на сей счет?

— Но только при одном условии: что условия, оговоренные в контракте, не будут противоречить действующему законодательству.

— Поясните, пожалуйста, свою мысль.

— Командир части может записать в контракте, что воинская часть обязуется предоставить офицеру жилье в течение года. А как же быть с Жилищным кодексом, который устанавливает, кто имеет право на первоочередное или внеочередное получение жилья? Как быть с теми людьми, которые стояли до него в очереди?

Но воинская часть вправе предоставить военнослужащему, естественно, при добросовестном отношении его к служебным обязанностям возможность для получения дополнительного образования в одном из вузов, соответствующих профилю его работы.

— И все-таки, Виктор Павлович, если права военнослужащего нарушаются, он имеет право обратиться в суд?

— Иметь-то имеет. Но пока, к сожалению, нет достаточной судебной практики в этой области. Хотя работа в этом направлении идет. Не сегодня-завтра пленумом Верховного суда будет принято постановление, проект которого пока называется так: "О некоторых вопросах применения судами законов "О воинской обязанности и военной службе", "О статусе военнослужащего". В нем будут даны конкретные рекомендации, как поступать судам в той или иной ситуации. Затрагиваются вопросы альтернативной службы, определения сроков службы для военнослужащих, отбывших наказание в дисциплинарных батальонах, детально оговорены условия расторжения контракта...

— И несвоевременной выплаты денежного содержания тоже?

— И на этот счет там имеются конкретные рекомендации.

— Прокомментируйте, пожалуйста, еще одно письмо — Полетаевой Ольги Александровны. В двух словах изложу его суть. Ее муж, бывший военнослужащий одной из наших частей, выполняя служебные обязанности на территории Чеченской Республики, заболел и был доставлен в госпиталь Моздока, где врачи поставили ему диагноз — острый крупноочаговый инфаркт миокарда, осложненный аневризмой. Созданная в части, где служил супруг гражданки Полетаевой, комиссия на основании приказа министра внутренних дел России приняла решение о выплате ему 60 окладов.

Но вышестоящий финансовый орган это решение отменил, ссылаясь на то, что заболевание получено в период прохождения военной службы, а не при выполнении служебных обязанностей.

— В подобных ситуациях решение финансистов зависит от того, какой вердикт вынесут военные медики. Только они могут констатировать, является ли болезнь следствием исполнения служебных обязанностей в районе боевых действий или нет. Исходя из этого, они и пишут в заключении — "в связи" или "в период".

В данном случае медики установили, что заболевание получено "в период прохождения военной службы". Следовательно, единовременное денежное пособие супругу Ольги Александровны не положено.

— Но если автор письма не согласна с решением ВВК, что ей делать?

— Обратиться в вышестоящую военно-врачебную комиссию. Настоять, чтобы была создана экспертная группа по изучению сделанного заключения. Пока Ольга Александровна не добьется изменения решения ВВК, ее супругу никто, ничего и никогда не заплатит.

— Да, довольно-таки унижительная процедура. Неужели военные медики возьмут на себя смелость утверждать, что причины, вызвавшие резкое ухудшение здоровья военнослужащего, оттуда, из мирной жизни, а Чечня здесь совершенно ни при чем.

По-моему, у "афганцев" и "чернобыльцев" сам факт их пребывания в зоне аварии или боевых действий является единственным условием для решения всех спорных вопросов в их пользу.

— Увы, на участников боевых действий в Чечне эта привилегия не распространяется.

— Виктор Павлович, спасибо, что вы согласились прокомментировать нашу довольно-таки проблематичную почту. Теперь давайте вернемся к разговору о военно-правовой реформе. Если не ошибаюсь, мы с вами остановились на составляющих правового обеспечения. Что такое "нормотворческая деятельность"?

— Нормотворческая деятельность — деятельность офицеров юридической службы по разработке проектов законов, других нормативных правовых актов, регулирующих деятельность внутренних войск.

— Над чем сейчас работают войсковые юристы в данный момент? Назовите наиболее значимый проект.

— Мы подготовили и отправили установленным порядком на рассмотрение в Государственную Думу проект федерально-

го закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации".

— Так вроде бы ныне действующий закон о внутренних войсках принят совсем недавно — в сентябре 1992 года?

— Все течет, все меняется. Время вносит свои коррективы.

— Виктор Павлович, обещайте нашим читателям — как только станут известны результаты его рассмотрения, мы с вами встретимся вновь. Новый закон о внутренних войсках, согласитесь, — тема отдельного разговора.

— Обещаю.

— Следующая составляющая правового обеспечения — "Правозащитная деятельность в интересах внутренних войск"?

— Деятельность офицеров юридической службы в суде по защите интересов внутренних войск на судебных заседаниях в качестве законных представителей командующего (командира) или других военнослужащих.

— "Правоохранительная деятельность"?

— Деятельность, осуществляемая должностными лицами, органами военного управления в соответствии с действующим законодательством по поддержанию воинской дисциплины, проведению дознания и применению дисциплинарных мер по фактам правонарушений, допущенных военнослужащими.

— Ну и последняя составляющая правового обеспечения — "Правовая подготовка".

— Правовая подготовка заключается в осуществлении юридической подготовки командующих (командиров) и других военнослужащих внутренних войск, участия офицеров юридической службы в пропаганде законов и других нормативных правовых актов.

— Думаю, после ваших подробных разъяснений наши читатели хорошо усвоили, в чем заключается суть правового обеспечения служебно-боевой деятельности войск.

Скажите, а правовое обеспечение — это прерогатива только военных юристов?

— Это заблуждение, с которым мне и моим коллегам частенько приходится встречаться в войсках. Правовым обеспечением обязаны — подчеркиваю, обя-

заны — заниматься все структурные подразделения органов военного управления. В частности, вопросы поддержания воинской дисциплины, проведения дознания и применения мер по фактам правонарушений, допущенных военнослужащими, должны рассматриваться структурами по работе с личным составом, кадровыми органами, службой войск. При этом правозащитная деятельность должна носить предупредительный характер.

— Виктор Павлович, а как, с правовой точки зрения, вы оцениваете участие должностных лиц в хозяйственной деятельности воинских частей и учреждений?

— Увы, как показала жизнь, некоторые командиры и начальники так и не смогли организовать хозяйственную деятельность с учетом требований действующих ныне законов. Так, Гражданский кодекс Российской Федерации предполагает равенство юридических лиц при заключении договоров и исполнении принятых на себя обязательств. Это, в свою очередь, требует тщательного изучения правоспособности той стороны, с которой заключается соответствующий договор.

— В чем здесь опасность?

— Да в том, что нарушение этих элементарных правовых норм ведет к заключению соглашений с несостоятельными фирмами, откровенными мошенниками. В результате — значительные потери войсками денежных и материальных средств.

— Товарищ полковник, лично меня вы убедили, что без должного правового обеспечения деятельность внутренних войск будет недостаточно эффективна, как тот хотелось бы нам и налогоплательщикам. Но вы убеждены, что предлагаемые вами подходы к решению проблемы безупречны? Может, есть иные, более перспективные варианты?

— Ни в коей мере не претендую на истину в последней инстанции. Напротив, приглашаю всех, кому интересна затронутая нами тема, поделиться своими мыслями, наработками.

— Будем надеяться, что читатели откликнутся на ваше предложение. Со своей стороны обещаем передать все отклики на ваше выступление из рук в руки.

Беседу вел
подполковник А.ПЕТРОВ.

Твои Герои, Россия

Последний приказ Евгения РЫНДИНА

В школе его любимым предметом была начальная военная подготовка. Любимая книга — "В августе сорок четвертого..."

Из беседы с одноклассниками и родителями Евгения Рындина.

Мне рассказали, что на теле было множество ран и тяжелые ожоги — перед смертью его, раненого, крепко пытали, видимо, стараясь что-то выведать, кололи ножами, прижигали ступни, грудь и лицо. А затем добились...

Владимир БОГОМОЛОВ. "Момент истины" (В августе сорок четвертого...)"

1. Начальник заставы

29 марта 1995 года. В Чечне весной рано ложатся сумерки. На боевых позициях, на заставах и блокпостах, где военный люд живет в постоянном напряге, это еще заметнее. По московским меркам солнышку вовсю бы еще рдеть над горизонтом, а темнота, волчицей выскользнувшая из горных ущелий, уже приобретает окрас непроницаемой чернильной густоты. И наступает час ночных хищников.

...Вход в землянку заслонил силуэт в неуклюжем коконе "брони".

— Золотухин? Докладывай!

— Товарищ лейтенант, возле фермы кучкуются нохчи. Кажись, с оружием. Затевают что-то...

— Опять?!

Начальник заставы, невысокий подвижный крепыш, пружинисто поднялся с ящика, заменявшего стул, взял автомат и шагнул в стылый, дышащий тревогой сумрак. Волглые берцы утонули в жирной, как пластилин, грязи. Лейтенант поморщился. Он терпеть не мог грязной обуви. Ему еще с первого курса училища нравилось щего-

лять в начищенных до зеркального блеска ладных сапожках. Особенно на каникулах, в родном уютном городке. Но здесь война заставляет мириться и с грязью, и с продымленными сырыми землянками, и с избыточным чувством тревоги, из-за которого саднит сердце даже во сне. А сейчас тревога пульсирует в нервах так, словно его, лейтенанта Евгения Рындина, подсоединили невидимыми нитями к источнику высокого напряжения.

О том, что недалеко от заставы крутятся подозрительные типы, сержант Алексей Золотухин, отвечающий за боевое охранение, докладывал ему несколько раз. Хотя и без докладов подчиненных он, как командир, владел обстановкой — настолько, насколько позволяли возможности визуального наблюдения. И прекрасно понимал: застава, перекрывшая дорогу к Ачхой-Мартану, для дудаевцев как кость в горле. По раскисшему полю на колесных машинах в обход не проехать, а напрямую через посты, где неусыпно бдят солдаты, досматривая пешего и конного, — себе дорожке: крепко заслон. Разве что ночью, внезапно обстреляв окопы из минометов и автоматических гранатометов. И то прорвать оборону вряд ли получится. А вот нанести урон служивым, пролить кровушку... Короче, глядеть в оба, лейтенант!

Поднявшись на наблюдательный пункт, Рындин достал бинокль, нашарил глазами силуэт молочно-товарной фермы, еле различимый в быстро густеющих сумерках. Да, сержант не ошибся: там люди. Наведя резкость, Евгений увидел в руках у мужчин стволы. Подобраться бы поближе да разведать, сколько "духов", есть ли у них тяжелое вооружение. Если силы приличные скопились, пожалуй, надо будет попросить подмогу на броне.

Мысль о разведке — а это, кстати, одна из задач заставы — настолько захватила лейтенанта, что он, словно на киноэкране,

увидел себя там, близ фермы у кромки леса. О чем говорят между собой сгрудившиеся в стаю боевики, сколько у них стволов? Подслушать бы. Посчитать.

Так созрело командирское решение.

Вернувшись к землянке, он позвал сержанта-контрактника Кривоконя.

— Собирайся, Саня, пойдешь со мной на разведку. Сдается мне, к ферме подтянулись "чехи", не иначе по наши души. Поглядим, сколько их, выясним намерения и при необходимости вызовем подкрепление... А ты, Золотухин, — посмотри в глаза помощнику, — остаешься за старшего. Мы быстренько — одна нога здесь, другая там. Послал бы пару бойцов, да боюсь, по неопытности вляпаются пацаны.

— Вляпаются как пить дать, товарищ лейтенант. И вы поосторожнее, берегите себя, — озабоченно сказал сержант Золотухин.

— Не волнуйся, Леша, не помрем, — улыбнулся Рындин. — Ну а припечет, дам красную ракету. Тогда действуй, как учили.

— Без вопросов, — вздохнул Золотухин, прожывая взглядом удалявшихся разведчиков.

В томительном ожидании прошли полчаса. Потом еще тридцать минут. И еще...

2. Людмила Николаевна РЫНДИНА

29 марта. В эту ночь я долго не могла уснуть. Думала о Жене, о его последнем письме. Он сообщал, что благополучно вернулся из Чечни, занимается с молодым пополнением на учебном сборе. Что новой командировки на войну не предвидится: в полку не хватает опытных взводных для работы с новичками. В общем, успокоил: не волнуйтесь, родные, у меня — полный порядок. Какое было счастье неопишваемое читать это!

Уснула за полночь. И видится мне поле. Грязь непролазная, слякоть. Бреду в темноте... Вдруг... Какой-то мужчина бежит навстречу, здоровенный такой. Внутренний голос подсказал: это боевик, бандит. Я страшно испугалась, застыла на месте, шагу не могу ступить. Он пробегает мимо, не замечая меня, чумазый, весь в крови. Я поняла, что был бой и что-то случилось с нашими ребятами. Когда опасность миновала, пошла дальше. И вот вижу — впереди лежат два парня. Жутко окровавленные, перепачканные грязью. Я поднимаю одного из них, тащу в какой-то двор. Думаю про себя: надо хотя бы тело спасти. Не знаю, кто это был... Лицо в крови, не разглядеть... Знаю точно, что военный — молодой офицер или солдат...

В эту минуту я проснулась. Вся в слезах. И до самого утра не смыкала глаз. Мучили тяжелые предчувствия: мой сын попал в беду. И я, чего бы мне это ни стоило, должна помочь ему. Вначале решила взять отпуск без содержания и ехать в полк, где служит Женя. Разузнать, что и как... Но потом вспомнила о его письме и немного успокоилась. Мало ли какой кошмар может присниться.

3. Начальник заставы

29 марта, ночь. Лейтенант Рындин и сержант Кривоконь пересекли большак и, скользя по вязкому "пластилину", двинулись в сторону фермы. К этому времени ночь окончательно вступила в свои права, на расстоянии десятка шагов в густом холодном мраке не видно ни зги. Так что к интересующему объекту можно, не выдавая себя, подойти почти вплотную. Хуже, если у боевиков имеются приборы ночного видения. Тогда увеличивается риск, напорвшись на засаду, попасть в бандитские лапы или схлопотать снайперскую пулю. Но на войне риск и успех идут в одной паре. Особенно в разведке. Как там говорил мастер стрельбы по-македонски старший лейтенант Таманцев из "Момента истины"? Ничем не рисковать — ничего не иметь.

Осторожно, рассчитывая каждое движение, чтобы не потревожить тишину, они шаг за шагом приближались к ферме...

Неожиданно послышалось урчание автомобильных моторов, темноту просверлили лучи фар. "Одна... две... три пары огней, — сняв автомат с предохранителя, сосчитал лейтенант. — Наши колонны в такое время не ездят. Значит, нохчи. Возможно, прибыли на усиление группы, сосредоточившейся на ферме".

Погасив фары, машины остановились.

По всем признакам, противник готовит налет на заставу. А может, это армейцы проводят операцию по своему плану? Все-таки надо проверить: разведка не терпит приблизительных данных и неподтвержденных фактами предположений.

— Давай-ка подойдем поближе, — шепнул Рындин.

Кривоконь — воин бывалый. Командира понимает с полуслова. Надо — значит надо.

Пригибаясь до самой земли, они подобрались к дороге и, напрягая слух, стали всматриваться в темноту.

Тихо хлопнула дверь легковушки. Вышедший оттуда мужчина что-то скомандовал по-чеченски сидевшим в кузовах грузовиков. Те стали быстро спешиваться и, развернувшись цепью, двинулись к заста-

ве, явно намереваясь обойти ее с флангов.

— “Духи”, мать их..! — тихо ругнулся сержант.

Лейтенант махнул рукой:

— Сматываемся, быстро!

В этот момент их и засекли. Ночную тишину вспорола гулкая автоматная очередь. Разведчики бросились на землю. Кривоконь — со сдавленным стоном.

— Что с тобой? Задело? — крикнул Евгений, поливая свинцом машины.

— Да! Хана мне, лейтенант!

— Ползи на заставу, я прикрою! — Метнув гранату, Рындин продолжал точными, прицельными очередями отсекал наседавших “духов”.

Это был последний в его жизни приказ.

Сержант скрипнул зубами.

— Что... не понял?! — заорал Рындин.

— А как же ты, командир?!

— Не спорь! Живы будем, не помрем! — Вскочив на ноги, лейтенант рванулся в сторону, отвлекая огонь на себя.

...Когда в районе фермы началась перестрелка, сержант Золотухин немедленно сообщил по радию на базу, что ушедший на разведку командир ведет бой. “Приготовьтесь к обороне! Высылаем подкрепление”, — последовал обнадеживающий ответ.

Стрельба смолкла минут через двадцать. Все это время Золотухин, сжимая автомат, ждал красной ракеты. Но вдали, там, где начинается лес, метались лишь светлячки трассеров. Сигнала о помощи так и не поступило.

— Наверное, лейтенант решил, что в темноте мы не сможем быстро найти его с Кривоконем, а только подставимся. Не захотел рисковать нами, — сказал, словно оправдываясь, Алексей, отвечая на немые вопросы солдат резервной группы, которые застыли в траншеях в готовности по команде сержанта броситься туда, где шел бой — на выручку попавшим в беду.

До самого утра все на заставе жили надеждой: их лейтенант, такой рискованный, боевой, решительный, не раз бывавший в крутых переделках, обязательно отобьется, ужом выползет из-под огня, обведет вокруг пальца подлых вражин в отстрелке-перестрелке, спасет себя и напарника.

Напарника его по разведке на рассвете обнаружили возле заставы.

— Спасайте командира, — выдохнул истекавший кровью Кривоконь. — Там, там... лейтенант, а я... а меня...

Клятва

4. Юрий Владимирович РЫНДИН

31 марта. У нашей мамы — день рождения. Время к вечеру. Готовлю праздничный стол. На часы поглядываю. С минуты на минуту должен приехать старший сын, Вячеслав. Пригородные поезда из Тулы ходят строго по расписанию, так что дорогой гость не заставит себя долго ждать. Да и жена обещала на работе не задерживаться. Отметим по традиции свой праздник с сотрудниками — и скорее к домашнему столу. Жалко, младшего на семейном торжестве не будет. Далеко от родного дома занесла его военная судьба. Хоть бы в Чечню лейтенанта нашего не послали. Зимой уже побывал на этой проклятой войне, хлебнул под пулями лиха. По самые ноздри. А до этого сколько раз, курсантом будучи, по горячим точкам мотался! Пусть теперь учебой с солдатами занимается. Неужто не заслужил передышки?

Трудную он выбрал профессию. В свое время все мы настаивали, чтобы Женя пошел по моим и Славиним стопам, поступил в технический вуз, получил диплом инженера. А он с детства мечтал об армейской службе, как молодой герой кинофильма “Офицеры”. Но у того мальчишки был пример: отец, для которого профессия Родину защищать стала делом всей жизни. А у нас в роду... Я и Славик по состоянию здоровья в армии не служили.

На память...

И в семье Люды не было профессиональных военных. Может, от моих родовых корней пошла у Жёни тяга к звездам на погонах? Только беда в том, что не знаю я своих корней. Совсем. Отец с матерью погибли в сорок первом, я был тогда малышом, не помню их. Воспитывался в детдоме...

Впрочем, не самый главный вопрос — откуда в Женьке военная косточка. Главное, парень доволен своей службой. Судьбой своей.

Помню, в 90-м году, он был тогда первокурсником, к 23 февраля прислал открытку: "Поздравляю с праздником дорогого папу и брата Славика, желаю здоровья, успехов, счастья в личной жизни. Маму поздравляю с тем, что у нее вырос такой герой, как я, и такой интеллигент, как Славик". Разве могли мы тогда представить, что спустя несколько лет назовут его этим словом с большой буквы. Указом Президента России...

Телефонный звонок. Снимаю трубку. Незнакомый голос: "Говорит военком. Мужайтесь, Юрий Владимирович... Ваш сын погиб при исполнении воинского долга. Гроб с телом привезут послезавтра..."

Буквально через несколько минут приехал Славик. С огромным букетом цветов... Вскоре и мама открывает дверь. Смотрит на нас, заплаканных. Крик: "Женя?!"...

5. И один в поле — воин

К тому времени, когда прибыла высланная по тревожном сигналу бронегруппа, выстрелов в районе фермы уже не было слышно. Боевики ретировались, отказавшись от намерения атаковать заставу. После непредвиденной стычки с разведчиками они утратили свое единственное преимущество — фактор внезапности. А переть в лоб, зная, что военные приготовились к встрече непрошенных гостей и наверняка вызвали подкрепление, — не дураки же они.

Утром, прочесывая местность, бойцы нашли изуродованное до неузнаваемости тело лейтенанта Рындина. В бедре две пулевые раны. Почерневшая, обугленная от страшных ожогов кожа...

Как действовал он, прикрывая отход тяжелораненого сержанта? Как вел себя перед гибелью? Подробности неизвестны, о них можно только догадываться. Оставшиеся в живых участники того боя и мучители отважного лейтенанта — противники. Своих поблизости не было. Кривоконь, скрепя сердце подчинившийся приказу командира, помнит только одно: лейтенант какое-то время вел огонь... Что произошло потом, Александр, то и дело терявший сознание от боли на бесконечно длинном пути к заставе, видеть не мог.

И все же есть неопровержимые доказательства высокого мужества и героизма Евгения Рындина, в одиночку вступившего в неравный бой с целой стайей матерых "волков": потери противника. Одинадцать уничтоженных боевиков, взорванная машина с боеприпасами. Цифры, которые опровергают утверждение о том, что один в поле не воин. И дают право скулыми штрихами дорисовать картину боя. Возможно, это будет похоже на легенду. Что ж, пусть. Женя ее заслужил.

..."Все, кажется, Саня спасен. Как-нибудь доберется до заставы. Удержать "духов", пока Сашка отползет подальше". С этой мыслью он достал из "лифчика" вторую гранату и, стремительным броском приблизившись к грузовику, послал гостинец в кузов.

Оглушительный взрыв разметал стрелявших из-за машины боевиков, ослепил нестерпимо яркой вспышкой.

"Вот это бабахнуло! — удивился Евгений, не подозревавший, что в кузове сложены боеприпасы. — Так их!".

Воспользовавшись замешательством дудаевцев, он открыл прицельный огонь. Ползком, перекатом меняя позиции, короткими злыми очередями бил по припадавшим к земле силуэтам, мгновенно реагируя на ответные выстрелы, садил свинцом по огненным посверкам бандитских стволов. Бил плотно, стараясь внушить противнику, что бой ведет как минимум отделение.

Минут десять это ему удавалось. Не подпускал близко "духов", пока были патроны. А когда пристегнул к автомату последний заряженный магазин, ослабил огонь, отползая к заставе, почуствовал: дело дрянь. "Волки" обложили его со всех сторон. Кольцо неумолимо сжималось.

Он метнул еще одну гранату.

Рывок. Экономная очередь.

Враги все ближе.

Словно огнем опалило бедро. Лютая боль.

Щепив зубы, он нажал на спусковой крючок. Дернувшись два раза, автомат умолк. Магазин пуст.

Рядом — чужая речь.

Удары тяжелыми ботинками. В живот, в лицо, в поясницу. Соленый вкус во рту. Глубокая беззвучная темнота...

Дудаевские садисты долго пытали его, жгли, наслаждаясь муками офицера. Не ведая того, что он умирает непобежденным. Ибо невозможно сломить дух воина, который остается на поле боя, жертвуя жизнью за други своя.

Анафема бандюгам и палачам!

Скромным русским героям честь и слава!

6. Он называл себя боевым муравьем

Роман Барков, одноклассник Евгения:

— Когда мы вместе подавали заявления в военные училища, Женя на полном серьезе спросил меня: "Ты сможешь закрыть собой амбразуру, если потребует боевая обстановка?". Я не понял: как это, в наше время? И когда он сказал, что сможет, я ему не поверил. А теперь понимаю: для Жени это были не просто громкие слова. Примеряя в мечтах офицерский мундир, он внутренне готовил себя к трудным испытаниям, без которых немислима военная служба.

Сколько помню его, Женя буквально бредил армией. Говорил: "Вот закончу училище, потом академию, а там и до генеральских погон рукой подать". В школе его любимым предметом была начальная военная подготовка. Назубок знал характеристики многих образцов отечественного и зарубежного ору-

дия и боевой техники. Бывало, обернешься к нему на уроке, а он играет в войнушку — чертит в тетради тактические схемы...

Родители Жени сохранили целую стопку таких тетрадей. Листая их, чувствуешь: нет, это не только мальчишеская забава. Условные знаки, тактическая обстановка, рубежи, позиции, элементы рельефа местности на листах в клеточку — все выполнено со знанием дела.

Тренинг перед стартом.

Наверное, и впрямь парень был просто рожден для ратной службы. С раннего детства страстная любовь к форме. Чего только у него не было — и бескозырка, и фуражка, и шлемофон, и бушлат, и эмблемы различных родов войск. Позже — книги о Великой Отечественной. С седьмого класса стал выписывать военные журналы.

Вячеслав Рындин, старший брат:

— Однажды, придя домой, застал Женю за чтением "Зарубежного военного обозрения" (надо сказать, он был заядлым книголюбом, слоняться без дела по улицам, в дискоте тусоваться не любил, вернется из школы — и сразу же за книжку). Глажу, изучает статью "Сухопутные коммуникации Турции". "Зачем это тебе?" — удивленно спрашиваю. А он водит пальцем по схеме: "Так интересно ведь. Смотри — здесь у них уязвимое место и здесь. В случае войны по этим участкам и надо наносить удары. Я все армии вероятно противника по журналу отслеживаю. Пригодится". Кто ж знал, что воевать ему доведется в родной стране...

Людмила Николаевна Рындина:

— Он был мальчик с характером, Женя наш. Упрямый, настойчивый. Если что наметил, обязательно добьется. Проигрывать очень не любил. Обязательно быть первым, победить во что бы то ни стало! Славик часто поддавался ему в детских играх, чтобы не огорчать младшего брата. И первый свой мужской поступок Женя тоже совершил как победитель.

Мы с мужем не хотели, чтобы сын поступал в военное училище. Ведь офицер — трудная и опасная профессия. Тем более сейчас, когда столько горячих точек. Уговаривали: выбери технический вуз, получишь диплом инженера, как отец и старший брат. Он вроде бы согласился, а сам тайком от нас отнес заявление в военкомат. И в один прекрасный день поставил перед фактом: "Пришел вызов из Владикавказского училища. Не сердитесь, родные, это моя судьба. Лучше быть хорошим офицером, чем плохим инженером".

Родные Евгения не преувеличивают: и характер твердый, и военная косточка были у парня. А главное — верность призванию. На "отлично" сдал вступительные экзамены. Упорно грыз гранит военной науки. Окончил училище с красным дипломом. В полковом коллективе, как записано в характеристике, "за время прохождения службы зарекомендовал себя исключени-

тельно грамотным, инициативным, мужественным офицером".

Майор Александр Бочаров:

— Главное качество его характера — трудолюбие. Именно эта черта выделяла Рындина среди других молодых офицеров батальона. Он мог с раннего утра до поздней ночи не покидать расположения подразделения, если этого требовали интересы службы. Занятия проводил с выдумкой, творчески. Всегда искал какую-нибудь живинку в общении с подчиненными, что-то свое, особенное. Был требовательным, но не грубым. Солдаты к нему тянулись.

Старший лейтенант Фазиль Галин:

— Однажды комбат сделал ему замечание за слабое знание боевой техники. Это было не совсем так: БТР и БМП Женя знал неплохо, только водил не совсем уверенно. Обиду он перенес молча. Но мы-то видели, что упрек задел его за живое. Все свободное время стал проводить у боевых машин, а когда выдался случай, показал командиром и знание техники, и умелое вождение. Так бывало всегда, когда дело касалось его профессиональных качеств. В лепешку расшибался, но правоту свою доказывал.

Майор Василий Комаров:

— Одно то, что его, молодого командира взвода, назначили начальником заставы, говорит о многом. К тому времени лейтенант Рындин уже успел понюхать порошу (это была его вторая чеченская командировка), в трудных ситуациях вел себя мужественно, хладнокровно. Умело и решительно руководил подчиненными. Короче, ему можно было смело доверять людей. За каждого бойца болел душой. Может, потому, уставив, что неподалеку от заставы скапливаются боевики, решил лично провести разведку, хотя имел полное право послать группу солдат с сержантом. Пошел на риск, чтобы отвести беду от подчиненных. В этом поступке весь Женя Рындин — надежный боевой товарищ, настоящий офицер.

Отличный стрелок, спортсмен, он был уверен в себе. Ни на минуту не сомневался: в критическую минуту сумеет сделать то, что не под силу солдату... После того ночного боя от жителей Ачхой-Мартана мы узнали о потерях боевиков. Одинадцать своих они похоронили. Эти сведения были подтверждены и разведкой.

Капитан Виктор Макаров:

— Он называл себя боевым муравьем. Хохмил, конечно. В его характере что-то ребячье осталось с детства. Таким он был вне службы — искренним, неунывающим, общительным.

Боевой муравей... Неутомимый и усердный в работе. Стремительный, отчаянно храбрый в схватке с врагом. Готовый пожертвовать собой при выполнении долга защитника.

Женя не любил громких слов, выразил свое жизненное кредо в шутовском прозвище. Будто предчувствуя роковой поворот

судьбы, когда под огнем внутренний голос напомнит о главном: боевые муравьи не сдаются.

7. Навеки — лейтенант

Фронтвики утверждают: на войне пули и осколки в первую очередь выбирают самых смелых и благородных. Тех, кто первым поднимается в атаку, прикрывает огнем товарищей, вызывает огонь на себя.

Именно такую линию поведения в бою продиктовала Евгению Рындину его командирская совесть. За други своя...

Накануне Дня защитников Отечества в средней школе №1 города Узловой Тульской области, где рос и учился Женя, прошел траурный митинг, посвященный памяти отважного офицера.

— Цену его последнего приказа ничем не измерить, — сказал заместитель командующего внутренними войсками генерал-лейтенант Станислав Кавун, вручивший родителям Евгения Золотую Звезду, которой был увенчан подвиг лейтенанта. — Нет в уставе строки, обязывающей командира жертвовать собой в бою ради солдат. Но есть моральная заповедь: сам погибай, а товарища выручай. Этой запо-

Перед той самой командировкой...

веди, долгу русского воина до конца остался верен Женя Рындин...

Искренние, проникнутые болью слова главы администрации города, одноклассников, майора-сослуживца. Скорбные минуты на кладбище у обелиска. Поминальная горькая чарка.

Он мечтал о долгом офицерском пути. О генеральских погонах. Судьба распорядилась по-другому: навеки — лейтенант. В истории войск и памяти нашей — навеки.

Полковник Ю.КИСЛЫЙ.

Узловая — Москва.

Мужество

ПЯТЬ ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Василий Назаренко никогда не выбирал легких путей и всегда стремился быть первым. Лейтенант очень любил жизнь, но в мартирологе чеченской войны оказался триста девяносто девятым воином внутренних войск. Первая в его жизни командировка на войну оказалась для него и последней. Первой и последней его государственной наградой стал орден Мужества.

Нередо мной письмо матери лейтенанта Василия Назаренко, Надежды Ивановны...

Идет страшная война, скорее — бойня. Кто-то на свои счета кладет тысячи долларов, а мы, матери, кладем в могилы своих сыновей. На их долю выпали страшные испытания. Потопили наши правители страну в крови, в слезах, в страданиях человеческих.

Если вы молодой человек, у вас есть мать, отец, братья, сестры. Вы понимаете, как жалко родных.

Если же вы отец, тем более поймете, как трудно хоронить своего ребенка, свою кровиночку, свою надежду, радость и утешение. Жизнь для нас потеряла смысл. День сменился темной ночью. И нет никакого просвета.

Раньше мы жили восточкой от сына, радовались его успехам. Все это осталось в прошлом.

Когда-то я думала, что стихотворение Л. Татьяничевой "Два сына" написано обо мне. Вы, наверное, его знаете:

*Два хороших сына у меня,
Две надежды, два больших огня.
Мчится время по великой трассе,
У меня две юности в запасе.
Жизнь горит во мне неугасимо,
У меня две вечности — два сына.*

А теперь я — голубка с одним крылом. Остался у меня один Федя, десятиклассник. Он так переживает смерть брата! Для него это трагедия...

Трагедия произошла 15 декабря 1995 года в районе города Гудермес. Лейтенант Василий Назаренко возглавил боевую группу отряда специального назначения, десантированную в тыл дудаевским бандформированиям с задачей обеспечить выход из окружения колонны федеральных сил. В представлении к награждению орденом Мужества записано: "Проявил высочайшее профессиональное мастерство в руководстве группой. Незаметно вывел ее в тыл противника и внезапно нанесенным ударом разблокировал подразделения федеральных сил, окруженные дудаевцами. В ходе завязавшегося боя действовал мужественно и отважно, решительно и хладнокровно управлял огнем подчиненных. Не покинул поле боя даже тогда, когда получил огнестрельное ранение. Продолжал руководить подчиненными, организовал вынос раненых. Боевая задача была выполнена успешно. 18 декабря в ростовском госпитале лейтенант Назаренко скончался от полученных ран".

...Мой сын любил жизнь, любил людей и свою землю. Он словно торопился жить, спешил многое сделать, как будто знал, что жизнь у него будет такой короткой. Вася боялся, что все великие дела свершатся без него...

Василий появился на свет январским морозным днем. В Крещение. "В великий день родились ваши дети, должны быть счастливыми", — говорила нянечка,

которая приносила молоко матерям. А как же иначе? Они для счастья и рожали своих детей.

Но увы. В первый год жизни сына мама вместе с ним не испытала счастья. Вася был слабеньким, часто болел. Однажды, когда его, годовалого, положили в больницу, врач вынесла жестокий, немилосердный вердикт: "Ребенок будет плохо развиваться, поздно пойдет, поздно начнет говорить". Надежду Ивановну успокоила старушка-нянечка: "Не слушай ты ее, дочка. Дураки бывают и с высшим образованием. Пройдет три года, перестанет твой Василек болеть". Слова той старушки оказались вещими. А чуть позже, когда он начал уже понимать, что многое в жизни зависит от самого человека, о своем здоровье стал заботиться сам. По утрам начал бегать, соорудил себе турник и усиленно стал заниматься спортом.

В школе Вася учился без напряжения, все ему давалось очень легко, одни пятерки приносил. Всегда был собранным, аккуратным. А когда в совхозе во время уборочной страды необходимо было организовать ребят поработать на току, Вася брался за это с удовольствием. Правой рукой заведующего током был. Все он умел, все делал. Не только соберет ребят, но и покажет, как работать нужно. В конце лета дирекция совхоза "Клетской" наградила его ценным подарком.

Профессию себе выбрал уже с детства. В сочинении "Все работы хороши" Вася писал: "Профессия офицера не только романтическая, но и поистине героическая. Она предъявляет наиболее высокие требования к личным качествам человека по сравнению со многими гражданскими специальностями. Тот, кто решил стать кадровым военным, в полном смысле слова посвящает свою жизнь армии. На офицеров возложена вся полнота ответственности за охрану нашей всеми горячо любимой Родины".

...Военным мечтал стать с пятого класса. До этого хотел быть лесником. Теперь все воевал. Было у него около пятисот пластмассовых солдатиков и моделек военной техники: пехота и конница, танки и артиллерия. После уроков полки представлял в боевые порядки, и начинались "учения". А когда наши родственники отправили своего сына в Ленинградское СВУ, стал проситься и Вася. Мы его отговаривали. Такой спокойный, усидчивый, я мечтала, чтобы он стал медиком, видела его хирургом. Но Вася

настоял на своем, и мы стали готовить документы для поступления в суворовское училище. В райвоенкомате этим вопросом занимался один разгильдяй и не только наши, но и документы других ребят в училища не отправил. А тут еще так получилось, что семья вынуждена была переехать в другой поселок, а в Калмыковке остались Васины друзья. Все это он очень переживал.

На следующий год снова стали собирать документы. Не надеясь больше на райвоенкомовских работников, я по просьбе Васи поехала в облвоенкомат. Там мне объяснили, что сын уже перерос, ему поздно поступать в суворовское. Нужно разрешение из Министерства обороны. Написали письмо в министерство. Пришел ответ с разрешением допустить к сдаче экзаменов...

У него, наверное, в судьбе так было предопределено: ничего легко не давалось. Не получалось плыть по течению. Всегда необходимо было добиваться своего, идти к намеченной цели, преодолевая трудности и преграды. И тогда, когда приговор-диагноз поставила врач райбольницы, неокрепший организм несмышлениша уже был настроен на борьбу, и когда из-за разгильдяйства клерка в погонах ему уже сознательно приходилось добиваться поступления в суворовское училище. Его целеустремленность и напористость уже становились чертой характера.

...Повезла я его в Казань. Только в родительские дни разрешали нам встречаться с сыновьями. Рядом с высокой кирпичной стеной, огораживающей училище, росли клены. И вот мы, мамыши, залезем на клен, а с клена на стену. Три недели на ней просидели. Их палатки рядом стояли, на стадионе. Позовем своих сыночков, купим что-нибудь вкусенькое, покормим.

Экзамены сдал, пошел на мандатную комиссию. А чуб у него был длинный, волнистый, набочок зачесан. Генерал говорит ему: "Ну что, казак с Тихого Дона, хочешь быть генералом?". Он вышел такой счастливый, все мне рассказывает.

Потом было посвящение в суворовцы. Постригли их, в форму одели. Она непривычна, кустом стоит. Столько радости было! Я купила ему два букета его любимых гладиолусов. Поехала домой со спокойной душой — так он был рад поступлению. Гордился своим училищем. А по

портрет Суворова до сих пор в его комнате в уголке висит.

Потом было Московское ВОКУ. Приехала я опять туда со своим родненьким сыночком. Была не только в училище, но и в Ногинске (их там экзаменовали).

Всегда была рядом, в любое время старалась уберечь от трудностей. И только в Чечню с ним не смогла пойти...

Вася очень любил своих родителей, любил свою маму. Постоянно поздравлял с праздниками, всегда хотел, чтобы праздники и дни рождения всех в семье проходили весело. Но несмотря на такую материнскую опеку и его нежную любовь к матери он не рос маменькиным сыночком. Василий был самостоятельным парнем, мужчиной. Когда учился в суворовском, его избрали членом совета училища. На одном из заседаний совета рассматривался вопрос об отчислении из училища за какую-то провинность одного из суворовцев. Вопрос уже вроде был решен, оставалось только проголосовать. Но тут поднялся Назаренко и выступил в его защиту. Он говорил: "Мы не имеем права так менять судьбу человека. Он хочет учиться, ему нужно дать возможность исправиться. Если исключим, кто ему поможет обрести уверенность в себе, кто его поддержит?". Марата, так звали суворовца, все-таки оставили в училище. С Василием они стали друзьями.

После окончания общевоинского командного училища Назаренко добился направления в спецподразделение внутренних войск и сразу же стал настаивать, чтобы его отправили в командировку в Чечню. "Раз десять подходил с рапортами ко мне, — говорит заместитель командира отряда "Русь" Виктор Спиридонов. — Постоянно интересовался, как там отряд, чем занимается. Я был категорически против его отъезда, ему необходимо было освоить специфику службы внутренних войск. Спустя несколько недель я сам туда уехал, смотрю, через пару дней появляется и он".

Боевую, сильно потрепанную в столкновениях с боевиками группу, которую предстояло возглавить — один погибший и двенадцать раненых было в ней, — лейтенант Назаренко принимал прямо в боевых порядках. Бойцы вместе с командиром находились на реабилитации, выполняли задачи по охране лагеря. Василий Иванович каждый день говорил: "Сколько нам

можно сидеть, дайте настоящее дело". Заметно преобразился лейтенант, когда его стали посылать во главе группы сопровождения командующего, руководства Чеченской Республики. Когда командование отряда разработало операцию, к которой привлекли лучших спецназовцев, напросился с ними и лейтенант Назаренко.

В отряде Василия любили все. Сначала его назначили командиром учебного взвода. Потом, заметив его увлеченность спортом, доверили одновременно исполнять и обязанности начальника физподготовки. Все спортивные команды части возглавлял он, на первенстве соединения занимали первые-вторые места. В профессиональном отношении был подготовлен просто блестяще. Диплом с отличием престижного московского военного училища, наверное, что-то значит. Он собирался поступить в академию и дослужиться до генерала. Он достиг бы и этих высот, в этом не сомневался никто из его друзей. Василий говорил: "Генерал — это не воинское звание, это состояние души".

...Мечтал поступить в академию и все говорил: "Мама, увидишь, я буду генералом". Я говорила, что не доживу до этого. А он начинал считать, сколько же тогда мне будет лет. Он был очень влюблен в свою профессию...

Первое, что стояло в ряду "великих дел" лейтенанта после перевода его во внутренние войска, — сдать на краповый берет. Для него это была сверхзадача, как когда-то поступить в суворовское училище. Этому он подчинил все, со свойственной ему целеустремленностью стал готовиться. Раньше занимался боксом, стрельбой, бегал кросс — это была уже серьезная заявка на успех. Его силе воли, силе духа удивлялись даже матерые "краповики". В спецкомандировке, в полевых условиях, в грязи ежедневно вместе с подчиненными делал физзарядку и обливался холодной водой. Надевал самый тяжелый бронезилет, брал пулемет и до седьмого пота бегал вокруг вертолетной площадки.

В первый день командировки ему попала граната под номером тринадцать. Он ее так и носил постоянно в нагрудном кармане. Как талисман.

Однажды Василий Иванович зашел в медсанчасть, чтобы попросить витаминов — при больших физических нагрузках

жизнедеятельность организма необходимо было поддерживать. Разговорился с женщинами-медиками. И вдруг одна говорит:

— Давай я тебе погадаю. Я умею, у меня цыганская кровь. В твоих глазах я вижу смерть, тебе осталось жить пять дней...

Василия словно током обожгло. Для него, жизнелюба, это был шокирующий удар. Он прекрасно понимал, что в боевой обстановке случается и убивают. Но ведь он готовил себя к бою, учился воевать. И был уверен, что выживет.

К своим вернулся унылый. Обо всем рассказал сослуживцам.

— Да брось ты! Чуть все это! — стали наперебой успокаивать.

— Ты еще генералом будешь, — вспомнил о его мечте лейтенант Александр Шаталов.

— Не унывай, — похлопал дружески по плечу капитан Геннадий Моряков. — Через недельку домой вернемся. Семьями соберемся. Мы вместе еще не один праздник отметим.

Немного отлегло от сердца. Но какая-то заноза, червоточина осталась.

— Нет, — сказал он Сашке Шаталову, — через пять дней что-то должно случиться.

...Однажды меня послали на курсы, осваивать компьютер. Заложил я тогда данные о нем. И вот что выдал компьютер: "Люди такого склада целеустремленные, волевые, любознательные, трудолюбивые. В семейной жизни несчастливы". Но разве я тогда могла предположить такое. Думала, может, с женой не уживется. А о таком и мысли не было...

"Никто лучше мужественного не перенесет страшное", — говорил Аристотель. После разговора с медиками размеренный ритм жизни лейтенанта не изменился. Все было подчинено подготовке к сдаче на краповый берет.

То, что накаркала гадалка, не выбило из седла казака с Тихого Дона. На задания он ходил безбоязненно, руководил личным составом хладнокровно. Единственное — стал менее разговорчивым и более сосредоточенным.

Спустя несколько дней ранним утром отряд подняли по тревоге. Боевики, верные своей волчьей тактике, на въезде в Гудермес захватили районную больницу и начали занимать дома рядом с местной комендатурой. Разгорелся ожесточенный бой. Резерв оперативной части, направ-

ленный для ликвидации банды, у моста через реку Белка наткнулся на сильное огневое сопротивление. Двум БМП удалось проскочить в город, но связь с ними прервалась. Оставались заблокированными больница, комендатура и железнодорожный вокзал.

Группе отряда спецназа "Русь", в которую входил и Назаренко со своими бойцами, была поставлена задача разблокировать больницу и освободить заложников. Выехали на разведку. Сразу же попали под массированный огонь бандитов. Стало ясно: боевики, захватив заложников и зная, что им на помощь непременно придут военные, на подступах к больнице устроили засады — настоящие огневые мешки. Разведчики продвигались медленно, осмотрительно, зря не рисковали. На одном из участков по их БТРах нохчи открыли сильный огонь из стрелкового оружия. Пулеметчик и несколько человек с автоматами засели за забором из железобетонных плит. Назаренко достал из нагрудного кармана "эфку", свой ребристый талисман под номером тринадцать, и зашвырнул в пролом в заборе. Огонь прекратился. Назаренко знал, что где-то впереди в окружении ведут бой прорвавшиеся туда утром бронемашин. Он все-таки вышел к ним, вырвал колонну из железных клещей и вывел к своим в тыл, но немного опоздал. Пришлось вывозить погибших и тяжелораненых. Чудом уцелевший солдат с простреленной ногой, которого спас старик чеченец, рассказал, что видел, как боевики ходили по дороге и добивали раненых.

Этот день для спецназовцев отряда "Русь" закончился без потерь.

Назаренко всю ночь был хмурым, молчаливым. А может быть, сослуживцам просто так показалось. Ведь знали они, что пошел пятый день. Тот день, в который, по словам самозваной цыганки, должно произойти что-то непоправимое. Василий целую ночь не спал, только грыз сухари. Сашке Шаталову жаловался:

— Зря я вчера гранату кинул. Теперь вот без талисмана остался.

— Выбрось ты эту дурь из головы, — вспылал Шаталов. — Что ты все себя хоришь. Лучше думай, как завтра до больницы добраться.

На следующий день к больнице их не послали. Колонны федеральных сил, отправленные освобождать заложников, были заблокированы боевиками на даль-

них подступах. Их дальнейшему продвижению препятствовал огонь гранатометов и стрелкового оружия с огневых позиций в полуразрушенных строениях. На помощь армейцам были брошены спецназовцы отряда.

Из засады огонь открывают неожиданно и сразу из всех стволов. От первой же пули замертво свалился с брони рядовой Олег Беляев. Назаренко успел подать команду на занятие круговой обороны, и тут же пуля-дура достала и его. Он был мужественным и смелым человеком, но никогда не проявлял эдакую ухарскую беспечность. Бронежилет и "сферу" во время выполнения боевой задачи надевал постоянно. Пуля-дура, глупее не сыщешь. Нашла она все-таки незащищенное место: срикошетив от брони бэтэзера, змеиным жалом впилась в бедро и закружила в теле в своей адской пляске, оставляя за собой горячий кровавый след. "Огнестрельное пулевое проникающее ранение живота с повреждением тонкого и толстого кишечника", — напишут позже медики.

Спуститься с бронетранспортера Назаренко не смог, ему помог лейтенант Шаталов. Оказал первую помощь. Когда привезли в Ханкалу, Василий был в сознании. Сразу же на операционный стол, медики сделали все, что могли, — под капельницу и в "вертушку". В госпитале в Грозном-Северном сделали еще три операции и отправили в Ростов.

Капитан Геннадий Моряков вынес предложение на совет краповых беретов: вручить краповый берет лейтенанту Василию Назаренко за боевые заслуги. Совет принял решение подобным образом отметить воинскую доблесть всех спецназовцев, раненных в Гудермесе.

Морякова назначили старшим в группу сопровождения "двухсотых", погибших в том бою. Он и привез святыню спецназа, к которой так стремился Василий Иванович, в ростовский госпиталь.

Попытка Морякова и Шаталова бесцеремонно прорваться к раненому товарищу успехом не увенчалась.

— Вы куда в такой обуви и одежде? Там же все стерильно, — возникла на их пути дежурная медсестра.

— Нельзя, да? — по-детски наивно переспросили спецназовцы.

Пришлось пуститься в переговоры с врачом и доказывать, как важно вручить Василию краповый берет именно сейчас. И для успешного лечения в том числе. Это

же для него эликсир, сколько жизненных сил прибавит. Он так мечтал надеть его. Убедили.

— В реанимационную палату мы вас все равно не пустим, а вот Назаренко на несколько секунд на каталке в коридор выкатить можем, — пошел врач навстречу.

Василий Иванович лежал бледный. К этому времени ему сделали еще две операции. Подошли Моряков с Шаталовым, вручили краповый берет, поздравили. Василий поднес берет к сухим губам, поцеловал. Мужественный человек, не прорывший за эти два дня не одной слезы, заплакал. Медики заторопились увезти раненого лейтенанта в палату.

На следующий день его не стало.

...Когда мне Наташа (сноха) позвонила, я не помню, что со мной было. Сразу стала собираться в Ростов. Ехала с надеждой: "А вдруг это ошибка. Это не мой Вася". Но чудес, наверное, не бывает. Лежит мой тополек, похудел, осунулся. А летом был плечистый, мышцы так и играли. Все соседка завидовала: "Ну и парень!"

Привезли, похоронили. Много добрых слов было сказано. Спасибо добрым людям!..

С того дня, когда Василий впервые увидел белый свет и до того момента, когда этот белый свет от него отгородили толщей донской земли, не прошло и двадцати трех лет. Родители, которым суждено пережить своих сыновей, словно погребены заживо сами.

Дай Бог силы сыновьям, не забывшим тепла отцовской ладони на своей макушке, вырасти достойными памяти отцов.

Недавно двадцатилетней вдове вручили орден Мужества лейтенанта Назаренко. Дали поддержать и Павлику отцовскую награду. Малыш, копия отца, посмотрев, потащил ее в рот, будто пытался уже прорезавшимися зубками испытать качество металла.

Нет, сынок, этот орден не золотой. Он бесценный!

Майор И. МУЧАК.

*Отдельная дивизия
оперативного назначения.*

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

Последние дни мая были наполнены событиями, которые без натяжки можно было бы назвать судьбоносными: Политическое руководство России пошло на диалог с чеченскими сепаратистами. В Кремле побывал их лидер Зелимхан Яндарбиев, в Грозном — Президент России Борис Ельцин. Переговоры в Кремле завершились подписанием договоренности о прекращении с 1 июня боевых действий, фактически было достигнуто соглашение о мире. Это стало возможным только после разгрома крупнейших бандформирований и ликвидации очагов бандитизма и терроризма в Чечне.

Президент России во время визита в зону боевых действий поблагодарил военнослужащих федеральных сил, отметив при этом: "Федеральные войска выполнили свой долг. Тяготы и лишения, которые несли все это время военнослужащие, были не напрасны. Вы защищали свою Родину, ее суверенитет. Если бы не вы, бандиты захватывали бы заложников в Ростове, Нижнем Новгороде... Вы не позволили развалить Российское государство. Вы защитили свои дома, своих матерей и детей. Вы действовали на законных основаниях, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего и министра обороны. Вы находитесь под защитой Конституции и президента".

Тем не менее Борис Ельцин заявил, что прекращение боевых действий вовсе не означает, что все бандиты враз сложат оружие. Те небольшие бандформирования, которые не желают сдавать оружие, должны быть уничтожены, и этим будут заниматься внутренние войска, сказал Президент России.

По словам президента, чеченский узел должен был быть развязан во имя защиты населения республики, восстановления законности и мира на ее территории, во имя спокойствия на Северном Кавказе и во имя сохранения единства России. Как признал глава государства, "выполняя эти задачи, не удалось избежать ошибок и серьезных просчетов... Не снимаю вины и с себя, — отметил Борис Ельцин. — Я не стану перекладывать политические просчеты на плечи российских военных, ведь именно они сыграли решающую роль в подавлении мятежников".

Президент России уверен, что важнейшая задача теперь — не допустить повторения грубой ошибки прошлого года, не дать боевикам вновь прийти в себя после чувствительных поражений. Как отметил глава Российского государства, политики не имеют права вновь подставлять Российскую армию, мирных жителей, они не могут быть заложниками непродуманных решений.

Между тем в Чечне до полного спокойствия по-прежнему далеко.

29 мая в 12 часов 50 минут в районе населенного пункта Гордали предположительно переносным зенитно-ракетным комплексом "Стрела" был сожжен на земле транспортный верто-

лет внутренних войск Ми-8. В результате двое военнослужащих погибли и семь получили ранения различной степени тяжести.

Как стало известно, полет планировался для проверки несения службы в горно-лесистой местности. Экипаж и находившиеся на борту вертолета военнослужащие имели задачу решить на месте вопросы по снабжению личного состава войсковых нарядов продовольствием, медикаментами, обмундированием, а также вывезти больных. Никаких боевых действий внутреннее войска в этом районе не вели. Напротив, командирам всех уровней были отданы указания о строгом соблюдении договоренности, подписанной 27 мая В.Черномырдиным и З.Яндарбиевым в Кремле.

По имеющимся сведениям, в районе обстрела вертолета базируются боевики из отрядов Масхадова и Гелисханова. Судя по всему, они не подчиняются Яндарбиеву.

В ночь с 31 мая на 1 июня чеченские боевики захватили 26 военнослужащих внутренних войск. Командующий ВВ МВД России генерал-полковник Анатолий Шкирко считает, что это ставит под сомнение способность лидера сепаратистов Яндарбиева контролировать действия полевых командиров. В частности действия Масхадова, который спланировал ночное нападение на российский блокпост.

Анатолий Шкирко не исключает, что Масхадов организовал захват пленных, чтобы вызволить чеченских боевиков, взятых накануне в плен возле Шали. Их полевой командир, считавшийся другом Масхадова, как уже сообщалось, был убит в перестрелке. Инициатива по обмену наших военнослужащих на 10 боевиков исходила именно от чеченской стороны. Пока из плена удалось вызволить четверых раненых военнослужащих.

По уточненным данным, в ходе операций по разоружению бандформирований в мае погибли и умерли от ран военнослужащие внутренних войск:

лейтенант Эдуард ХОМУЦОВ,
рядовой Павел ДОВГАНЬ,
сержант Андрей КОРОЛЕВ,
рядовой Евгений САЙКО,
рядовой Александр БУЗИН,
рядовой Александр КУРАТОВ,
младший сержант Вячеслав ЖЕЛИХОВСКИЙ,
рядовой Петр СЕРЕДКИН,
рядовой Юрий АКСЕНОВ,
рядовой Алексей АГАФОНОВ.

С вступлением в силу мирных договоренностей о прекращении боевых действий в Чечне намечился рост военной активности боевиков, не прекращаются обстрелы КПП, блокпостов, мест временной дислокации частей и подразделений, а также минирование дорог на путях движения бронетехники. Об этом свидетельствует хроника событий.

1 июня. Продолжались обстрелы блокпостов и позиции федеральных сил как в самом Гроз-

ном, где по оперативным данным уже находится около 400 боевиков, так и в его окрестностях. Федеральные войска активных боевых действий не вели, но в случаях обстрелов открывали огонь на поражение. В течение суток зафиксировано 10 обстрелов, из них 4 — в Грозном. Отмечалась активизация боевиков по разведке местности в районах временной дислокации воинских частей, минирование вероятных маршрутов передвижения войсковых колонн.

2 июня. Около 12 часов на Старопромысловском шоссе на фугасе подорвался бэтээр внутренних войск, в результате чего пять военнослужащих погибли:

ефрейтор Сергей КАРАМАЛИКОВ, ефрейтор Сергей ШАФАГАНОВ, рядовой Сергей ТИЩЕНКО, рядовой Александр ШВИТКОВ, рядовой Андрей ЗЕМЛЯНОЙ.

В этот же день, подорвавшись на mine, погиб **рядовой Олег БОЛДЫРЕВ.**

3 июня. В 19.50 группой разминирования инженерно-саперного подразделения ВВ в Грозном на перекрестке проспекта Кирова и бульвара Дудаева обнаружен и обезврежен фугас из 152-мм артиллерийского снаряда. Еще один фугас обезврежен на перекрестке проспекта Кирова и улицы Ионисани. Взрывное устройство представляло собой два 122-мм артснаряда. Оба фугаса управлялись по проводам и были готовы к действию.

Военнослужащие подверглись обстрелам в районе населенных пунктов Гехи-Чу, Ачхой-Мартан, железнодорожной станции Гудермес.

4 июня. Не все полевые командиры выполняют договоренность, заключенную лидером боевиков Яндарбиевым на переговорах в Кремле. Активно ведется разведка мест временной дислокации воинских частей, минируются дороги. Басаев открыто заявил, что намерен продолжать вооруженное противостояние федеральной власти. В течение суток зафиксировано 9 обстрелов военнослужащих, особенно интенсивных в районе Шали и Айти-Мохка. В Грозном зафиксировано 4 случая. При обстреле из стрелкового оружия боевики неоднократно пользовались легковым транспортом, как например в Аргуне. На окраине н.п. Шуани инженерно-саперным подразделением обнаружено и уничтожено 2 управляемых фугаса, а в Грозном, на перекрестке улиц Кольцова и Жигулевской, обезврежено 3 фугаса.

5 июня. Несмотря на то, что в Назрани начались переговоры между рабочими группами федеральной власти и сепаратистами, напряженность в Чечне не спадает. За сутки зафиксировано 6 случаев обстрелов в районе Бамута, Алды, Хочи-Ара. В Грозном стреляли 4 раза, пострадавших среди наших военнослужащих нет. Саперы ВВ обезвредили 7 фугасов, в том числе один в Старопромысловском районе Грозного. Кроме того, из преступного оборота изъято 23 осколочных гранаты, автомат и более трехсот патронов.

В 21 час 30 мин. в районе Ищерской из автомобиля обстреляна застава. Ранен сотрудник федеральной милиции.

На железнодорожном перегоне в районе Гудермеса обнаружены 2 противотанковые мины,

а в районе совхоза "Родина" обезврежен 21 артиллерийский снаряд.

В Центральном военном клиническом госпитале внутренних войск от ран скончался **рядовой Андрей МЕЛКОЗЕРОВ.**

6 июня. Продолжаются переговоры в Назрани. В повестке дня — прекращение боевых действий и освобождение насильственно удерживаемых по принципу "всех на всех".

За сутки зафиксировано пять случаев огневых нападений на КПП и заставы. Погиб **сержант внутренних войск Михаил ДИВЯНКИН**, один военнослужащий ранен.

7 июня. Обстановка остается нестабильной, полевые командиры ждут результатов переговоров. Поступает информация, что бандгруппы активно проводят перегруппировку, пополняют запасы продовольствия, восстанавливают утраченную связь, изучают маршруты передвижения воинских колонн.

В Гудермесе под руководством боевиков без демонстрации оружия состоялся митинг антиармейской направленности. Сепаратисты ратовали за бойкотирование предстоящих выборов.

Зафиксировано 8 случаев обстрела блокпостов и застав в районе Бамута, Алхазуров, Танги. Во время обстрела колонны погибли **старший лейтенант Юрий БАЗАРОВ** и **ефрейтор Олег ТРУНИН**. Под Орехово один военнослужащий ранен.

8 июня. От слепого осколочного ранения в шею скончался **рядовой Дмитрий БОЧКАРЕВ**, убит снайпером **сержант Руслан ГИРХАНОВ**; на mine подорвались, получив смертельные ранения, **рядовые Михаил ПОПОВ** и **Андрей БЕЛИЦКИЙ.**

9 июня. В Грозном действуют мелкие группы боевиков. В Старопромысловском районе Грозного подорвался на mine БТР внутренних войск, двое военнослужащих — **старший сержант Владимир ВАКУЛИН** и **младший сержант Дмитрий БУРМИН** — погибли. Еще один солдат также в этом районе получил ранение.

10 июня. При проверке грозненских развалин в кварталах, прилегающих к пунктам временной дислокации частей, обнаружены подготовленные для снайперов и гранатометчиков позиции с тщательно замаскированными запасами боеприпасов.

Подорвался на mine и погиб **военнослужащий внутренних войск рядовой Алексей ЧАЗОВ.**

11 июня. По оценкам военных, в Чечне нарастает тенденция к обострению обстановки по вине сепаратистов. Не прекращаются обстрелы военнослужащих федеральных сил. В Октябрьском районе Грозного вчера, 10 июня, в 11 часов один военнослужащий ранен при обстреле КПП. Еще один военнослужащий ранен сегодня ночью во время обстрела военного городка в Заводском районе. Ночью погиб, получив сквозное ранение в грудь при обстреле КПП, **капитан Владимир ЯКУБА**, двое военнослужащих были ранены в результате подрыва на mine бэтэзара, ехавшего из Старого Ачхоя в Орехово. В Старопромысловском районе Грозного инженерной разведкой ВВ обезврежен фугас.

13 июня. Зафиксировано 13 обстрелов, в том числе 10 случаев в Грозном. Один военнослу-

жащий получил ранение, подорвавшись на растяжке.

Вернувшиеся нелегально в некоторые населенные пункты боевики усиленно проводят кампанию, направленную на срыв выборов в республике Президента России.

14 июня. Назранские соглашения, и в частности решение о выводе федеральных сил из Чеченской Республики, командиры бандформирований воспринимают как свою победу. В связи с этим заметно усилилась тенденция к укреплению сепаратистами своего политического влияния в республике. Они проводят митинги и сельские сходы, на которых пытаются дискредитировать деятельность правительства Завгаева, распространяют листовки антироссийской направленности. Вместе с тем не прекращаются обстрелы военнослужащих. За сутки их было 12. Стреляли в районе Гудермеса, Серноводска, Аргуна и в Грозном. В чеченской столице зафиксировано 16 уголовных преступлений, в том числе 3 убийства с применением огнестрельного оружия, 3 разбоя, 2 грабежа и 4 кражи.

16 июня. Зарегистрировано 11 случаев обстрелов, из них 9 — в Грозном. Вечером 15 июня группа боевиков обстреляла два бэтзера внутренних войск, никто из военнослужащих не пострадал. Сегодня утром воины инженерно-саперного подразделения ВВ во время обследования перекрестка улиц Жуковского и 1-й Садовой обнаружили 2 фугаса. Чуть позднее на той же улице Жуковского саперы обезвредили 152-мм артиллерийский снаряд.

По состоянию на 14 часов группировка ВВ проголосовала полностью. Военнослужащие 101-й бригады ВВ, которая согласно достигнутому договоренностям остается в Чечне на постоянной основе, принимали участие в выборах депутатов Народного собрания республики.

17 июня. Обстановка продолжает оставаться сложной. Боевики 12 раз за истекшие сутки обстреливали КПП, блокпосты и заставы в районе населенных пунктов Урус-Мартан, Гудермес, Бамут и Грозный. Военные расценивают эти обстрелы как попытки спровоцировать ответный огонь, чтобы потом лидеры сепаратистов могли обвинять федеральный центр в нарушении договоренностей.

Сегодня утром в Ленинском районе Грозного при проведении инженерной разведки местности обнаружен и обезврежен управляемый фугас, начиненный двумя килограммами взрывчатого вещества. В Октябрьском районе обезврежен подготовленный к взрыву управляемый фугас.

В полевом госпитале в Ханкале, не приходя в сознание, скончался военнослужащий внутренних войск **рядовой Константин ЧУПИН**, два дня назад получивший тяжелое ранение в результате обстрела КПП.

18 июня. Около шести часов вечера на территории Ингушетии совершено разбойное нападение на личный состав караула внутренних войск, возвращавшийся к месту дислокации своей части в Назрани после службы по охране рабочих на нефтезаводках.

БТР обстреляли из трех РПГ "Муха". Погибли 7 военнослужащих: **лейтенант Отар ГВИАНИШВИЛИ**, рядовые **Алексей РЫБАЛКО**, **Алек-**

сандр АПРАКСИНОВ, **Анатолий НЕНКО**, **Роман СТАРОВЕРОВ**, **Роман ПОЗНЯКОВ**, **Александр МАКМАТОВ**, 4 военнослужащих ранено.

Командование внутренних войск обращает внимание на то, что боевых действий внутренних войск в этом районе никогда не вели.

Как полагают военные, кровавая вылазка сепаратистов свидетельствует о том, что неоднократные заверения руководителей Ингушетии о нейтралитете в ходе боевых действий в Чечне, об осуждении чеченских террористов и принимаемых мерах по выдворению боевиков все больше расходятся с действительностью.

В этот же день при проведении инженерной разведки местности на перекрестке улицы Гудермеская и переулка Краснофлотский войсковые саперы обнаружили и обезвредили фугас. На перекрестке улиц Заветы Ильича и Газовая обнаружены три фугаса с управляемыми минами, установленными на неизвлекаемость. Воины-саперы сумели обезвредить и эти находки.

21 июня. Боевики продолжают тактику диверсий на маршрутах движения транспортных войсковых колонн, минируют дороги, обстреливают места временной дислокации воинских частей. Зафиксировано 10 обстрелов, в районе населенного пункта Алхазурово один военнослужащий ранен. Военные отмечают появление мелких банд в районе Гудермеса. Бандиты терроризируют местное население. В Грозном днем обстановка относительно спокойная. В темное время суток заметно активизируются криминальные элементы: за прошедшие сутки зарегистрировано 14 уголовных преступлений.

24 июня. В результате обстрелов ранены двое военнослужащих, еще двое получили ранения, подорвавшись на растяжках.

В Грозном действуют группы бандитов, которые пытаются заставить жителей не участвовать во втором туре выборов Президента России.

25 июня. В Грозном около 8 часов утра военнослужащим, проводящим инженерную проверку местности, старик чеченец сообщил, что около кинотеатра "Россия" лежат две отрубленные головы. Около центрального входа в кинотеатр военнослужащие обнаружили тумбочку, на которой лежали две головы. За углом киоска они обнаружили еще одну голову. К тумбочке была приколоты записка: "Они шли убить Басаева и попали в ад! Голосуй — и твое место рядом с ними. С уважением, Ельцин." Эта страшная находка — еще одно доказательство того, что переговоры о мире нужны сепаратистам только для того, чтобы укрепить свое влияние в республике, восстановить режим, при котором можно грабить и убивать. Сепаратисты делают ставку на тотальный страх.

По данным на 25 июня, за период боевых действий погибло 718 военнослужащих внутренних войск, ранено 3279 человек, насильственно удерживаются боевиками 24, числятся без вести пропавшими 17.

Подборку подготовили подполковник В. ПАНЧЕНКОВ, старший лейтенант С. КОЛЕСНИКОВ.

Строки, рожденные в бою

БОРОДАТЫЙ, УСТАВШИЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПОЛК...

* * *

Я встречал эшелон.
Из Чечни в феверале
Бородатый, уставший
Мой полк возвращался
За вагоном вагон.
Как дозор на скале,
Между спящих машин
Караул размещался.

С неба сыпался снег,
Заметая весь мир,
Отбелив на платформах
Трофейные пушки.
Сколько ты человек
Потерял, командир?
Русь, опять стон идет
По твоим деревушкам!

Извините, мальчишки,
Ни при чем офицер,
Что пушкой молодым
Оттененные лица
Даже слишком уж часто
Попадали в прицел,
И в степи воронью
Было чем поживиться.

Взводный тоже ведь юн —
Двадцать, ну двадцать пять —
Он и сам по неделе
Щетину не бреет.

Он бы тоже с гитарой
Пошел погулять,
Смастерил бы для сына
Воздушного змея.

Но... взгляните на тех
От страны "мудрецов",
Что сегодня стоят
При российском штурвале,
Это волею их
Без сухая и дров
На авось и небось
Воевать начинали.

Вползадачи, вполсмысла
Получая приказ,
Друг по другу полки
Из орудий палили
И под небом чеченским,
Бывало, не раз
Своей кровью
За чьи-то просчеты платили.

Наверху — гордецы.
Только в чем ваша честь?
В неуменье? В незнание?
В нежелании слушать?
Разве могут отцы
За престиж, спесь и лесть
Так бездумно губить
Сыновей своих души?

СЕНТЯБРЬ-94

Махачкала. Плюс двадцать. Ветер.
Иду по трапу в свете фар.
Мой путь не я сюда наметил.
Мой путь лежит в степной Кизляр.

Там полк задачу выполняет.
Своей уставшею броней
Он Дагестан разъединяет
С войной охваченной Чечней.

Бронежилет, приросший к коже,
К плечу приросший автомат...
Глоток воды всего дороже,
Где пыль и грязь, где сущий ад.

А воды гонит мутный Терек,
Как сто, как двести лет назад.
И, как тогда, кавказцев мирит
Российский труженик-солдат.

* * *

Капитану Евгению Гаврилову

Меж двух хребтов зажатый Гудермес.
Колеса месят грязный снег.
Под хмурой сединой небес
Еще ты жив, военный человек.

За месяцы изъезжены поселки,
И выручал других ты из засад,
Знал пули посвист, свист осколка.
И наступал, и отходил назад.

Декабрь.

Привычно поднят по тревоге,
На звуки боя двинулся отряд.
Заснеженной, раздрызганной дорогой
В неравный бой торопишься, солдат.

Горбатый виадук через "железку",
У педучилища уже завязан бой.
Глаза бандита

с волчьим хищным блеском
Издалека следили за тобой.

Засада тут давно была готова,
До боя был просчитан каждый ход:
Поскольку это знать врагу не ново —

К просящим помощь
помощь подойдет.

Меж двух хребтов зажатый Гудермес.
Колеса месят грязный снег.
Под хмурой сединой небес
Ты пал в бою, военный человек...

ИДЕМ ЧЕЧНЕЙ

Сквозь пыль степей,
сквозь зарево пожаров,
Под пулевую россыпь по броне
Идем с тобой, товарищ мой бывалый,
По обожженной, раненой Чечне.

На бреющем проносятся "вертушки",
Ощерив пулеметы на бортах.
И парня, угодившего в ловушку,
Товарищи выносят на руках.

Омоновский "Урал",
пробитый "Мухой",
Надсадно роет землю колесом,
Просвищет мина, разорвется сухо,
Пехота в грязь повалится лицом.

Вот памятник
вступившим в бой под Джалкой —
Сгоревший бэтээровский каркас.
Попавшим тут в засаду было жарко,
Когда на помощь не поспел спецназ.

Стоит в горе зарытая зенитка,
Приглаживает жерлами хребет.
И трассеров извилистая нитка
Идет сквозь отсвет матовый ракет.

Не вымыт, недокормлен и обтрепан,
В х/б с несчетным множеством
заплат,

Ты, сколько смог,
по-честному протопал,
Двужильный,
многоотерпящий солдат.

Вячеслав КОРОБЕЙНИКОВ.

Санкт-Петербург.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Вячеслав КОРОБЕЙНИКОВ родился в Ленинграде. Окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище им. С.М.Кирова. С 1994 года служит во внутренних войсках. Сейчас он старший офицер отдела боевой подготовки управления Северо-Западного округа внутренних войск. Подполковник. Отправляя из горячих точек письма домой, он нередко вкладывал в конверт листки со стихами. Некоторые из них и составили эту подборку.

Слово — ветерану

БДИТЬ — ЗНАЧИТ ПОБЕДИТЬ

На фронте не раз был свидетелем, как бдительность бойцов и командиров спасала их самих, их сослуживцев от гибели, помогала побеждать коварного и сильного врага. Для каждого из нас, хлебнувших военного лиха, "смотри в оба" — были не просто расхожие слова, но и норма поведения, которая вошла, что называется, в нашу плоть и кровь. Окончилась Великая Отечественная война. Многие соединения Советской Армии расформировывались, воины старшего возраста возвращались домой. Однако ряд частей, в том числе и внутренних войск, продолжали вести бои с бандеровцами, другими гитлеровскими последышами и просто бандитскими шайками. Так что на беспечность, потерю бдительности мы не имели права. Наблюдательность, умение верно оценить обстановку, предупредить неприятеля — все это, как и на фронте, помогало добиваться успеха в нелегкой борьбе с врагом. Чтобы мои рассуждения о бдительности не показались кому-то дежурными нациданиями, постараюсь их подкрепить запашищами в память примерами.

В один из осенних дней сорок пятого года к нам в батальон, дислоцировавшийся во Львовской области, поступило пополнение из расформированной пограничной части. Ранее она участвовала в охране тыла действующей армии. Это были обстрелянные ребята. Некоторые из них первыми встретили войну на границе. Мне, начальнику штаба батальона, предстояло распределить прибывших по подразделениям.

Когда подошел к строю, был приятно удивлен: в первой шеренге стоял Саша Волков, с которым в 1940 году вместе пришли в пограничные войска. Мы, земляки-саратовцы, еще до

армии дружили. В октябре сорок первого наши пути разошлись. Он остался в погранотряде, а меня откомандировали во внутренние войска. После участия в обороне Москвы я окончил военное училище, командовал взводом, ротой. И вот опять вместе.

Объятия, взаимные расспросы о доме, службе, боевых делах. Вспомнили и интересный эпизод, героем которого был Саша. Это случилось в первый месяц нашей службы на границе.

После учебного пункта прибыли на заставу. Ознакомив с участком охраны, нас стали назначать в наряд, но в основном днем. В то время на участке нашей комендатуры систематически нарушал границу один контрабандист. Занимался он тем, что скупал и вымогал у сельских жителей румынскую валюту, ценности. В прошлом житель пограничного района Бессарабии, он хорошо знал местность по берегам реки Прут и безнаказанно переходил кордон. Пограничники шутили, дескать, граница наша на замке, а вот ключ от него у Иону в кармане (так звали нарушителя).

Граница почти повсеместно в инженерно-техническом отношении была оборудована плохо. Это сейчас электроника, а тогда на нашем участке ничего, по сути, не имелось, кроме волчьих ям, завалов из камней и сучьев да подвешенных на проволоке жестяных консервных банок. Правда, пограничники пришли на Прут совсем недавно.

На левом фланге участка, на сопредельной стороне, у самого берега находилась деревенька, утопающая в садах и виноградниках. Берега Прута заросли тальником, деревьями, что затрудняло наблюдение за местностью. Примерно в полукилометре от деревни виднелась роща, куда вечерней порой на ночлег слетались вороны и галки, а чуть дальше — курган, поросший кустарником.

Находясь в дозоре, мы настолько привыкли к перелетам пернатых одним и тем же маршрутом из деревни в рощу вечером и обратно на кормежку утром, что перестали обращать на них внимание. Хотя на границе все важно. И наш товарищ преподавал нам хороший урок.

Как-то в октябрьский пасмурный вечер Александр с командиром отделения несли службу. Наблюдая за местностью, Саша старался быть

предельно собранным. Именно это позволило ему подметить перемену в поведении птиц. Как правило, они летали спокойно. А тут что-то нарушило ритм их тяги. На подходе к кургану вороны и галки вдруг стремительно набирали высоту. Что-то их пугало.

"Вероятно, кто-то из местных жителей собирает сушняк на топку", — среагировал на доклад подчиненного сержант и увиденному значению не придал.

Так случилось, что и на другой день они выполняли боевую задачу в том же составе и в том же районе. И опять поведение птиц вызвало недоумение у Саши. На этот раз он уже не только доложил о замеченном старшему наряда, но и поделился с ним своими соображениями. Дескать, ворона видит далеко. Как правило, она спокойно реагирует на открытые, не пугающие ее объекты. При малейшем намеке на опасность проявляет осторожность. Ему до призыва в армию доводилось бывать на утиных перелетах, и сам не раз становился свидетелем, как ворона, еще не долетев до хорошо замаскированного в скрадке охотника, стремительно отваливала в сторону.

Сержант прислушался к доводам Александра. О результатах наблюдения и подозрениях доложил начальнику заставы.

Пост наблюдения, выставленный на рассвете следующего дня, обнаружил мужчину, который крадучись пробирался к месту, облетаемому птицами. Там он замаскировался и весь день наблюдал в бинокль за нашей стороной. Только с наступлением темноты тася возвратился в деревню.

Начальник заставы решил выставить здесь секрет на ночное время, в состав которого включил и Волкова. Две ночи прошли безрезультатно. Настала третья. Тихо. Ни звука. В небе полная луна серебром высвечивает дозорную тропу и сектор наблюдения. Вдруг собака, находившаяся с пограничниками, прислушалась, навострила уши и повернула голову к реке Прут. Начальник секрета дал условный сигнал приготовиться к задержанию. Лежали не шевелясь, чтобы не вспугнуть незваного гостя. Прошла минута-другая — ничего. Неужели ошибка? Но вот и он, лазутчик. Обнаглел настолько, что пошел на нарушение границы в светлую ночь. Соблюдая маскировку, согнувшись под тяжестью груза, он двинулся в глубь нашей территории. Его тотчас задержали.

Нарушитель был крайне удивлен, как его, мастера маскировки, осторожнейшего из осторожных могли вычислить. Так и не узнал он, что его, подвели вороны, а помог задержать бдительный солдат-первогодок.

Этот пример я привел не случайно. Больно мне, ветерану войск, слышать по радио и телевидению, что сейчас, во время боевых действий в Чечне, наши парни несут немалые потери от пуль снайперов. Наблюдательность, умение изучать местность, подмечать и анализировать, казалось бы, мелочи при оценке складывающейся обстановки — все это очень даже может повысить эффективность борьбы с про-

тивником, коварно действующим из-за замаскированных укрытий...

Не раз Саша отличался и на службе во внутренних войсках. И здесь ему пригодилась природная наблюдательность, следопытские навыки.

Банда Кожухаря все время уходила от следования, укрывалась предположительно в глубине лесного массива. Ни поиски, ни засады результатов не давали. Несомненно, у бандитов были пособники из числа селян.

Сам Кожухарь — местный житель. С первых дней войны дезертировал из Красной Армии, перебежал к немцам и в своем же селе стал полицаем. Самолучно расстреливал земляков за связь с партизанами, военнопленных. С убежавшими хозяевами не ушел. Сколотил банду из таких же отщепенцев, как сам, подался в лес. На совести банды — убийство председателя сельсовета, сожженные дома активистов. Подразделения внутренних войск обнаружили банду, окружили ее и в ходе боя уничтожили. Ушел от пули главарь. Затем нашел новых людей и продолжал бесчинствовать. Так, убил девушку — бригадира полеводческой бригады за то, что она не выполнила его приказание не работать на Советы.

Наступили холода. Один сдавшийся бандит показал, что он неоднократно слышал, как Кожухарь похвалялся, что чекисты ищут его в лесу, а он укрывается в населенных пунктах. Зачем зимой отрываться от жилья? Там тепло, сытно, рядом родственники и любовницы. Провели тщательнейшую разведку и через местных жителей получили данные, что банда прячется в схроне где-то в родном селе главаря.

Командир батальона решил провести операцию по поиску и ликвидации воскресшей банды. Блокировали населенный пункт, поисковые группы начали последовательно осматривать подворья.

В одну из групп входил и Саша Волков. Осматривая с товарищем чердак хаты, он обнаружил металлическую трубу, выходящую на соломенную крышу. Конец трубы был покрыт ином.

"Как чело зверовой норы в зимнее время. По иному, бывало, определяли, посещают лисицы логово или нет. Только от теплого воздуха, выдыхаемого человеком или животным, может образовываться иней", — размышлял Волков.

Доложил старшему. Проверив версию, установили, что труба уходит в землю под ларь с зерном. Усадьбу блокировали. С помощью щупов обнаружили схрон, а вскоре и лаз в него.

На предложение сдать бандиты ответили огнем. Пришлось в убежище несколько раз выстрелить из ракетницы. Вскоре, подняв руки, из лаза показались три бандита. Кожухаря среди них не было. На вопрос, где главарь, один из сдавшихся ответил, что он застрелился. Действительно, в схроне нашли труп Кожухаря.

За эту операцию и другие боевые дела Волков был награжден орденом.

А тем меня перевели в Белоруссию. И здесь мне довелось столкнуться со случаем, аналогичным рассказанному выше.

Остатки потрепанной в ходе боев банды во главе с неким Каземирявичусом, действовавшей на границе с Литвой, периодически появлялись на хуторах. Запасаясь продуктами, совершив очередную преступную акцию, бандиты уходили в лес, что затрудняло их поиск.

Накануне моего прибытия в батальон бандиты расправились с семьей офицера, отбывшего на учебу, не пожалели даже детей. Сожгли учительницу только за то, что дала детям задание выучить стихотворение о советской власти. Сожгли сельсовет.

А схватить преступников все не удавалось. Сообщения о их появлении поступали несвоевременно, и подразделения батальона опаздывали.

Так было и в тот раз. Четыре бандита, убив сторожа, ограбили магазин. Перед уходом из деревни подожгли клуб. Наши воины прибыли тогда, когда от него остались дымящиеся головешки. Изучив детали происшествия, командир батальона, потрясенный увиденным, поставил задачу штабу и командирам рот.

Суть его задумки заключалась в следующем. На путях вероятного бегства бандитов выставлены усиленные наряды со средствами связи. На рассвете рота, подойдя к населенному пункту, как к логову волков, вытесняет преступников. Уходя в район своего скрытого обитания, они должны были нарваться на одну из засад.

Все так бы и получилось, но Каземирявичуса, видимо, кто-то предупредил о замысле предстоящей операции... После того как его подняли по тревоге в селе, он решил переждать опасность поблизости, в запасных бункерах. И повел туда свою стаю.

На руку бандитам сыграла и погода. Утро выдалось препаршившее. В плотном тумане растворялись даже очертания вытянутой руки. Незаметно подобраться к деревне подразделению не удалось: еще на подходе воинов встретил такой оглушительный хор разноголосых дворячек, что всполошилась вся округа. Обложные, казалось, "волки" успели ускользнуть. И секреты никого не заметили, хотя плотно перекрывали пути отхода.

Дальше события развивались так.

В полутора-двух километрах от деревни находилось неглубокое болото 300-350 метров в длину и 200-250 метров в ширину, поросшее густой высокой травой, камышом, кустарником и отдельными деревьями, многие из которых засохли. Посередине болота проходила небольшая песчаная коса. Слева и справа от нее поднимались над водой кочки. В прошлом поисковые подразделения неоднократно навевывались сюда, но кроме диких уток, водившихся там в изобилии, никого не встречали.

По берегам шли тропы. За болотом, где они сходились, и расположился один из секретов. В состав наряда входил рядовой Скворцов. Еще туман не рассеялся, как этот наблюдательный и бдительный воин обратил внимание на тревожно поднимающихся с криканием уток.

— Товарищ сержант, — шепнул он старшему, — обратите внимание на уток. Такое впечатление, что по болоту кто-то бродит.

— Кто полезет в такое раннее утро в трясины? Охота здесь запрещена. Мы недавно ходили тут, ничего подозрительного не обнаружили.

Прошло еще несколько часов. Никто в поле зрения бойцов не появился, о чем было доложено командиру. Августовское солнце разогрело воздух. Секрету поступил сигнал сниматься и идти к месту сбора. Сержант повел наряд берегом болота. И вскоре убедился, что Скворцов оказался прав в своих подозрениях насчет кем-то вспугнутых уток: была обнаружена мутная полоса в светлой воде, уходившая в глубь топи. Лосей, кабанов в округе вроде бы не водится...

Тщательно обследовали берег, на нем обнаружили еле заметные отпечатки сапог. Стало ясно, кто поднимал птиц.

Обошли вокруг болота, выхода следов не нашли. Значит, прошедшие где-то на болоте.

Полетел условный сигнал. Прибывший с подразделением командир батальона вначале усомнился в доводах подчиненных: чтобы бандиты скрывались в трясине — в практике подобного не было. Но вспомнив о песчаной косе, отбросил сомнения и приказал блокировать болото.

Соблюдая тишину, осматривая, что называется, каждую кочку, каждый кустик, поисковая группа медленно продвигалась по болоту. Выйдя на песчаную косу, все тот же Скворцов обратил внимание на некоторые кусты, отличавшиеся от росших рядом. Они имели блеклый, а не зеленый вид. Листочки на них висели тряпками, в то время как на других росли, как положено. Присмотрелись к одному. Ба, да куст-то растет из деревянного ящика. Может, лаз?

С подобными ухищрениями личному составу батальона приходилось уже встречаться. Забросив на куст металлическую кошку на веревке, вместе с ящиком извлекли его из грунта.

— Сдавайтесь! Вы окружены! Оставьте оружие в убежище и по одному выходите на поверхность! — крикнул командир поисковой группы.

В ответ раздался автоматная очередь, затем вторая, третья.

Воины знали, что бандиты во многих случаях после стрельбы выскакивают из схрона и, пользуясь замешательством окруживших, прорываются через рубеж блокирования. Чтобы этого не произошло, пришлось бросить в люк гранату. Стрельба прекратилась. И воины увидели, как колпаки некоторых кочек вроде бы сами собой поднимаются и из-под них выскакивают бандиты. Но никто из них не ушел от возмездия.

Так наблюдательный солдат благодаря своему зоркому глазу помог закончить еще с одной "волчьей стаей", терроризировавшей мирных граждан.

Полковник в отставке В.ЖУКОВ.

"Гроза"

ПОД ЯСНЫМ НЕБОМ

Граница наша на замке. Прочно.

Так было. Сейчас к замку ходят и ключи, и отмычки. Запросто. Время такое.

Но стражам границы и всего Отечества нашего несмотря на трудности сокрушительных реформ есть чем встретить и обуздать взломщиков.

... "Бандформирование" численностью до пятисот штыков на бронетранспортерах и грузовиках прорвалось через кордон, намереваясь совершить серию диверсионных актов и захватить заложников в поселке Калининце. К 5.00 "нарушителей" блокировали силами федеральных войск.

Ультиматум по звуковещательной станции: прекратить сопротивление, сложить оружие. В противном случае...

"Супостат" ответил огнем, рассчитывая на поддержку с сопредельной стороны: оттуда, по сообщению начальника погранзаставы, выдвигаются две вооруженные до зубов группы "непримиримых".

Значит, готовится прорыв.

Артидивизион — к бою!

Слышится интенсивная стрельба со стороны границы.

— Я застава! Координаты... Сигнал на открытие огня — "Гроза".

— "Амур", я "Ока"! Второй и третьей батареей сосредоточенным огнем — подавить... "Гроза"!

Ухнули самоходки "Акации".

Заговорили стволы танков и бэмпэшек...

По такому вот жесткому, динамичному сценарию развивались события на общеевойсковом полигоне во время проведения спецоперации по уничтожению прорвавшихся через границу "бандформирований".

Это было не совсем обычное учение. Вместе с мотострелками, артиллеристами, авиаторами Российской армии и пограничной заставой в бою участвовал батальон софринской бригады оперативного назначения внутренних войск. Перед представителями трех силовых ведомств стояла общая цель: в процессе организации "контртеррористической акции" разрабо-

тать единые взгляды командиров и штабов по налаживанию взаимодействия, совершенствованию методики совместного управления огнем и подразделениями.

Нет необходимостишний раз доказывать, насколько важны сегодня такие боевые занятия. Чеченский опыт дал немало примеров, когда одновременное применение частей Министерства обороны и МВД приводило к драматическим последствиям: били друг по другу. Нескоординированность планов, использование нестыкующихся по частотам радиостанций, разноречивость в системах позывных и сигналов — все это мешало армейцам и войскам правопорядка действовать дружно и согласованно.

Словом, механизм взаимодействия структур, отвечающих за обеспечение национальной безопасности, требует серьезной наладки. И проблема эта активно решается. На уровне командиров частей и подразделений в стреляющем регионе. В органах управления войсками разного ведомственного подчинения. И, конечно, на полях боевой учебы — дабы не повторять старых ошибок. Вот и сейчас...

Наносят удар огнеметчики "шмели". Вовсю работает минометная батарея — ставит заградительный огонь. "Боевики", неся потери, откатываются назад.

Настает черед оперативного батальона внутренних войск.

Вперед — на "зачистку"!

Бэтэры в предбоевом порядке. До рубежа развертывания скорость — максимальная.

В линию боевых машин!

Система задымления "Туча" — залп!

Еще рывок.

Спешиться! Развернуться!

Проходы в минно-взрывных заграждениях.

И снова — целью.

Огонь на уничтожение! Из автоматов, пулеметов, снайперских винтовок. Башенных стволов.

Сопротивляющихся "нарушителей" добивает артилле-

рия. Наносят удары "вертушки".

Условия — максимально приближенные к реальным. Огонь — боевыми снарядами и патронами. Как в настоящем бою...

Есть "раненые". Быстрее перевязать. Сигнальными патронами указать площадку для санитарного вертолета.

Под прикрытием барражирующих кругами "стрекоз" медики эвакуируют по воздуху перевязанных бойцов.

Ротам — в "зеленку". Классическая зачистка.

Как на войне. Без послаблений и упрощений.

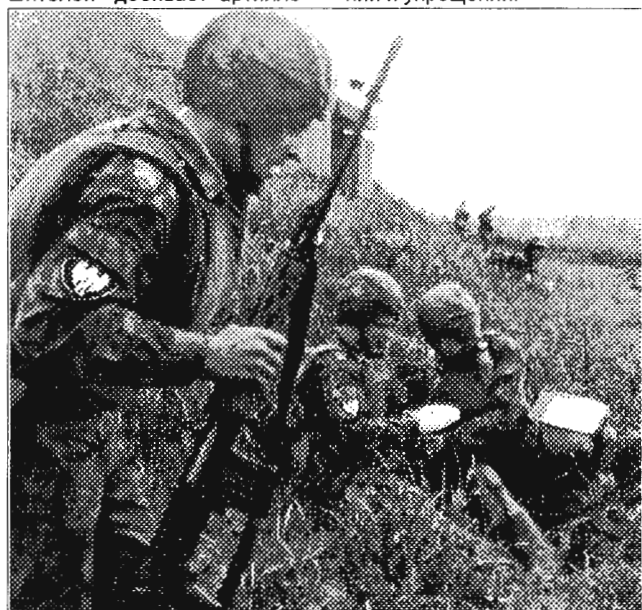
"Непримиримые" уничтожены. Можно смахнуть соленные капли с лица, передохнуть.

Итоги? В реальном бою пришлось бы сильнее попотеть. И крови пролить — не понарошку. Но все же результат не может не радовать.

— Тактические батальонные учения прошли на высоком уровне, — говорит начальник артиллерии Московского округа внутренних войск подполковник Константин Кохацкий, работавший в боевых порядках оперативного батальона. — Для эффективного управления был создан совмещенный командный пункт, на котором находились представители взаимодействующих войск. Совместное управление огнем обеспечивали артиллерийские корректировщики, назначенные в каждое подразделение. Позаботились о создании единой системы связи. Короче говоря, все было по науке.

— На пользу занятия, — выразил мнение рядовых солдат старший сержант Алексей Галатов, прошедший Бамут, Ассиновскую, Аргун. — Особенно для молодежи. Да и обстрелянным — тренировка на все сто. Меньше шансов погибнуть, если снова доведется воевать.

Лучше не надо. Навоевались. Пусть на полигонах пули и осколки свистят. Ну а придется зарядить оружие все-раз — не забыть бы полигонных уроков. Гроза так гроза!

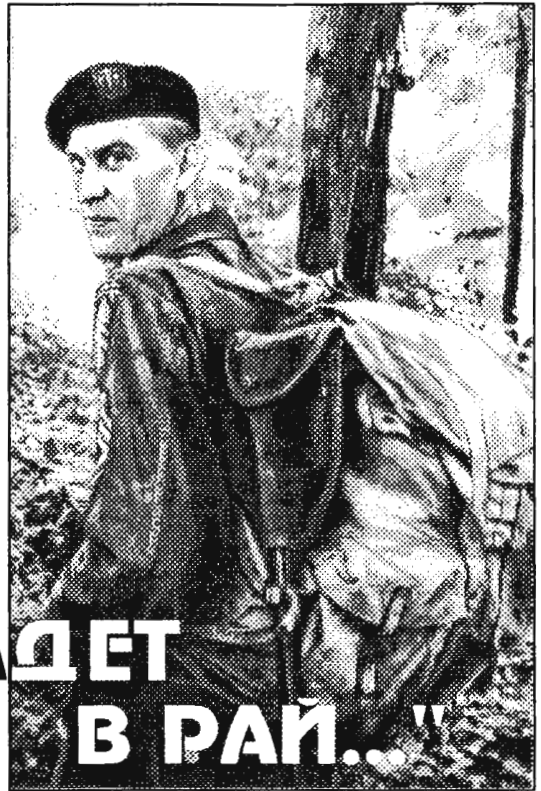

Полковник Ю.КИСЛЫЙ.
Фото автора.

Вступайте
в "зеленые береты"
Наши инструкторы
сделают вас
неуловимыми, как рысь,
ловкими, как обезьяна,
и выносливыми,
как мул.

Реклама американского
спецназа.

**"ЭТОТ
ДЖИ-АЙ
ПОПАДЕТ
В РАЙ..."**

В режиме быстрой координации

Недавно по нашему телевидению демонстрировался американский фильм "Взвод", обнажающий суровую, жуткую правду о вьетнамской войне. В память врезался эпизод. Ночь. Джунгли. Возглавляемая сержантом группа затаилась в засаде. Монотонный, усыпляющий шум тропического ливня. Сквозь заросли беззвучно, словно привидения, движутся партизаны. Заметивший их часовой, молодой необстрелянный солдат, парализован страхом. Запоздалый сигнал...

Я не случайно вспомнил эту киноленту. Во время операций по ликвидации незаконных вооруженных формирований российские спецназовцы нередко держат под пулями экстремистов боевые экзамены,

очень похожие на те, которые тридцать лет назад выпали на долю героев "Взвода". Крупицы приобретенного опыта были оплачены тогда десятками тысяч солдатских жизней. "Этот джи-ай попадет в рай, ибо ад он прошел во Вьетнаме" — такую татуировку делали себе американские командос, выдержавшие смертельные испытания джунглями. И несмотря на то, что кавказская "зеленка" мало похожа на тропические заросли, нашим "беретам", думаю, будет интересно узнать об уроках этой кровавой школы.

В первую очередь следует отметить немаловажную деталь. Напавшие на Вьетнам янки были хорошо знакомы с тактикой контрпартизанской борьбы в условиях джунглей. Специалисты вооруженных сил США глубоко изучили опыт ведения боевых действий в сельве латиноамерикан-

ских стран. Внося продиктованные практикой изменения в уставы и другие служебные документы, учли все факторы, определяющие особенности "нетрадиционной" войны в горно-лесистой местности.

Наиболее важные из них — климат и растительный покров. Джунгли — это мрачная труднопроходимая область опутанных лианами лесов и болот, кишящих ядовитыми змеями, крокодилами и другими мерзкими тварями. Сильная жара и повышенная влажность, которую легко переносят аборигены, — настоящая пытка для чужеземцев. Обильные дожди часто приводят к паводкам. Вышедшие из берегов реки затопляют значительные площади, потоки воды размывают дороги, сносят мосты, заливают лагеря и посадочные площадки.

Разумеется, эти факторы затрудняют проведение локальных и крупномасштабных операций регулярными войсками, зато играют на руку повстанцам, чувствуящим себя в родных лесах как рыба в воде. Вот почему контрпартизанские акции в таких регионах чаще всего превращаются в затяжные войны, изнурительные и беспощадные.

Начнем с того, что противоборствующим сторонам приходится действовать в условиях ограниченной видимости. Движущийся объект в джунглях можно обнаружить на расстоянии от 15 до 35 метров, неподвижный — до 18. Густая растительность предоставляет идеальные возможности для установки мин-ловушек, проводочных заграждений на тропах, устройства засад: почти вплотную приблизиться к замаскированному укрытию бойца и не заметить его в зарослях "зеленки".

Когда подводит зрение, должен выручать слух. Прозвучали нехарактерные звуки или воцарилась тишина — уши на макушке, пальцы на спусковых крючках: тревога! Раз умолкли пернатые и обезьяны — значит, учуяли опасность: на их территории появился человек либо хищный зверь. Таким образом опытные часовые и наблюдатели своевременно засекут приближающуюся группу противника.

Другая важная особенность. Солдат в джунглях, где густая растительность мешает тесному взаимодействию, часто вынужден выполнять боевую работу в одиночку: нападать, защищаться, преследовать, выжидать врага в засаде или на снайперском посту, вести наблюдение в отрыве от своего подразделения, искать

дорогу, если заблудился. Не случайно командование контрпартизанских формирований огромное значение придает индивидуальной подготовке спецназовцев, их способности действовать, проявляя инициативу, самостоятельность, смекалку, военную хитрость.

Кстати сказать, именно благодаря хитрости многим бойцам удавалось сохранить жизнь в безвыходных, казалось бы, ситуациях. Вот хрестоматийный пример, описанный в мемуарах одного из ветеранов "нетрадиционной" войны. Солдат отбил от дозора и в темноте набрел на вражеский бивак. Убедившись, что бежать бесполезно, надвинул на глаза панаму и устроился неподалеку от группы отдыхавших партизан. Всю ночь он сидел, понунив голову, с гранатой в руке. Повстанцы приняли солдата за своего и, очевидно, решив, что он болен, не стали тревожить вопросами. На рассвете, когда врагов сморил сон, боец скрылся. А на следующий день привел с собой дозор, который внезапной атакой уничтожил противника.

По мнению военных специалистов США, для эффективной подготовки личного состава к боевым действиям в джунглях достаточно трех месяцев. За это время солдаты должны развить умственную и физическую настороженность в сочетании с наступательным духом, выработать реакцию на поминутно возникающие во время боестолкновений критические моменты, научиться работать в режиме "быстрой и тонкой координации" глаз, мозга, рук и ног. Если конкретнее, то речь идет о навыках мастерского владения различными видами оружия, умении бросать гранаты между кустами, близко стоящими деревьями и сквозь небольшие отверстия, бесшумно передвигаясь, соблюдая правила звуковой и зрительной маскировки, укрываться от наблюдения, вести разведку, ориентироваться по компасу, небесным светилам и признакам местных предметов, протоптывать в зарослях тропы, наводить мосты, преодолевать водные преграды, переправляя вплавь вьючных животных, самостоятельно добывать себе воду, пищу и топливо.

Большое внимание уделяется также физической и маршевой подготовке, ибо только выносливые, хорошо натренированные бойцы могут выдержать изнурительный переход под ливнем или палящими лучами солнца, сохранив при этом боеготовность.

К слову, сложность передвижения в джунглях связана не только с климатическими условиями. Дело еще и в том, что здесь нет прямых дорог. Все тропы (зверинные ведут к водою, проложенные людьми — к деревьям и возделываемым полянам) очень извилисты. Шагая по ним, трудно выдерживать заданное направление, точно определять длину пройденного пути.

В 1946 году для подготовки командос к ведению боевых действий в джунглях американцы создали уникальный учебный центр "Эскуэла-де-Лас-Америкас". На протяжении трех лет он располагался в местечке Форт-Амадор, что в зоне Панамского канала. Затем был переведен в Форт-Гулик под названием "Школа сухопутных войск в Карибском бассейне". Цель обучения была сформулирована в духе расхожих демократических штампов янки: "Дать латиноамериканскому военному персоналу навыки, способствующие внутренней безопасности и стабильности своих стран" (читай: для защиты жизненно важных интересов Соединенных Штатов на континенте). Не случайно еще раз меняется название центра, который с 1963 года именуется: "Школа сухопутных войск США". Возглавлял его полковник Джордж Шитс.

Несколько подробнее о системе подготовки профессионалов контрпартизанской борьбы. Занятия в школе проводили 63 американских и латиноамериканских инструктора (служебное общение осуществлялось на английском и испанском языках). За год центр в Форт-Гулике выпускал до двух тысяч человек по специализациям: ведение боевых действий в джунглях и командно-штабная работа (для старших офицеров). Численность каждой учебной группы — 40 военнослужащих. Примерно половина из них не дошла до финиша: жесткая и предельно насыщенная программа была рассчитана на командос с незаурядными физическими и психологическими качествами.

Одиннадцать курсов предназначались для офицерского состава, четыре — для курсантов, два — для призывников и два комбинированных — для офицеров десантно-диверсионных и

патрульных войск.

Главный курс "0-3" готовил в течение сорока двух недель специалистов командно-штабной работы по вопросам "внутреннего развития и внутренней обороны". Два с половиной месяца длилось обучение на курсе "0-6": психологические операции против гражданского населения, контрпартизанские акции в городах и сельской местности, разведывательная деятельность. Четыре недели занимал курс "0-16": совместные боевые действия. На нем рассматривались особенности местности, благоприятствующие действиям партизан, изучались способы воздействия на растительный покров с помощью напалма и других зажигательных веществ.

В 60-е годы был сделан акцент на программах, охватывающих проблемы борьбы с повстанческим движением, подготовки и проведения секретных операций по разложению и дискредитации вооруженных формирований партизан, обезвреживания взрывных устройств, охраны представителей власти. На различные учебные циклы отводилось от двух недель до двух лет. Вот, к примеру, что представлял собой 242-часовой курс:

- 47 часов — нейтрализация попытки восстания;
- 30 часов — разведка в городе, где орудуют мятежники;
- 11 часов — поддержка с воздуха;
- 21 час — методы психологической борьбы.

В оставшееся время — темы: обработка гражданского населения, способы веде-

В сельве

ния военной разведки, теория и стратегия коммунизма, основы контрповстанческих операций в городских условиях.

К сказанному остается добавить: тлбкокому изучению преподаваемых дисциплин (всего их было 40) способствовала уникальная библиотека, насчитывающая около 15 тысяч книг, в основном посвященных вопросам боевых действий против партизан.

За 38 лет существования учебного центра через него прошло 45 тысяч военнослужащих. В их числе немало видных деятелей стран Латинской Америки, которые здравствуют и поныне.

1 октября 1984 года школа была закрыта, а ее имущество перевезено на территорию США в Форт-Беннинг, где организовано обучение диверсантов-рейнджеров.

В зоне Панамского канала находилось также несколько центров по подготовке американских военных к боевым действиям во Вьетнаме. Их так и называли: школы выживания в джунглях.

Одну из таких школ с двухнедельным курсом обучения, находившуюся в лагере Форт-Шерман, посетил журналист из ФРГ Ганс Грезман. Вот его впечатления:

"Коренастый майор в форме оливкового цвета причмокивает губами: "Это мясо особенно нежное". И через несколько минут тоном придиричивого гурмана: "А вот это, пожалуй, жестковатое". Мы идем мимо клеток со зверьем, пойманным в джунглях, — пумы, оцелоты, пантеры, огромные змеи и многие другие представители здешней фауны. На большой открытой площадке в сонливой истоме застыли крокодилы и кайманы. На домике, где находятся ядовитые змеи, ярко-красными буквами написано "Danger" (опасность). Каждому солдату дают в руки змею, она вовсе не холодная и липкая, как кажется со стороны. Главное — преодолеть страх. Но потом все-таки рекомендуют обходить гадов стороной".

В Форт-Шермане учили есть в сыром виде все, что бегаёт, прыгает и ползает. Прежде чем употребить в пищу какое-нибудь растение, рекомендовалось вначале попробовать его на вкус. Если не горько, прожевать еще кусочек и ждать несколько часов — не появятся ли неприятные ощущения. И только после этого смело утолять голод.

На берегу заросшего тиной канала была построена типичная вьетнамская деревня

Гатундинь. В стоячей воде отражалась бамбуковая изгородь и традиционная буддийская пагода. Каждый день курсанты либо штурмовали деревушку, либо вели оборонительный "бой". Словом, вращали в обстановку.

Но, к сожалению, овладеть за две недели искусством выживания в джунглях очень сложно. Оказавшись во Вьетнаме, американские парни быстро в этом убедились. И самое страшное — не климат, не ядовитые твари и тропические болезни. Убойная сила кустарного партизанского оружия — вот к чему не были готовы американские коммандос.

Оружие джунглей

"Богомол". Ствол, обычно вмонтированный в ручку мотыги или плуга. Стрелял пулями любого калибра. Им пользовались все — мужчины, женщины и даже дети. Местные кузнецы наладили массовое производство этого нехитрого "мотыго-плугомета". Если не хватало патронов, пустые гильзы заполняли самодельным порохом, изготовленным из поджаренного помета летучих мышей с большим количеством селитры и древесной золы. Вместо пуль использовали шарики от велосипедных подшипников и другие металлические предметы.

"Колючая веревка". Приспособление, состоящее из длинных обрезков прочного ползучего растения, утыканного бамбуковыми пиками, острыми, как бритва, длиной 8-9 дюймов, по три штуки в ряд. Все это укреплялось на дне реки. Когда на "колючку" наступали ногами, она под напором течения змеей обвивала икры. Дергаешься, отчаянно пытаешься освободиться, а пики все глубже впиваются в ноги, заставляя упасть на колени. Был случай: от "колючей веревки" нашли смерть в воде 46 американских солдат.

"Летающая булава". В квадратную корзину укладывается ком глины. По углам закрепляются длинные бамбуковые стрелы, закаленные огнем. Множество таких корзин подвешивается на ползучих растениях, которые прячутся в непроницаемой гуще ветвей. "Ударно-спусковой механизм" приводит в движение задетая ногой проволока: "булава" начинает вращаться на высоте 20 см от тропы. В радиусе ее действия спастись невозможно. Упадешь на землю — будет рассечена спина. Бросишься в сторону — попадешь в траншею с кольями: земляные ловушки устраива-

ются по обе стороны дороги на площади от 200 ярдов до мили.

"Катюша" джунглей. Обязанное с обоих концов веревкой обструганное молодое дерево пригибается к земле. На тетиве закрепляется дюжина бамбуковых стрел, их острия кладутся на ствол; расстояние от земли от 20 см до 2 м. Такие "реактивные установки" с довольно сложными "пусковыми механизмами" устанавливаются по обоим сторонам дороги попеременно с "летающими булавами". Берегитесь, янки!

Зажигательные стрелы. В полой секции древка помещаются сера, смоченная в бензине вата и фитиль. За острием укрепляется фиксатор, препятствующий глубокому проникновению стрелы в цель: секунда — и крыша пылает. Так вьетнамские партизаны ответили на применение напалма, умело и точно используя ручную зажигательную "артиллерию" против объектов американских гарнизонов.

Валуны. Огромные, как буйволы, они устанавливались на прочных бамбуковых подставках, расположенных вдоль всего участка засады, и управлялись взаимосвязанной проволоочной системой. По мере приближения отряда противника захлопывается первая ловушка, остальные срабатывают автоматически. Камни с оглушительным шумом обрушиваются на головы вражеских солдат, вселяя панику в их ряды.

Иглы. В джунглях Вьетнама растут деревья с гигантскими колючками. Их использовали для замысловатых, тщательно замаскированных ловушек, устанавливаемых вдоль троп, ведущих в деревни. Американский солдат пробирается по дороге, стараясь не попасть в капкан ногой, а игла впивается в живот. Пытается уберечь грудь — колючка пробивает подошву. Жи-ай стали использовать металлические "калоши", но такая "обувка" затрудняла движение. Под "огнем" партизанских самострелов бойцы, проклиная все на свете, срывали с ног железные "лапти", которые ветконговцы потом использовали для своих хозяйственных и военных нужд.

А вот биологическая система противодействия. Вспоминает вьетнамский партизан:

"В нашей местности живет крупная и свирепая порода пчел. Меда они не дают, но жалат ужасно. С полдюжины таких на-

секомых могут довести человека до смерти. Мы изучили их повадки и придумали, как обращаться с этими желтыми дьяволами. Однажды пришло известие, что к деревне направляется взвод вражеских солдат. Сняв несколько гнезд, поместили их на деревьях вдоль тропы, по которой должен был пройти противник, вырыли на дороге ямы и прикрепили к настилам прочные бечевки, протянутые к заклеенным бумагой выходным отверстиям пчелиных "домиков". Как только солдат из головного дозора провалился в ловушку, "двери" открылись, и пчелы ринулись в атаку. Янки с криками бросились врассыпную. А вокруг — земляные капканы с колючками..."

Как бразильцы американцев переплюнули

Опыт вьетнамской войны сконцентрирован в Уставе сухопутных войск США. Глава "Боевые действия в джунглях". Все факторы там учтены: климатический, эпидемиологический, психологический. Подробно описаны тактические приемы борьбы с партизанскими формированиями. Сформулированы требования: максимум внимания подготовке частей, предназначенных для проведения боевых операций в особых условиях; укомплектовывать их специально обученными военнослужащими, оснащать необходимым оружием, техникой, снаряжением...

Вьетнамская война заставила по-новому взглянуть на ведение боевых действий в джунглях и военных специалистов стран Латинской Америки. 19 ноября 1966 года состоялся первый выпуск курсантов "Центра обучения войне в сельве" (СИГС), находившегося в зарослях густого тропического леса близ города Манаус, в Бразилии. Если раньше бразильские офицеры проходили "обкатку" в "Школе Америк", то теперь сами американцы могли позавидовать тому размаху, с которым было поставлено дело у младших коллег.

По территории "Центр" в два раза превышает площадь Форт-Брагга. Организаторы СИГС задались целью переплюнуть янки также по качеству подготовки командос. Система занятий и тренировок, содержание учебных программ, фамилии преподавателей — все это окутано тайной. Выпускники, сумевшие пройти полный курс, не "сдохшие" на полпути, получают назначения в отборные части бразильской армии, которые выполняют особо важные задачи.

Обучение начинается с общей физической подготовки и занятий по теме "Самоспасение и выживание в сельве". Поскольку усвоить полный объем информации о флоре и фауне тропического леса невозможно (одних только деревьев насчитывается более четырех тысяч видов), седой профессор-биолог советовал курсантам: "Наблюдайте за макакой. Ешьте то, что ест она. А если сумеете поймать, слопайте и саму макаку". Годится в пищу и ядовитая кобра: надо лишь отрубить голову с хвостом, выпотрошить и зажарить на костре. На десерт можно выпить кофе с соком дерева амапа, напоминающим молоко, или родниковую воду с корнем сарасурамира, который придает ей вкус... пива.

Опытные инструкторы показывают, как привязывать гамак к ветвям, разводять костер под дождем, сооружать шалаши из пальмовых листьев, сушить одежду, учат находить дорогу ночью, мастерить капканы и ловушки, защищаться от ядовитых тварей. Без этих практических уроков новичку в джунглях не выжить. В гнилых трухлявых пнях подстерегают пауки вью-венегра (черная вдова). Укус москита флеботомо (он проникает даже сквозь мелкую сетку) вызывает заболевание кожи, напоминающее проказу. Попавший в организм яд змеи сурукуку пико-де-жака парализует нервную систему. Шанс на спасение? Есть! Сделать на ранке глубокий крестообразный надрез ножом, высосать кровь, защищая губы пластиковой пленкой, и тут же сделать инъекцию сыворотки. Если же не позаботился о противоядии — остается немного времени, чтобы вырыть себе могилу.

Первый этап обучения завершается испытанием: курсантов поодиночке оставляют в сельве. Без продуктов, даже без соли. Только винтовка и девять патронов. С этим оружием спецназовец должен продержаться четверо суток.

На втором этапе задача усложняется: нужно провести в лесу семь дней в составе взвода. У каждого курсанта — двадцатикилограммовый груз: оружие, боеприпасы, сухпай, аптечка, гамак, противомоскитная сетка. Прорубая проход в густых зарослях, отряд идет к цели, известной лишь командиру. На каждом шагу ждут сюрпризы. Случайное прикосновение к болтающейся лиане — и на головы обрушиваются толстые бревна. Споткнулся о корень — срабатывает замаскированный

самострел, трещат ребра от удара распрямившегося гибкого дерева.

Но самый главный экзамен — в конце маршрута: выживание в "плену" в течение 48 часов, без сна и отдыха, под непрерывными пытками. Вначале — "гангорра": курсанта укладывают головой вниз на деревянный лоток, верхняя часть туловища в грязной болотистой луже, где ползают черные скорпионы. Нужно затаить дыхание, застыть в неподвижности. Чуть шевельнешься — укус. Умереть не дадут: дежурный врач вколет сыворотку. Но спецназовца со слабыми нервами дисквалифицируют. Затем инструкторы тащат бойца на "распятие": жесткими лианами привязывают за руки к двум согнутым деревьям и, подложив под голые ступни тлеющие головешки, отходят в сторону. Стволы распрямляются. Тело дрожит от напряжения. Нестерпимая боль от ожогов. Чем дольше выдержишь — тем выше оценка. Прошедший все пытки курсант в заключение экзамена должен голыми руками убить змею и... съесть ее.

После таких экзекуций выпускнику СИГС сам черт не страшен. Никаких эмоций при виде своей и чужой крови. Убить человека — нет проблем...

Живой амулет и символ бразильских командос — рысь, которая живет в клетке неподалеку от штаба учебного центра. Эмблемы с изображением желтой пятнистой головы хищного зверя на зеленом фоне (полукругом надпись "Война в сельве") носят на фуражках и мундирах. Любый бразилец знает: с этими парнями шутки плохи. Боец спецназа, прошедший СИГС, не знает страха и жалости.

"Боди-каунт"

Во время войны в джунглях Вьетнама янки потеряли 57692 солдата и офицера. На уничтожение одного партизана приходилось расходовать в среднем сто тысяч патронов. Главным критерием боеспособности подразделений являлся "боди-каунт" — подсчет трупов.

**Майор милиции
С. ДРЕСВЯНИН.**

Генерал-майор в отставке

Илья БЕЛИКОВ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Наш журнал, дорогие читатели, — это не только предлагаемые вашему вниманию публикации и фотоматериалы. Это еще и люди, посвятившие себя нелегкому, но всегда благодарному, но интересному и нужному делу — военной журналистике.

Журналистика, и военная в том числе, скорее не профессия, а образ жизни. В этом, наверное, и кроется объяснение того, почему уже уволившись в запас военные журналисты не расстаются со своим родным изданием. Они сотрудничают с ним, вместе с молодыми коллегами готовят интересные публикации. Просто заходят в редакцию на огонек поделиться своими радостями и печалью, поговорить “за жизнь”.

Генерал-майор в отставке Илья Григорьевич Беликов — патриарх нашего журнала. Он один из тех, кто создавал его, кто трудился в составе первой редакции.

28 июля нашему уважаемому и любимому коллеге исполняется 75 лет. 1996 год знаменателен для Ильи Григорьевича еще и тем, что 60 лет назад в районке появилась его первая публикация — стихи учащегося педагогического училища Ильи Беликова.

Генерал-майор в отставке Беликов участвовал в Великой Отечественной войне, в операциях по ликвидации бандформирований в послевоенные годы.

Коллектив редакции журнала “На боевом посту” сердечно поздравляет ветерана с юбилеем, желает ему здоровья, душевного спокойствия и новых творческих успехов.

Свидетельство того, что Илья Григорьевич не прекращает журналистской деятельности и находится в прекрасной творческой форме, — глава из его мемуаров.

Я окружен людьми, которых нет.

Марк ЛИСЯНСКИЙ.

Вплотную приблизившись к своему 75-летнему жизненному рубежу, оглядываюсь на пройденный путь. В пестром калейдоскопе событий отмечаю для себя самое существенное — уже 56 лет, с 1940 года, я связан с внутренними войсками. Начал службу рядовым, а закончил генералом. Да и закончил ли? Жизнь свою не представляю без любимых внутренних войск. Связи с ними не прерывал никогда. Вот и сегодня принимаю посильное участие в ветеранском движении, помогаю нынешнему поколению офицеров воспитывать молодых солдат в духе беспредельной любви к своему Отечеству.

Признаюсь, горжусь, что весь свой ратный путь прошел во внутренних войсках. Хотя предложения перейти в другие управления МВД поступали не раз.

Осенью предвоенного 40-го надел я красноармейскую форму и начал отмерять сутки и километры в 3-м мотострелковом полку ОМСДОН НКВД СССР — соединении, которое до недавнего времени именовали дивизией Дзержинского.

Нас, молодых воинов, закончивших учебный пункт в реутовских лагерях и принявших в День Советской Конституции (отмечался он 5 декабря) присягу, разместили на третьем этаже старинных, построенных еще в екатерининские времена Покровских казарм. Писали мне тогда по адресу: Москва, Центр, Покровский бульвар, дом 3, 3-й мотострелковый полк ОМСДОН НКВД СССР, 5-я рота. Один мой бывший ученик — до призыва на военную службу учил я ребятшек русскому языку и лите-

ратуре в неклюдовской семилетке — адресовал письмо так: Москва, Кремль, ОМСДОН, 5 рота, Беликову. Ребята из взвода, передавая из рук в руки конверт, незлобно подначивали меня и моего воспитанника, полагавшего, что его учитель нигде, кроме Кремля, служить не может. Что удивительно, письмо, хоть и с опозданием, нашло меня.

С добрым чувством вспоминаю я службу в 5-й роте, хотя гоняли нас, молодых, нещадно — из горьких неудач войны с Финляндией 1939—1940 годов были сделаны серьезные выводы, которые воплотились в приказы, предписывающие учить войска тому, что необходимо на войне. "Больше пота в ученье, меньше крови в бою" — под таким девизом шла в те дни наша боевая учеба. Пешие и лыжные переходы, маршброски, кроссы, регулярные ночные "тревоги" с выходом в поле... Не скрою, мне, человеку, далекому от спорта, нелегко тогда приходилось. Не знаю, выдержал бы я эти суровые испытания, если бы не мои старшие товарищи из отделения. Особенно благодарен ефрейтору Василию Нефедову — спортсмену, хорошему лыжнику, прекрасному парню, сыну кольчугинского пролетария. Именем его отца названа одна из улиц города.

Как же выручал он меня на 40-50-60-километровых переходах в предвоенном 41-м! Когда силы покидали меня, когда не было уже воли передвигать ноги и появлялось желание рухнуть в снег — а там пусть будет, что будет! — рядом оказывался Василий, снимал с меня тяжелую, как бревно, винтовку, вешал ее себе на шею и, подбадривая словами, заставлял продвигаться вперед. Последние метры дистанции зачастую он брал меня на буксир. И ведь не мне одному помогал Василий — всем, кому было нелегко. Вот такой был парень.

И потом, когда я убыл из полка, судьба не раз сводила меня с Василием Ивановичем. После войны мне довелось возглавлять войсковую комсомольскую организацию, и он работал с комсомольцами, встречались на конференциях, семинарах и прочих мероприятиях. Встречи наши проходили тепло, по-простецки, без церемоний. Товарищи величали Нефедова Василием Ивановичем, а меня просто Ильей. Потом мы расстались лет на десять — Нефедов остался в дивизии Дзержинского, а я отправился в "путешествие" по стране. За это время сменил не одно место службы.

*Илья Беликов. Первый год службы.
Москва, март 1941 г.*

Весной 1960 года я вернулся в родную дивизию на должность заместителя командира — начальника политотдела. Вот тогда мы и встретились с Василием вновь. Встреча получилась немножко курьезной. Вместе с командиром полка полковником В.Огрызко и его заместителем по политической части подполковником И.Асмоловым шли просторным полковым плацем. Вдруг навстречу нам летит мой старый добрый товарищ Василий Нефедов — тогда капитан, начальник физподготовки. Перекинувшись на бегу парой слов с командиром полка, он увидел меня:

- Илья! Какими судьбами здесь?
- Да вот служить прибыл.
- Что, из главка поперли?

Тогда после ликвидации союзного МВД был расформирован и войсковой главк, десятки его офицеров вынуждены были решать вопрос своего трудоустройства. Встречали такое пополнение без особого восторга — приходили они в части отнюдь не командирами взводов, естественно, задерживали и без того небыстрое продвижение по служебной лестнице коренных офицеров.

— Да не то чтобы поперли, — отвечаю.
— Скорее, назначили.

— И кем же, если не секрет?

— Начальником политотдела.

Услышав это, мой друг растерялся и не знал, как дальше себя вести. Опешивший от такого панибратства подполковник Асмолов пришел в себя и дал волю начальственному гневу:

— Ты что, Нефедов, совсем распоясался? Здесь тебе не волейбольная площадка!

Я же подошел к Нефедову, обнял его за плечи:

— Здравствуй, Василий Иванович, дорогой!

И поспешил успокоить своих сопровождающих:

— Капитан Нефедов — мой старый товарищ. Мы с ним в одном отделении служили. Не судите его строго за такое обращение.

Память об этом замечательном человеке пронес через всю жизнь. В одной из своих журнальных статей вспоминал его добрым словом. Когда журнал вышел в свет, попросил своего товарища занести один экземпляр Василию Ивановичу — он тогда лежал дома больной. Потом мой сослуживец рассказывал, что Нефедов, увидев на страницах журнала свое имя, заплакал.

Возвращаясь памятью в далекие сороковые, вспоминая проведенные в Покровских казармах дни, замечу — тогда дедовщины, официально именуемой неуставными взаимоотношениями, в наших воинских коллективах не было. Появилась она позднее, когда исполнять святую обязанность по защите Отечества доверили уголовникам. Они-то и принесли с собой воровские традиции. В наше же время к молодым красноармейцам старослужащие — иного смысла, как опытный, бывалый воин, это слово в себе не содержало — относились бережно. Хотя и немного покровительственно. Иногда они беззлобно иронизировали по поводу нашей неумелости и нерасторопности, но никогда не позволяли себе унижать наше человеческое достоинство, тем более глумиться или издеваться над нами, молодыми воинами.

В одном отделении со мной служил Алексей Хомич. Да, да, тот самый вратарь легендарной команды московского "Динамо", которой восхищалась в победном 45-м вся Великобритания. Правда, в роте Хомич только ночевал, бегал на физза-

рядку, ходил на завтрак и два раза в неделю посещал политзанятия, которые мне частенько доверял проводить командир взвода. Политзанятиями Алексей особенно не блистал, но ему, как вратарю любимого "Динамо", это сходило с рук. Да и не мудрено, почти все время он проводил на стадионе — в играх или тренировках.

С Хомичем мы встретились совершенно случайно в 1951 году. В Киеве, где я находился в командировке, мой друг, заядлый болельщик, затащил меня на футбол. Играла динамовцы Минска и Киева. Начальником команды минского "Динамо" был не кто иной, как Хомич. Гости проиграли. Прямо со стадиона я поспешил на вокзал, чтобы повидаться с товарищем. Он узнал меня, обрадовался. В затянувшейся дружеской беседе поведал о своих переживаниях — с некоторых пор он, бесстрашный страж ворот, стал бояться мяча. Хомич так и не сумел преодолеть этого комплекса — со временем он вообще оставил футбол и работал спортивным фоторепортером.

Не могу не вспомнить добрым словом и моего командира роты старшего лейтенанта Александра Ивановича Серезникова. Служить под его началом я, молодой солдат, считал за счастье. Строгий, но справедливый, без мелочной придирчивости, он никогда не повышал голоса на подчиненных в отличие от многих командиров батальона, чьи зычные голоса не утихали в Покровских казармах.

Наш ротный не маячил постоянно перед глазами, как другие командиры, но, появляясь в расположении подразделения, тут же замечал все недостатки, о чем давал знать дежурному по роте, и они незамедлительно устранялись. Обходилось все тихо — без взбучек, без разносов.

Александра Ивановича уважали, но, признаюсь, и побаивались. Этаким аскет, суховатый в общении с подчиненными, он невольно внушал почтение. Каждый "контакт" с ротным надолго оставался в памяти солдатской. Мне за полгода пришлось иметь дело с Серезниковым трижды. Один раз, будучи начальником караула, он пришел ко мне на пост с проверкой (вводную, которую он дал мне, я решил без проблем, что было отмечено ротным при подведении итогов боевой службы). Дважды Александр Иванович присутствовал на проводимых мною политзанятиях.

29 июня 1941 года меня окликнул старшина роты Михольский:

— Быстренько собирайся, получай оружие — через пять минут построение.

Зачем, спрашивать не стал. Мое дело солдатское — «Есть!» и вперед, выполнять приказание. Собрал свое нехитрое имущество в вещмешок, получил винтовку с подсумком, противогаз, нацепил на пояс шанцевый инструмент, набросил на плечо скатку. Старшина завел меня в канцелярию, дал расписаться в заранее заготовленной ведомости:

— Ты, Беликов, выбываешь из части, а потому имущество надо списать.

Присутствовавший при этом старший лейтенант Сержников успокоил меня:

— Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Послужите в дивизии.

Старшина проводил меня во двор, где возле грузовых машины стоял незнакомый лейтенант со списком в руках и отмечал прибывших. Всего нас собралось 12 человек. По команде забрались в кузов. Машина, погудев на прощание, выехала за ворота, чтобы доставить нас к дому 25 по Безбожному переулку. По этому адресу располагался штаб дивизии, для охраны которого нас и откомандировали.

С Сержниковым увидеться мне больше не довелось. Осенью 1942 года он убыл на Урал, где на базе выведенной из боев знаменитой 10-й Сталинградской ордена Ленина дивизии НКВД формировалась другая дивизия — 181-я стрелковая, которая вошла в состав Отдельной армии НКВД (впоследствии — 70-й армии).

Только после войны я узнал, что мой ротный, будучи уже командиром полка, погиб в 43-м под Черниговом, что посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В 61-м или 62-м году, точно не припомню, я встречал прибывшего в дивизию Дзержинского для дальнейшего прохождения службы капитана Анатолия Сержникова, сына Героя.

Отца своего Анатолий почти не помнил — в 41-м, когда ему было всего три года, Сержниковы эвакуировались из Москвы вместе с другими командирскими семьями.

Беседа наша продолжалась долго. Рассказал Анатолию Александровичу все, что помнил об его отце. Потом поговорили о подразделении, где капитану Сержникову предстояло служить.

Позднее с Сержниковым мы встретились в части, в списки личного состава которой был навечно зачислен его отец.

К сожалению, о Сержникове-младшем там вскоре забыли. Пришлось поговорить на страницах войсковой печати о недопустимости такого бездушного отношения к сыну Героя. Критика подействовала. Контакт с ним был восстановлен. Потом даже внука Героя в часть служить призвали. В августе 1995 года отметили 80-летие Александра Ивановича Сержникова.

Правда, пришлось немало потрудиться, чтобы установить год его рождения. В документах значилось, что родился он в 1914 году. На самом же деле — в 1915. А год Сержников себе приписал, желая побыстрее попасть на военную службу. Это ли не пример для нынешних акселератов-призывников, которые, получив повестку из военкомата, пускаются в бега или прячутся под мамкину юбку?

Вернемся к разговору о том, чем мне довелось заниматься в 5-й роте. Через две недели на третью полк заступал в караул. После развода мы под оркестр гордо шагали по Чистопрудному бульвару, далее по улице Кирова на Дзержинку. Там, оставив несколько нарядов для охраны объектов НКВД, следовали на Старую площадь, где располагались ЦК и МК ВКП(б).

Москвичи останавливались на тротуарах, чтобы полюбоваться строевой выправкой воинов-дзержинцев, насладиться звуками военных маршей.

Кстати, одевали нас тогда попроще и победнее, нежели сегодняшних солдат. Да и кормежка была похуже. Но мы службу свою любили, верили в государственную значимость выполняемых нами задач. Воинская дисциплина в роте, в полку была образцовой. Беспрекословное повиновение командирам и начальникам, неукоснительное соблюдение распорядка дня были нормой солдатской жизни. Когда, бывая в родной дивизии, слышу от офицеров, что в соединении сегодня существуют проблемы с дисциплиной, мне, ветерану, становится нестерпимо больно. Неужели наши славные традиции позабыты нынешним поколением воинов-одоновцев?

5-я рота памятна мне еще и тем, что в ее строю встретил я 22 июня 1941 года, Великую Отечественную войну. Поднятые в пять часов утра «в ружье», мы покинули реутовский палаточный городок и на машинах возвратились на зимние квартиры. Там по радио мы узнали о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Там же поклялись не щадя

жизни драться за честь, свободу и независимость своей Родины.

С 29 июня я уже числился стрелком комендантского взвода при штабе дивизии, о чем рассказал ранее. Спустя некоторое время меня назначили заместителем политрука роты, в состав которой влился комендантский взвод. В октябре 41-го избрали секретарем бюро ВЛКСМ только что сформированного отдельного батальона боевого обеспечения. Началась новая полоса моей ратной службы.

Те октябрьские дни первого и, безусловно, самого тяжелого года войны были критическими для судьбы столицы, для судьбы всей страны. Враг делал все возможное, чтобы поставить Москву на колени — пытался взломать оборону наших частей извне, засылал в город лазутчиков и диверсантов, изводил его ночными бомбежками. Во время одной из них погиб красноармеец Артемий Трифонов — боец жившей по соседству с нами в Покровских казармах пулеметной роты. Он нес службу по охране зданий ЦК ВКП(б) на Старой площади. Во время налета вражеской авиации поста своего не покинул и, несмотря на смертельную угрозу для жизни, продолжал выполнять поставленную задачу.

Памятная доска, напоминавшая о подвиге часового, до недавних пор висела в одном из караульных помещений охраняемого нашими войсками объекта. Сняли охрану — сняли и мемориальную доску. Артемий Трифонов был занесен навечно в списки одной из частей соединения, расформировали эту часть. Если раньше имя героя звучало на вечерней поверке, он как бы незримо присутствовал среди солдат, олицетворял собой связь поколений, то кто и где вспоминает теперь имя бессмертного часового?

Куда бы ни забрасывала судьба воинов-дзержинцев, они всегда помнили, что по их поступкам судят о всем прославленном соединении. И старались в грязь лицом не ударить. Вместе с А.Сережниковым к месту формирования Отдельной армии НКВД из дивизии убыл политрук соседней 4-й роты Леонид Андреевич Григорович. Воевал. За мужество и воинскую доблесть также удостоен звания Героя Советского Союза. После войны Григорович преподавал в Военно-политической академии и до последних дней жизни не порывал связи с родным соединением.

Рассказать о всех тех людях, с кем свела меня судьба в первые месяцы службы, не

представляется возможным. Но еще об одном человеке — Романе Кудряшове я умолчать не вправе.

Нас всегда связывали с ним тесные узы товарищества. Его провожал на фронт в октябре 42-го.

Что это был за парень?

Человек корчагинского склада — энергичный, порывистый, словно рожденный вести за собой других. Не случайно Романа назначили комсоргом полка. Незаурядная личность, он сразу же завоевал доверие молодежи. Человек действия, Кудряшов предпочитал убеждать комсомольцев не словом, а делом. На лыжне он выглядел как-то по-особенному складно, если хотите, элегантно. Надо было научить бойцов окапываться на поле боя — брал в руки лопату, и в считанные минуты на глазах изумленных молодых солдат возникла "солдатская крепость". Ходить в атаку — стремительно шел на воображаемого врага.

Умел комсорг и поговорить с людьми. Когда общался с молодежью, никто не скрывал от него своих душевных переживаний. Знали, интересуется не проформы ради, а чтобы помочь товарищу.

В начале войны Роман засыпал начальство рапортами с одной-единственной просьбой — отправить его в действующую армию. Военком дивизии даже пригрозил ему суровыми карами, если не перестанет настаивать на своем. Но в конце концов сдался. Осенью 42-го Роман Кудряшов убыл в формирующуюся знаменитую впоследствии 140-ю Сибирскую дивизию НКВД.

Роман не вернулся с фронта. Летом 44-го, освобождая от немецко-фашистских захватчиков Украину, пал смертью храбрых — замполит полка, он, заменяя выбывшего из строя командира, поднимал бойцов в контратаку.

Частенько задумываюсь, почему так памятные мне первые месяцы службы в 5-й роте? Наверное, потому, что за полгода, проведенные в Покровских казармах, я сформировался как воин, как гражданин. За древними екатерининских времен стенами усвоил принципы, которым следовал, следую и буду следовать до конца дней своих — превыше всего ставить общественные интересы, ни при каких обстоятельствах не поступаться совестью и честью, гордиться и дорожить своей принадлежностью ко внутренним войскам.

Кавказских сражений свидетель

Почти на всех портретах Лермонтов изображен в военной форме. Таким же он предстает и в памятниках, сооруженных в Пятигорске и Петербурге, Москве и Пензе, многих других городах. Лермонтов с честью носил мундир русского офицера. Окончив недолгий, оборванный пулей воинский путь в скромном звании поручика Тенгинского пехотного полка, он достиг небывалых высот в русской батальной поэзии, создав такие стихотворные шедевры, как "Бородино", "Завещание", "Валерик", "Сон".

*"...Если будет война,
клянусь вам Богом,
буду всегда впереди"*

Друг детских игр, троюродный брат Лермонтова Аким Шан-Гирей вспоминал, что юный Мишель "лепил из крашеного воску целые картины". Иногда сюжетами этих картин служили эпизоды победоносных сражений Александра Македонского с персами. По другим воспоминаниям, среди детских игр Лермонтову нравились те, "которые имели военный характер. Так, в саду у них было устроено что-то вроде батареи, на которую они бросались с жаром, воображая, что нападают на неприятеля".

Эти военные пристрастия опирались, несомненно, на родовую память будущего поэта. Его дальний предок, основатель рода Лермонтовых в России, шотландец Георг Лермонт служил в качестве ландскнехта (наемника) у поляков, но в 1613 году при осаде города Белого перешел в ряды московских войск, на "государеву службу". Офицерами русской армии были отец, дед, прадед и прапрадед поэта. Дед по матери Михаил Васильевич Арсеньев, в память о котором Лермонтов получил свое имя, был капитаном гвардии, многие из его братьев — офицерами, а брат Никита имел чин генерал-майора. Один из братьев бабушки Лермонтова, урожденной Столыпина, Александр, был адъютантом Суворова и оставил записки о нем. Ее брат Николай дослужился до генерал-лейтенанта, брат Дмитрий — до генерал-

майора, брат Афанасий, которого Лермонтов очень любил и называл "дядюшкой", был награжден золотой шпагой с надписью "За храбрость", участвовал в Бородинском сражении. Кстати, губернатором Мишеля был отставной наполеоновский гвардеец Жан Капе.

Сам Лермонтов, не окончив курса в Московском университете, в 1832 году поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Из Петербурга он писал Марии Лопухиной: "...До сих пор я жил для литературной карьеры, столько жертв принес своему неблагоприятному кумиру, и вот теперь я — воин. Быть может, это особая воля providения; быть может, этот путь кратчайший, и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть, приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулею в груди — это лучшее медленной агонии старика. А потому, если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди".

Но испытать себя в настоящем бою ему предстоит еще не скоро. А пока разгоравшаяся на Кавказе война служит сюжетом его первых поэтических творений. В поэме "Черкесы" изображен набег горцев на пограничную русскую крепость. Атака отбита: "черкесы побеждены мчатся", а неустрашимые казаки "несут за ними смерть и страх".

Сюжетную формулу "Кавказского пленника" (русский в плену у черкесов) четырнадцатилетний поэт заимствовал у Пушкина, но в описании быта горцев, их воинского снаряжения и приемов боя он использовал собственные впечатления от пребывания на Горячих Водах и Тереке.

Сюжет восточной повести "Измаил-Бей" более сложен. Это самое большое стихотворное произведение Лермонтова, превосходящее по объему "Демона" и "Мцыри" вместе взятых. В основу поэмы легли реальные исторические события, происходившие на Кавказе в начале XIX века. Ее герои Измаил-Бей Атажукин и Рослаббек Мисостов — кабардинские князья, история вражды которых была известна поэту. Измаил-Бей получил образование в России, под командой Суворова участвовал в штурме Измаила и за отвагу получил Георгиевский крест. Вернувшись на родину, он возглавил восстание горцев. В жарком бою Измаил-Бей поразил ударом шашки своего соперника — русского офицера, но вскоре погиб и сам, застреленный предательской рукой своего брата Рослаббека. И хотя Лермонтов не предназначал поэму для печати, многие ее строфы поражают своей выразительностью и силой:

*И дики тех ущелий племена,
Им Бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жесточких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро,
и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.*

Лермонтов был прекрасным художником, и если полистать альбомы, хранящие его рисунки, можно увидеть, как много места занимают среди них сцены войны. Здесь и уланы, и конные егеря, казаки, вооруженные горцы, бесконечные схватки, перестрелки, засады, эпизоды сражений. Его младший товарищ по юнкерской школе князь Николай Манвелов запомнил "многие рисунки Лермонтова, отличавшие собственнo интимное настроение его: его личные планы и надежды в будущем или мечты его художественного воображения. К этой категории рисунков относятся многочисленные сцены из военного быта, преимущественно на Кавказе, с его живописной природою, с его типическим населением, с боевой жизнью в том крае..."

В ноябре 1834 года Лермонтов был выпущен из юнкерской школы корнетом в лейб-гвардии гусарский полк, стоящий в Царском Селе. Гусары несли караульную службу во дворце, участвовали в придворных празднествах и церемониях. О встрече с поэтом в царскосельском парке рассказал художник М.Е. Меликов: "Живо помню, как, отдохнув в одной из беседок сада и отыскивая новую точку для наброска, я вышел из беседки и встретился лицом к лицу с Лермонтовым после десятилетней разлуки. Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что ирония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла... Заметно было, что он спешил куда-то, как спешил всегда, всю свою короткую жизнь".

*"Я сделался
ужасным бродягой..."*

Еще недавно, мечтая об офицерских зполетах, Лермонтов представлял свою будущую "восхитительную" жизнь как череду "чудацеств, шалостей всякого рода и поэзии, залитой шампанским". Что касается шалостей и чудацеств, то есть здесь и

доля истины, и доля гусарской бравады. Если говорить о поэзии, то вместо шампанского лучше вспомнить "железный стих, облитый горечью и злостью". Или — кровью, как стихотворение "На смерть поэта", когда Лермонтов бросил гневное обвинение в лицо тем, кто был виновен в гибели Пушкина:

*И вы не смаете
всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!..*

Стихи быстро разошлись в списках по столице. Ответ властей оказался столь же скорым; возникло дело "О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым..." Последовал арест, обыск и распоряжение царя старшему медику гвардейского корпуса "посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он..."

Кончиться все могло плохо — разжалованием в рядовые. Солдатский мундир уже пришлось надеть Александру Полежаеву, автору вольнодумной поэмы "Сашка". Лермонтова же велено было перевести тем же чином на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. В марте 1837-го поэт покинул Петербург.

На Кавказе, как всегда, шла война. После того как при штурме русскими войсками аула Гимры пал Кази-Мулла, а потом в мечети Хунзаха заговорщиками был убит Гамзат-бек, имамом Чечни и Дагестана стал Шамиль. "Менее религиозный, чем Кази-Мулла, — читаем о нем в кавказских хрониках, — менее торопливый и опрометчивый, чем Гамзат-бек, Шамиль обладал военным талантом, большими организаторскими способностями, выдержкой, настойчивостью, умением выбрать время для удара... Отличаясь твердой и непреклонной волей, он умел воодушевлять горцев, умел возбуждать их к самопожертвованию и повинению его власти... Превосходя своих предшественников умом, он подобно им не разбирал средств для достижения своих целей".

Горцам противостояли войска Отдельного Кавказского корпуса, командование и штаб которого находились в столице Грузии Тифлисе. На Северном Кавказе наши силы были сосредоточены в основном по Азово-Моздокской укрепленной линии, состоящей из ряда крепостей и казачьих станиц; впоследствии линия получила название Кавказской.

Штаб войск линии находился в Ставрополе, которого Лермонтов не миновал, тем более что начальником штаба служил "любезный дядюшка" — старый ермоловец генерал-майор Павел Иванович Петров, женатый на двоюродной тетке Лермонтова. К тому же дорогой он простудил-

ся и попал в ставропольский военный госпиталь, откуда вскоре был направлен в Пятигорск для лечения минеральными водами.

Пятигорское знойное лето не пропало даром: здесь поэт познакомился с Белинским, набрался впечатлений для будущего романа, а главное, как признавался он в одном из писем, "в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров".

Нижегородские драгуны стояли в Кахетии, но один эскадрон полка был расквартирован в Анапе, где готовились к встрече Николая. Начались странствия: Ставрополь, укрепление Ольгинское, Тамань, снова Ольгинское и — предписание отправиться к стоянке полка в Грузию. Дальнейший маршрут не совсем ясен; вероятнее всего, Лермонтов поехал туда через Дагестан и Азербайджан, во всяком случае, сам он сообщает, что "изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское..."

В Тифлисе Лермонтов записал сказку "Ашик-Кериб". Здесь же узнал о своем прощении: за него замолвил слово Жуковский (в то время — воспитатель наследника престола), и царь приказал вернуть поэта в гвардию — в Гродненский гусарский полк.

В Россию Лермонтов возвращался по Военно-Грузинской дороге. Кавказская ссылка теперь казалась прогулкой, полной приключений. С дороги он пишет Святославу Раевскому: "...Я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке лезгин... я сделался ужасным бродягой, а право я расположен к этому роду жизни".

Ему только 23 года, он полон планов, хочет ехать в Мекку, в Персию или проситься в экспедицию в Хиву с генералом Перовским. Ехать все же пришлось под Новгород — к новому месту службы. Впрочем, ненадолго: бабушка выхлопотала возвращение любимого внука в Петербург, в лейб-гвардии гусарский полк.

Первая кровь

Вернувшись в столицу, Лермонтов, по его признанию, "пустился в большой свет". Пока он колесил по дорогам Кавказа, в печати появилось его "Бородино". Теперь вышла "Песня про купца Калашникова", следом за ней "Тамбовская казначейша". Его принимали в лучших салонах Петербурга, и хорошенькие женщины выпрашивали у него стихи. Приведем свидетельство И. С. Тургенева, наблюдавшего на вечере в доме княгини Шаховской "за быстро вошедшим в славу поэтом":

"На Лермонтове был мундир лейб-гвардии гусарского полка; он не снял ни сабли, ни перчаток — и, сгорбившись и насупившись, угрюмо поглядывал на графиню. Она мало с ним разговаривала и чаще обращалась к сидевшему рядом с ним графу Ш...у, тоже гусару. В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой прелестью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижных глаз. Их тяжелый взгляд странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий... Внутренне Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втолкнула судьба".

Последнее суждение не покажется случайным, если вспомним фразу, которую сам поэт обронил в одном из писем той поры: "...Я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили".

Что касается прохождения службы, то отметим два ареста за допущенные (то ли по небрежности, то ли намеренно) нарушения: корнет Лермонтов получил 15 суток гауптвахты за то, что появился на параде с короткой сабелькой. Потом начальство придралось к неформенному шитью на мундире. В декабре 1839 года последовало наконец производство в поручики.

Сидя под арестом, Лермонтов написал картинку "Вид Кавказа". Душою он часто уносился к "синим горам", и память кавказских странствий стала выплескиваться на бумагу: "Дары Терека", "Демон" и "Мцыри", одна за другой выходят повести "Бэла", "Фаталист" и "Тамань". Готовятся к печати две книги: "Стихотворения" и "Герой нашего времени".

Большой крови Лермонтов еще не видел, и война в романе проходит только приглушенным фоном. Мужские персона-

жи здесь в большинстве офицеры Кавказского корпуса. О Максиме Максимыче мы знаем, что служить он начал еще при Ермолове, получив при нем два чина за дела против горцев. Лет десять он стоял с ротой в Чечне, в крепости за Тереком. С Грушницким Печорин успел побывать в экспедиции; в действующем отряде тот получил ранение пулей в ногу. В Пятигорске у источника Печорин замечает, что "несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные". Тема оружия то и дело мелькает на страницах "Героя", играя важную роль в ряде ключевых эпизодов, да и кончается все повествование рассуждением Максима Максимыча об особенностях черкесских винтовок и шашек. Цензура "Героя" пропустила, вымарав только несколько строчек, где автор имел слишком смелое суждение о вещах потусторонних.

В феврале 1840 года на балу у графини Лаваль произошло столкновение Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. Виновницей ссоры в свете считали молодую красавицу-вдову княгиню Марию Щербакову, оказавшую явное предпочтение поэту. Злые языки страшнее пистолета. Кто-то нашептал Баранту лермонтовскую эпиграмму, сочиненную давным-давно и по другому поводу, но вполне подходящую к случаю ("Ах, как мила моя княгиня! За ней волочитесь француз..."). Другие утверждали, что причиной столкновения был спор о смерти Пушкина. Как бы там ни было, на раздраженную фразу Баранта: "Вы слишком пользуетесь тем, что мы в стране, где дуэль воспрещена" — поэт отвечал спокойно и твердо: "В России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и русские меньше других позволяют оскорблять себя безнаказанно".

Они сошлись в поединке в воскресенье 18 февраля за Черной речкой на Парголовской дороге, где-то неподалеку от места роковой пушкинской дуэли. По словам Акима Шан-Гирея, передающего рассказ самого Лермонтова, сначала были выбраны рапиры: француз оцарапал поэту руку ниже локтя, при ответном выпаде тот сломал свой клинок. После этого противники обменивались выстрелами: Барант дал промах, а Лермонтов выстрелил в воздух.

По другим сведениям, поэт получил легкое ранение в грудь. Об этом он сообщает в объяснительном письме на имя командира лейб-гвардии гусарского полка Н. Ф. Плаутина: "Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успе-

ли мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь..."

Слухи о поединке дошли до царя, и дело приняло скверный оборот. Последовали арест, допросы в комиссии военного суда и заключение в Ордонанс-гауз. Там поэт посетил Белинский, передавший свои впечатления от встречи в одном из писем той поры: "Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что, если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений и жизни".

Неожиданно все осложнилось тем, что молодой француз попытался оспорить слова Лермонтова о выстреле в воздух. Поэт, тогда уже переведенный на Арсенальскую гауптвахту, пригласил Баранта к себе для личных объяснений и предложил, если он, Барант, недоволен, новую встречу по окончании своего ареста... "Француз отступил и признал себя совершенно удовлетворенным".

В дело вмешался Бенкендорф, Лермонтов просил защиты у шефа гвардии великого князя Михаила. Царь собственноручно начертал резолюцию: "Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином..." Поручик гвардии имел старшинство перед армейским, так что это был перевод с понижением.

В апреле на книжных прилавках появились первые томики "Героя". В начале мая поэт покинул Петербург. "Счастливого пути, господин Лермонтов — бросил вдогонку царь Николай, — пусть он очистит свою голову..."

Его вновь ожидали долгие российские дороги, тревоги ночных bivakov, редкие минуты покоя, а больше — превратности и невзгоды последнего года, отпущенного ему судьбой.

"Злой чечен ползет на берег"

С "буйным Терекон" у Лермонтова связано очень много. Здесь и Дарьял, где Терек ревет, "прыгая, как львица с косматой гривой на хребте", и, главным образом, его нижнее течение, "мутный вал", где река представляла естественную границу между чередой гребенских казачьих станиц и чеченским правобережьем. Здесь Лермонтов побывал еще в детские годы, посетив с бабушкой Шелкозаводское — поместье своих родственников Хастовых.

С тех пор название реки, описанной в первых же поэмах, не покидает его произведений. Жизнь казачьих станиц поэт видел и в более зрелую пору — когда "изъездил Линию всю вдоль" во время первой кавказской ссылки. Существует предание, что именно здесь, в станице Червленной, Лермонтов написал свою "Казачью колыбельную песню". В хате, где поэт остановился на постой, он услышал, как молодая казачка напевает над колыбелью. Присев к столу, Лермонтов тут же набросал стихи, ставшие впоследствии народной песней:

*По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал...*

По тем же впечатлениям Лермонтов написал и стихотворение "Дары Терека", названное Белинским "поэтической апофеозом Кавказа". По строю и звучанию оно близко гребенскому казачьему фольклору. Волны Терека приносит в дар старцу Каспию "кабардинца удалого" — воина, погибшего на поле битвы, а потом и "дар бесценный" — труп молодой казачки, окровавленной жертвы какой-то неизвестной нам трагической любовной истории:

*По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову своею...*

Дважды повторив формулу о злом чеченце, Лермонтов, скорее, следует народной поэтической традиции, а вовсе не стремится подчеркнуть непримиримость к извечному врагу. Напротив, в "Бэле" он преклоняется перед "способностью русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить", о чем он позже (и более подробно) расскажет в очерке "Кавказец".

В Червленной происходит и действие его повести "Фаталист", открывающейся фразой из журнала Печорина: "Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты..." Эдва обозначенная сюжетная линия, связывающая героя романа и хорошенькую казачку Настю, тут же и обрывается. Повесть о гребенских казаках написал годы спустя совсем другой русский офицер.

(Окончание следует)

Николай МАРКЕЛОВ.

Пятигорск.

Документ с комментариями

Казачий спецназ

Эта публикация едва ли напомнит специалистам "хорошо забытое старое". Ее назначение — напомнить о другом: о том, что никогда Российская армия в своих войнах, и особенно на Кавказе, не обходилась не просто без "легких сил", коими в настоящее время является спецназ, а именно без иррегулярных, столь выгодно отличавшихся от линейной пехоты и драгуи в предприимчивости и быстроте действий, врожденной ловкости, а главное — инициативности их воинов, которые, в отличие от солдат, были кровно заинтересованы в результатах своей борьбы. Как читатель уже догадался, речь идет о казаках, а также о горской милиции (ополчении верных России князей). Глядя на не слишком удачные действия армии и внутренних войск в чеченской войне, отчетливо понимаешь, что без казаков здесь не обойтись, особенно на новом, контрпартизанском этапе ее. Рано или поздно придется Минобороны и МВД, по примеру погранвойск, создавать настоящие казачьи части. Убеждены, что у казаков с бандитами из-за Терека разговор пойдет по-шуму.

Предлагаем вниманию читателей извлечения из гл. 6. "О военных действиях" Полковой инструкции для Войска Донского в кн. "Положение об управлении Войском Донским". СПб., 1835, с. 286—297.

III. ПАРТИИ

162. В военных действиях партию разумеется команда... отряжаемая не для искания победы, а для открытия неприятеля, наблюдения за его движениями, дознания о его силе, перерезания дорог и сообщений, захвачения курьеров и транспортов, взятия пленных для получения сведений и проч.

Для всех сих случаев командир полка назначает офицеров, по его усмотрению, не исключая и сотенных начальников, если от благонадежности их ожидает более успеха: нижних же чинов избирает без очереди храбрых, исправнейших и на добрых лошадях*.

163. Офицеры, командуемые партиями, должны наблюдать, чтобы на марше из оных никто не отставал, ибо весь успех зависит от быстроты движения и сохранения тайны о направлении партии, а потому и следуют они, буде возможно, скрытыми путями и со всею осторожностью, дабы неприятель не мог сведать об их цели и предпринять что-либо к их вреду. Авангард и арьергард должен быть в приличном числе и всегда находиться в виду команды. Сверх того, в местах узких и лесных, не в дальнем от себя расстоянии, по обеим сторонам отряжать человека по два фланкером (парные боковые дозоры. — Ю. С.).

164. Партия нигде без крайней нужды не останавливается, а если бы востребовала того необходимости, то не иначе как весьма на короткое время, и притом в скрытом месте, которое бы имело во все стороны выходы; но строжайше запрещается делать сие в таких местах, где неприятель мог бы запереть партию, например: в углу между реками, у подошвы непроходимой горы или в селениях, имеющих мало выходов, окруженных болотами, водою и т. п.

Если же партия остановится в безопасном селении, то, выслав нужные разъезды, обносит оное пикетами, дабы оттуда никого не выпускать во все время ее там пребывания, а вышед из селения, дает фальшивое движение в противную сторону и, скрывшись из виду жителей, поворачивает на настоящую свою дорогу и следует со всею осторожностью, дабы никто не сведал о истинном ее направлении.

165. Равномерно партия никогда не должна на одном и том же месте прово-

* Данная оговорка и в наше время, когда спецназ привык топтать пешком и все свое носить с собой, вовсе не кажется анахронизмом, особенно в кавказских условиях.

дить две ночи сряду или два раза готовить неприятелю засады и забирать поодиночке в плен, если сего без шума нельзя сделать. После же удачных ударов партия обязана тотчас переменить место с величайшею скрытностью, так, чтобы неприятель не мог узнать нового ее направления.

166. Командующий партией наблюдает, чтобы казаки имели в запасе хлеба или сухарей на четверо суток и несколько фуража и никогда без оных не оставались.

167. Он должен непременно знать те места, куда отправляется, и все дороги, к оным ведущие; для чего всегда имеет верных проводников и лазутчиков и посредством их приобретает ясные о том познания.

168. Вообще на марше своем и при остановках партия никого из жителей вперед не пускает.

169. Если бы партия была неприятелем открыта, преследуема и от главного войска отрезана, то, не пробиваясь через неприятеля, бросается в сторону и продолжает действовать в пользу сделанного ей поручения; а потом уже, при первом удобном случае, присоединится к полку. Она тщательно скрывает следы людей и лошадей, особенно когда неприятель близок, не разводит огня и не строит шалашей.

170. Исполнив данное начальником повеление, партия возвращается поспешно

с осторожностью, и если найдет возможность, то другим путем.

171. Начальник партии, не исполнивший своей обязанности или действовавший вопреки данного ему повеления, отвечает по всей строгости военных законов.

IV. ЗАСАДЫ

172. Команды, отряжаемые для засад, составляются из людей храбрых и хладнокровных, на верность и терпение коих можно полагаться.

173. Командующий засадою офицер должен заблаговременно собрать вернейшие сведения о дорогах, по которым следуют неприятельские курьеры, транспорты, дозоры и партии, и об окрестностях местоположения, дабы все обратные пути, на случай отступления, были ему известны.

174. Он назначение свое содержит в тайне и достигает до настоящего места разными обходами со всею осторожностью и тишиною.

Примечание. Для засад избираются гористые и лесистые места, где бываю такие рытвины и овраги, углубления и заросшие места, в коих засадные с удобностию могут притаиться и напасть на неприятеля врасплох.

175. Начальник засады обязан верно рассчитывать время и прийти на место оной не слишком рано и не поздно, дабы не утомить людей долгим ожиданием или не потерять самого успеха в предприятии. Он вводит людей в засаду с противной стороны и скрывает там свое пребывание.

176. Нападение на идущего неприятеля располагается (готовится. — Ю. С.) таким образом, чтобы в одно время ударить и во фронт, и в тыл неприятельский, а если засадная команда довольно сильна и местоположение способствует, то можно ставить оную по обеим сторонам дороги и напасть вдруг на оба фланга; но вообще лучше держать всю команду в одном месте и избегать раздробления и шума. Удар из засады всегда производится с величайшею быстротою.

Примечание. Засадные не слишком рано делают нападение, но кидаются на неприятеля тогда, как он поравнялся с ними или уже немного миновал их.

177. Всякая засада высылает тайных часовых (наблюдателей. — Ю. С.), которые взлезают на высокие густые деревья и другие возвышения или скрываются за буграми и, заведя неприятеля, подают засаде условленный наперед знак о его приближении.

178. Проходящих мимо людей или нечаянно зашедших крестьян, кои могли при-

Пластун в полной амуниции

метить засаду, надлежит заманивать, ловить и оставлять у себя или же отсылать к войску.

179. Если идущий неприятель имеет авангард или боковые дозоры, то засада должна стать подальше от дороги и пропустить их, а потом уже подойти к ней ближе; но если бы случилось наткнуться на сии дозоры, то, ударив на них, стремительно опрокинуть и вместе с бегущими ворваться в неприятельскую колонну (в современных условиях это означало бы — по уничтожении боковых дозоров немедленно перенести огонь на колонну главных сил. — Ю. С.).

180. Буде неприятель имеет авангард сильный, то не должно пропускать его, но ударив на оный и захватив сколько возможно пленных, отступить прежде, нежели подоспелет главная его сила.

181. Засада, напрасно ожидавшая неприятеля, обязана отступить со своего места так, чтобы никем не могла быть примечена.

V. ВНЕЗАПНЫЕ НАПАДЕНИЯ

182. Внезапные нападения вообще производятся в тыл и во фланг неприятеля.

183. Начальник партии или отряда, которому поручено сделать внезапное нападение, содержит назначение свое в тайне от своих подчиненных до самой минуты движения и пробирается скрытными путями; а тогда объявляет не только офицерам, но и надежнейшим из нижних чинов как о цели предприятия, так и о расположении своем, наипаче же о сборном месте, которое всякому заранее должно быть известно. Он должен команду свою ставить в две лавы (разомкнутые шеренги, цепи. — Ю. С.), из коих одна служит подкреплением другой, и сверх того позади себя оставляет резерв, которому передает пленных. Самое нападение на неприятеля располагает (готовит. — Ю. С.) с разных сторон, но не раздробляет слишком сил своих и подходит к нему, соблюдая всевозможную тишину до того места, с которого начинает стремительный удар, каковою отважностью (т. е. удара. — Ю. С.) не допускает неприятеля прийти в себя и предпринять меры к сильному отпору.

VII. НАПАДЕНИЯ НА НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ ОБОЗЫ*

185. Всегда удобнее нападать на середину неприятельского обоза, когда одна половина оного прошла уже через дефиле (узкое место. — Ю. С.).

186. При нападении на неприятельский обоз люди разделяются на три части: одна нападает на прикрытие, другая бросается на повозки с тем, чтобы увести их с собою или уничтожить, а третья составляет резерв для подкрепления той или другой части.

187. У первого взятого в плен должно спросить, приставив к груди его оружие, которые из повозок поклажею важнее прочих, дабы захватить их преимущественнее.

188. Чтобы уничтожить обоз, всего легче сжечь оный, но если ни увести с собою, ни сжечь будет нельзя, то порох и съестные припасы бросаются на землю, в воду или истребляются другим каким-нибудь образом.

189. Когда отряд наш слишком слаб для открытого нападения и если не удастся произвести такового при дефиле внезапно, то стараться скрытно подойти к транспорту с какой ни есть стороны, разорить часть оного прежде, нежели сберется конвой, убить или увести с собою лошадей и даже некоторую часть обоза, уезжая с оною быстро по боковым дорогам, которые для того назначены предварительно.

190. Небольшому отряду или партии, не могущей сделать явного нападения на неприятельский обоз, должно стараться опередить неприятеля, разорять впереди его мосты, гребли (плотины), портить дороги, беспокоить частыми и нечаянными набегами, во время коих особенно убивать лошадей и тем вынуждать неприятеля бросать повозки его на дороге.

191. Впрочем, главное достоинство легких войск, особенно же донских казаков... должно заключаться в предприимчивости, быстроте движений и отважной решимости в исполнении. Почему здесь и означаются одни только главные правила военных действий и осторожности. Врожденное свойство и ловкость донских воинов, временем приобретенный навык, благоразумие и сметливость полковых командиров и офицеров во всяком случае могут дополнить все то, что для успеха в предлагаемых действиях по обстоятельствам, истинному положению и движениям неприятельским с выгодой предпринять можно.

Подготовил
подполковник запаса Ю. СУХАРЕВ,
главный специалист Департамента
по делам казачества
Миннаца России.

*Этот раздел может кому-то показаться сплошной архаикой, но стоит только поменять "обоз" на "колонну", а "повозки" на "автомобили", и все видится иначе.

В семнадцать лет надел солдатскую шинель Михаил Федорович БОРИСОВ. Высаживался с моряками под Керчью, полной мерой хлебнул сталинградского лиха, отличился на Курской дуге, став Героем Советского Союза. Закончил войну в Берлине. Затем были годы работы, учебы, службы во внутренних войсках. Прожитое и пережитое легло в основу двух десятков поэтических книг, выпущенных в послевоенные годы. Он лауреат премии имени А. Фадеева, его стихи публиковались в Болгарии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Югославии. Член Союза писателей. Живет в Москве. Эту подборку стихов Михаил Федорович посвящает 300-летию Российского флота.

Михаил БОРИСОВ

На прошитой ветрами скале

Возвращение во Владивосток

Сквозь суету взлетевших к небу чаек,
Как будто сквозь мятущийся туман,
Спускаюсь вниз

и вот меня встречает

Великий, или Тихий, океан.
Ни памяти, ни сердцу не переча,
Я грусти подавить в себе не смог...
А он угрюмо выдвинул навстречу
Не Золотой —

стального цвета — Рог.

...У старого знакомого причала
По-прежнему пехота не в чести.
И все же здесь когда-то откричала
Мне молодость

прощальное "прости".

Хотя в те дни
уже бесился атом,
Вздувая смертоносный ураган,
Но каждый час я был с тобою рядом,
Великий, или Тихий, океан.
За искренность, на верное, и славу
Уже тогда под розчерки огня
Сама судьба по собственному праву
На правый фланг поставила меня.

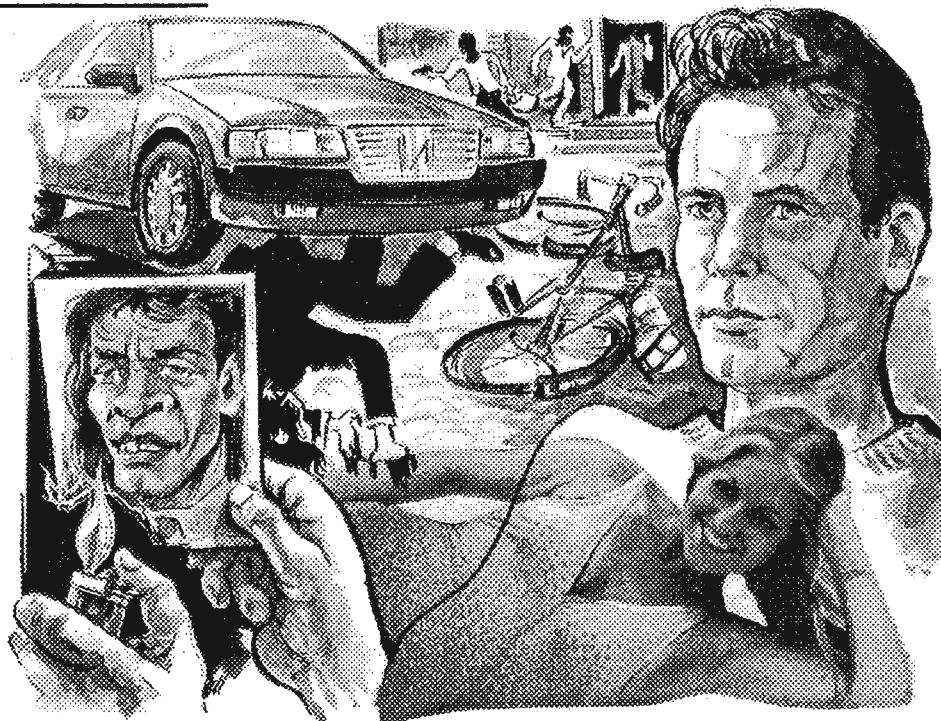
И вот теперь,
едва глухим набатом
Зарокотал недремлющий прибор,
Я снова, как в победном сорок пятом,
Встаю бок о бок именно с тобой.

* * *

Павлу Когану

С давних лет запомнилась картина:
Вдалеке,
Где плавится заря,
Белокрылой чайкой бригантина
Пролетает в блесках янтаря.
Шквал воевую гуляет на просторе,
Рушит мачты,
Рвет оснастку рей,
Но легко и весело с ним спорит
Горстка покорителей морей.
А потом,
На просини бурливой
Четкий след оставив за собой,
Бригантину чайкой белокрылой
Растворится в дымке голубой...
Не грустите, милые,
Не надо,
Если, на земле отговоря,
Вслед за ней и я уйду когда-то
В те края, где плавится заря.

Иван КОЗЛОВ

ДОЛГИ ОТДАЮЩИЙ

Повесть*

24

Падунец достал все, что я просил. Киянки, распылители, нужные щетки... Я за утро обработал два "вольво", у обоих царапины на крыльях, отработал так, что не найти следа ни грунтолки, ни новой краски. Федор Савельевич крутился возле нас тоже в новом комбинезоне, в кепочке с вышитым на ней тарантасом и буквами "Ф.П." Такова марка его фирмы.

— Сегодня день пашем, ребята, а завтра — презентация. Правильно, это можно назвать презентацией? Столы накроем, посидим, пригласим кой-кого...

Хорошо посидели! На самом деле хорошо. Все было культурно, чинно, главное — гости вовремя разошлись. Остался огра-

*Окончание. Начало в №6.

ниченный круг: механик Николай, я и Федор Савельевич с невестой. Николай остался потому, что идти уже не мог. Он спал сначала за столом, потом ему поставили раскладушку, и мы остались втроем против армады бутылок и тарелок. Плоскогрудая кошечка, не обращая на меня внимания, выговаривала Падунцу:

— Зачем столько денег на ветер пускаешь? На них мне можно было купить приличное кожаное пальто и съездить к морю.

— К Белому? — спросил я. — Или зачем вам пальто?

Она даже не удостоила меня взглядом. Но сказала явно в мой адрес:

— И потом, надо быть разборчивее в знакомых. Масса ненужных людей...

— Милая, — уже изрядно осоловев, возразил Федор Савельевич. — Я сам знаю, кто мне нужен, а кто — нет. Пока у меня нет денег и пока мне эти деньги дают, надо быть благодарным людям, какие бы они ни были. А вот когда я рассчитаюсь с долгами — и море тебе будет, и Канары, и песок с бобром.

— Потратился на строительство? — спросил я.

— С чего потратился?! Нечего мне было тратить. Так, крохи. Все дали добрые дяди. Знают мою хватку и уверены, что верну с процентами. Выгодное же дело, Костя! Если правильно организовать... Клондайк! Пещера Али-Бабы! У нас будут большие деньги!

— Большие деньги портят человека, — сказал я. — Вот у меня могли быть очень большие деньги, но я их отдал.

— Кому? — тряхнул головой Падунец.

— Хозяину.

Мы как раз выпили по очередной, и я подумал: а почему бы не рассказать кое-что моему коллеге по бизнесу? Пусть знает, что его напарник не позарился на чужое, что он предельно честен.

— Ты помнишь, Федор Савельевич, месяца два назад... нет больше... бандиты ювелирный грабанули?

— А почему я должен помнить?

— Так писали же об этом, в газетах... Ладно, суть в другом, не спрашивай как, но коробка, где были драгоценности, попала ко мне. Можешь себе представить?

— Нет, — хмыкнул Падунец.

— Я тебе слово даю! Впрочем, можешь не верить, твое дело. Но я всю эту коробку отдал директору магазина. Там добра было на сотни миллионов.

— Тебе, Костя, пить нельзя, — посерьезнел Падунец. — Болтаешь черт-те что.

— Не верь, дело твое. Я, может, тебе открыться хотел... Мне, может, выговориться надо. Меня раньше никто даже не пытался понять. Только баба Варя. Варенье мне давала, блины...

— Бабушка твоя, что ли?

— Нет, соседка, дверь напротив. Но она мне как родная бабушка. И блины такие делала...

Я почувствовал, что речь моя плывет, голова кружится и что, пока не оставили силы, надо топтать в нашу новую мастерскую, где есть комнатка для отдыха с топчаном...

С утра пошла напряженка: заказ за заказом. Кофе с галетами пришлось попить ближе к обеду. На столе лежала небрежно свернутая газета. Вспомнил, что не ходил

сегодня за почтой, решил просмотреть хотя бы эту. Начал, как всегда, с информации на первой полосе. Одна из них была настолько любопытна, что я прочел ее несколько раз — "Битва при Ватерлоо": "Очередными жертвами бытовой пьянки стали продавец продовольственного магазина Максимов и его товарищ безработный Корин. Чего они не поделили, распивая французский коньяк "Ватерлоо", пока остается загадкой. Милиция лишь подвела печальные итоги битвы: два человека, считавшиеся, между прочим, друзьями, так исполосовали друг друга ножами, что Максимов скончался на месте, Корин же умер в реанимационном отделении больницы".

Приоткрылась дверь, заглянул Падунец.

— Костя, хватит прохлаждаться.

— Меня, наоборот, в жар бросило.

— Значит, хватит загорать. Тут чудик один... Да сам с ним поговори.

Вот уж действительно чудик. У него красавец "ниссан" цвета мокрого асфальта — модный цвет, причем, без малейших дефектов.

— А мне надо, чтоб цвет у него был самый обычный. Можно — красный, можно — голубой... Любой другой — на ваше усмотрение. Только побыстрее бы. За скорость плачу.

— Желание заказчика — закон, — бормочу на это.

25

Вика взволнована публикацией о Максе больше моего. Нет, бандитов ей не жалко. Другое ее заботит.

— А что, если Корина успели допросить, а? Если он перед смертью все выложил? Тебя упомянул?

— Тогда за мной бы пришли раньше, чем эта статья появилась в газете.

— У них своя логика. Может, они уже следят за тобой, за каждым твоим шагом.

— Намек понял. Чтобы не поставить под подозрение тебя, нам больше нельзя встречаться, да?

— Костик, у тебя иногда получают дурацкие шутки.

— Прости. Иногда получают. — Вика в общем-то все говорит правильно, но я не ощущаю тревоги. До сих пор я верил своему внутреннему голосу, и он меня не подводил. — Я от счастья дурею. За Настей теперь некому охотиться: Санек и Блин на это неспособны. Можно девчонку выпустить.

— Я ей учебники достала, — вроде бы соглашаясь со мной, говорит Вика. — Она фанатка: зубрит, головы не поднимает. Вчера, кстати, первый экзамен сдала, на четверку. Я ей платье свое давала. Мы, оказывается, один размер носим. Она такая хорошенькая в этом платье!

— Это ты к чему? Что из нас хорошая пара получится?

Вика молчит, но я чувствую, что именно это она и имеет в виду.

— А перед Настей теперь чист, понимаешь? Освободил ее, что еще надо? Компенсировать моральные издержки?

— А хотя бы и так! У нее, может, на всю жизнь останутся в памяти те дни, когда она к трубе была прикована.

— Если так, то я вовеки не искуплю своей вины.

— А ты думал, так легко зачеркивать то, что было?

Мы впервые с Викой говорим на таких тонах. Это похоже на ссору. Я сдаюсь.

— Что ты предлагаешь?

— Помогать девочке столько, сколько мы можем.

— Вика, — говорю я. — Ты святая.

— Не издевайся, пожалуйста.

— И не думаю, — целую ее руку. — Я люблю тебя, честное слово.

Она зарывается пальчиками в мой чуб.

— Я старая. Наши отношения — это ненадолго и несерьезно. Рассеются тучи, ты хорошенько рассмотришь меня и уйдешь. Пока же нас только невезуха объединяет.

— Тучи рассеются не скоро. Мы успеем жизнь прожить...

26

А газеты, оказывается, читаю не только я.

Поздно вечером, когда уже собрался уходить домой, меня пригласил на пару слов Федор Савельевич.

— Позавчера статеечка одна была, любопытная, скажу тебе, статеечка. Сахар в чай бросать?

Я протестующе мотнул головой.

— Так вот, мужики по пьяни ножом друга поширяли, читал, нет?

— Сейчас столько об этом пишут. — Я почувствовал, как плохо мне удается выговаривать эти слова спокойно.

— Да, много. Вот и тут. Максимов, Корин... — Он испытующе посмотрел на меня. — Ты не знал их случайно?

— С какой стати я их должен знать?

— Не знал, значит... Странно, парень, получается. Ты мне рассказывал на днях о кольцах да брошках из ювелирного, а я по своим каналам узнаю, что магазин этот брал Макс... Я ведь, Костя, говорил уже тебе, что срок мотал, с тех пор и остались у меня связи того уровня. Мужики, которым милиция по осведомленности в подметки не годится. Они мне и шепнули, кто был на самом деле этот мясник.

— Кто?

— Ученичок одного солидного товарища... Ты знаешь, кто такой вор в законе? Нет? Одно скажу: с ним шутки плохи. А продавец вздумал-таки пошутить: не сразу признался, что магазин взял. И признался только тогда, когда у него коробку с драгоценностями увели. Совета запросил, падла.

— Падла, — согласился я. — Но ведь магазины сейчас грабят чуть ли не каждый день, Федор Савельевич. И если вы думаете, что я хоть как-то причастен к какому-то...

Падунец хохотнул и заговорщицки подмигнул мне:

— Запомни, парень: если я говорю... И потом, даю тебе слово, никто, кроме меня, об этом не знает.

— А что это тебя так волнует, Федор Савельевич? Ты же вроде сказал, что завязал, начал новую жизнь?

— Начал. Поэтому все тебе и выкладываю. Так говоришь, директору магазина триста миллионов вернул?

— Говорю.

— Ну-ну. А соседка, говоришь, блинами тебя кормит?

— Это-то тут при чем?

— Так, к слову. Просто я в самом деле подумал, что ты в деньгах нуждаешься, парень.

— Нуждаюсь, — сказал я уже сердито. — И если не буду получать свое, найду другую работу.

Посерьезнел и Падунец:

— Ладно, парень, забудем и замнем.

От метро к дому я шел пешком. Путь неблизкий, но хотелось подышать свежим воздухом и кое о чем поразмыслить. Что именно успел сказать Макс авторитету? Назвал мою фамилию? Почему заинтересовался всей этой историей Падунец? Ах да, тут понятно: по пьянке я не удержал язык за зубами. Значит, не умею пить, надо бросать... Поняв, что все мои вопросы останутся без ответов, поскольку я уже не узнаю, какой именно разговор состоялся у Макса со "старшим коллегой", я решил выкинуть все из головы и уснуть. Да, в

дверь могут постучать в любую минуту, но нельзя же жить в постоянном страхе?!

В дверь постучали, то бишь позвонили. Я выхватил из-под матраса пистолет, на цыпочках приблизился к глазку.

На лестничной площадке стояла баба Варя.

— Костя, ты прости, что я так поздно. Я раньше навевывалась, да тебя не было. Ты не заглянешь ко мне?

— Сломалось что, баба Варя?

Я ей часто то утюг ремонтирую, то пылесос, то телевизор.

— Да нет, семьдесят семь лет мне сегодня стукнуло. Грешно одной отмечать-то. Дочь, внуки телеграммы прислали, но сами же далеко. А у меня наливка, блины твои любимые, пирог. Пойдем.

Седая, полненькая, улыбчивая старушка, лучшая подруга моей бабушки. И голос у нее такой же: звонкий, девичий:

— Ты, Костя, после операции прямо красавцем стал. Женился бы, а? Девочка, которую ты приводил, славенькая. Пара бы из вас была!.. Я люблю вот таких девчонок — некрашенных, русоволосых. И бабушка твоя, Сергеевна, их любила.

— А как ты к рыжим относишься, баба Варя?

— А чего! И среди них есть люди хорошие...

27

Когда я куплю машину, то, может быть, тоже начну беситься за жиру. К примеру, ежемесячно менять ее окраску. Или хотя бы ежесезонно. Зимой мои "Жигули" будут белыми, весной зелеными, летом красными... Сейчас лето, и потому я не жалею красной краски для тех, кто просит: "Перелицуй по собственному усмотрению".

Два дня назад с такой просьбой обратился разбитной парень цыганского вида: приехал на "шестерке". Была голубая — стала кумачовой. Сегодня он же прикатил "девятку": "Брат увидел — понравилось: давай и ему революционный лимузин сотвори!" А чего не сотворить, если платят? Жалко только: ее родной — темно-синий — без помарочки, будто вчера с конвейера.

На серый "вольво" я сначала не обратил внимания. Ну подъехал и подъехал, стоит и стоит. Федор Савельевич обычно принимал клиентов в кабинете, но тут, что меня удивило, совсем не начальственно выскочил и на полусогнутых зашел к машине. Я поднял голову и через лобовое стекло узнал водителя. Тот самый, Толик — "ой ли", — стукнувший меня на Третьей

Сигнальной. Толик равнодушно скользнул по мне взглядом — так смотрят на серую бетонную стену, ни за что не цепляясь — и поднял голову на подбежавшего Падунца. Меня он или не узнал, или, что скорее всего, не захотел узнать. Падунцу руки не подал, но хотя бы чуть кивнул. Что-то коротко сказал, не вынимая изо рта сигарету. Мой шеф откатнулся к левому крылу, заметил, видно, на нем что-то интересное, махнул мне рукой: подойди, мол.

Я эту машину готов вылизать и обмыть так, как никакую другую. Я даже готов поцеловать в бампер эту машину, в то его место, куда врезалось когда-то велосипедное колесо. А уж помочь ей подлечить раненое крыло — это не только профессиональный долг, это жест друга.

Краска на нем была стесана, скорее всего, притершейся вплотную четырехколесной родственницей, причем стесана на совесть, до основания. Колер такой я подбираю, даже блеском не будет выделяться. Потерпи, родненная, потерпи...

Толик наконец вышел из салона и стоял теперь за моей спиной, дым сигареты раздражающе действовал на меня.

— Не сверли затылок.

— Это ты мне? — удивленно спросил он.

— Тебе. Я очень не люблю, когда заходят сзади.

Я закончил работу, распрямился и только теперь взглянул на хозяина "вольво". Он, как когда-то у озера с карасями, крутит на пальце золотую тонкую цепочку, губы чуть вздрагивают в улыбке:

— Учту, авось на будущее согдится.

Толик осматривает мою работу, глаза остаются по-прежнему сонные, неживые, но я все же угадываю, что видом крыла он доволен. Садится за баранку, поворачивает ключ зажигания, мотор оживает, но шумит не так, как мне хотелось бы.

— Выключи, — говорю я и иду к капоту.

— Зажигание надо подрегулировать.

Он глушит двигатель, выходит из салона и теперь уже останавливается по другую сторону машины, наблюдает, что я делаю. А делов-то — пара пустяков. Я захопываю капот.

— Как Эмма себя чувствует?

— Как надо. — Он открывает дверцу и, прежде чем сесть, говорит: — Я учту кое-что из твоих советов. Но и ты учти. Не говори никогда со мной приказным тоном и не задавай вопросов. Хотя, признаться, я доволен...

Чем он остался доволен, я так и не понял: "вольво" сорвался с места, выско-

чил на дорогу и тут же затерялся в потоке машин.

Подбежал Федор Савельевич:

— О чем вы говорили?

— Да так, о ремонте машин. Ты, кстати, с него деньги взял? С него можно и больше, как за срочный.

Падунец покрутил пальцем у виска:

— Ты что, парень! На деньги Толика и его папаша мы с тобой только и существуем: свои когда еще заработаем!

— А какой ему интерес вкладывать в эту мастерскую "бабки"?

— Так ведь знает, что ему все вернется, с процентами. Знаешь, как его кормят доходы от таких вложений? Он ювелирные магазины грабить не будет, он может скупить их на корню и не заметить, что в кармане меньше тугриков стало.

— Честный бизнес? — спрашиваю я.

— Если учесть, что у нас за рубли сажают, а не за миллионы, то честный.

28

Излет лета. Желтые цветы на лесной опушке, желтые кувшинки в воде, желтый открытый купальник на Вике. У Насти купальник пестрый, но и там есть желтые тона.

Мы загораем на Волге под Дубной, добрались сюда на электричке. Варим уху, пьем вино: отмечаем поступление Насти в институт. Падунец расщедрился и отпустил меня на два дня. "Ценю тебя, парень, и понимаю, что при таком адском труде нужен отдых". Платит он мне каждую неделю, и неплохо платит, как и обещал. Вообще я, кажется, не ошибся в нем: деловой мужик, хваткий. С техникой он, понятное дело, работать не умеет и не хочет, вместо этого сидит, шлифует ногти до зеркального блеска, но зато достает все, что надо.

Мы живем на острове, куда нас завез за бутылку водки лодочник и пообещал за такую же бутылку вывезти отсюда завтра к обеду. Сейчас первый вечер нашей робинзонады. Солнце уже налилось кровью, висит над горизонтом. Сладкий дым костра уходит строго вверх.

— Когда уха будет готова? — спрашивает Вика.

— Еще минут пятнадцать.

— Тогда мы искупнемся. Раздевайся, Настя.

И сама сбрасывает купальник, абсолютно нагая идет в обход костра к воде так, чтобы во всей красе предстать перед моими очами.

— Да нет, я в купальнике пойду, — стеснительно щебечет студентка.

Вика останавливается прямо против меня. Я люблюсь ею через дрожащий экран горячего воздуха. Вот она стряхивает с груди хвоинку, вызывающе смотрит на меня, а говорит Насте:

— Ну и напрасно, сушиться потом придется, ночи здесь сырые. Или ты Костика стесняешься?

Позирует, рыжая мадонна, поглаживает себя по бедрам. А почему бы и не попозировать с такой-то фигурой?

Настя не решилась снять все, осталась в плавочках, быстро семенит к воде по колючей тропинке, прикрывая ладошками груди. Я понимаю Вику, она хочет сказать: сравни меня с девочкой и еще раз убедись, что я у тебя самая-самая... А я и не хочу Вику ни с кем сравнивать...

Потом мы ели из одного котелка славнейшую тройную уху и запивали ее сухим вином. Настя опьянела. Всхлипывая, она в сотый раз повторяла, что никогда не встречала таких чудесных людей, которые из-за нее многим жертвуют, терпят неудобства.

— Вы ведь меня от смерти спасли, Константин! Этот... Эта скотина... Ублюдок... И тут вы ворвались, он вас увидел и упал. Представляешь, Вика, он увидел Константина и упал! Я, сколько буду жить, буду это помнить!

— Ты не "выкай" ему, — улыбается хитро Вика. — Вы же ровесники. Выпей на брудершафт, поцелуй его...

Ах Вика, ах ты славная моя ревнивая женщина! Да не буду я ни с кем целоваться, кроме тебя, никто, кроме тебя, мне не нужен!

— Настя, — говорю я, — ты ложись спать, в палатке все уже постелено. Ты забудь, что было! Мы выехали сюда, чтобы поздравить тебя с поступлением в институт, с началом новой жизни, и потому все старое и плохое забудь. Пусть оно к тебе никогда не вернется. Мы с Викторией, Настя, тоже начинаем в некотором смысле с нуля, поэтому выпей и за нас... Теперь иди...

Вика закутала свое голое тело в махровое полотенце, сидит, прислонившись ко мне, подбрасывает в огонь зеленый лапник, отгоняя дымом комаров.

— Костик, если бы ты знал, как я хочу быть счастливой! Вот сегодня я счастливая. Спасибо, что ты притащил нас сюда. А за Настю прости, я с ней зло поступила, да? Но я баба, а бабу за это надо прощать. У нее, кстати, хорошая фигурка. Заметил?

— Я смотрел только на твою.

Она довольно прижимается к моему плечу.

— Господи, как я, оказывается, люблю природу!

— Мы купим с тобой дом в заброшенной деревне, будем ходить по грибы и выращивать картошку. Да, еще купим серый "вольво", чтоб время от времени ездить в Москву.

— Почему "вольво", и почему серый?

— Меня такой сбил. И в машине сидела, кстати, красивая счастливая пара.

— Это те, которые к тебе в больницу приезжали? Толик и Эмма?

— Да. Мне кажется, у них руки не в грязи, живут в свое удовольствие.

— А ты их хорошо знаешь?

— Нет, но мне так кажется.

— В удовольствие живут. У него отец — авторитет, у нее — вор в законе. Знаешь, какая у них свадьба была? Москва таких, наверное, еще не видела. К ресторану подъехали на карете с племенными рысакми, потом этих рысаков поили из ведра шампанским. Чистые руки...

— Грешно считать чужие деньги. На вора Толик, к примеру, не похож.

— Да, старушек он не грабит. И отец его тоже не этим промышляет. У отца другой бизнес: его люди машины воруют и перепродают.

— Это как?

— Не знаю как, я же не из их компании. Угоняют, где-то перекрашивают, перебивают номера, сдают скупщикам.

Я недоверчиво взглянул на Вику:

— Откуда тебе все это известно?

— От моего Белакова. Он, когда выпьет, откровенничать часто начинает. Кстати, и Белаков на свадьбе Толика и Эммы гулял.

— Он, политик, и ходит к ворам?

— Не будет ходить, чем кормиться станет?... Ладно, Костик, в такую ночь нашли мы с тобой, о чем говорить. Давай и вправду дом в деревне купим, забудем все... Дом и машину любой марки, любого цвета.

— Каждый новый сезон мы будем ее красить в новый цвет. Летом — в красный...

И тут я замолчал. Я вспомнил цыгана, пригнавшего в мастерскую два "Жигуленка" — "шестерку" и "девятку".

"Угоняют, перекрашивают..."

Да нет, это другой случай. Падунец ведь завязал, недаром же он полирует ногти — следит, чтоб руки оставались чисты. Это другой случай. Не надо подозревать всех и каждого. И вообще, даже думать об этом не надо в такую ночь, при такой луне, с такой женщиной...

Если Федор Савельевич хоть чуть причастен к автомобильным ворами — уйду сразу же, решаю я и ставлю на грязной теме точку. Лезу к Вике под махровое полотенце.

— Мы купим в деревне дом... Мы останемся чисты...

29

Расстались на Савеловском: Вика повезла Настю на свою подпольную квартиру, а я решил заскочить в мастерскую. Не то чтоб по делу соскучился, но захотел проверить одну свою версию.

Было уже поздно, механики работали при лампах.

— Помочь не надо? — спросил я.

— Свари кофе.

На тостере разогрел бутерброды с сыром, аджикой, позвал ребят: перекусите, мол, пока не остыло. Поинтересовался, много ли работы. Оказалось, порядочно. Завтра с утра меня ждет "Волжанка", из блондинки хочет стать брюнеткой.

— Побитая?

— Да нет, как новенькая.

Я вышел из кухни, подошел к машине. Игрушка. Поднял капот. Все верно. Как же я, дурак, раньше не мог догадаться?

На двигателе свежий срез — номер перебит.

Я тут же поехал к Падунцу объясняться. Дверь открыла кошка Зоя, по всей вероятности, недавно вылезшая из ванны. Влажные волосы, банный румянец, никакой косметики, сережек и колечек. Короткий махровый халат настолько небрежно схвачен пояском, что при желании можно увидеть, откуда у человека растут ноги.

— Костя? Заходи, я только-только чай заварила. Федор Савельевич с минуты на минуту подойдет, так что подождешь его. Хочешь перед чаем немного коньяка?

Что-то она слишком словоохотлива со мной сегодня и добра. Обычно мы в разговоре друг с другом не вступаем, лишь обмениваемся лучезарными змеиными взглядами.

— Спасибо, я решил завязать.

— Жаль, жаль.

Она усаживается напротив меня, и халатик при этом так топорщится и расходится, что и спину разглядеть можно. Впрочем, у Зои все одинаково — что спина, что грудь.

— Жаль не потому, что ты пить бросаешь, просто хотела пооткровенничать с тобой, а на сухую беседа не завяжется.

— А вдруг? — говорю я. — Бывают темы, объединяющие и врагов.

— Вот-вот, врагов. Почему ты меня ненавидишь, Кузнецов?

— Это громко сказано. Я не питаю ненависти ни к кому на всем белом свете.

— Ты всего-навсего терпеть меня не можешь, да?

— Все не так, — елейно улыбаюсь я. — У меня испорченные гастрономические вкусы. Я, к примеру, не ем ананасы, просто не ем, безразличен к ним, понимаешь?

— Я не предлагаю, чтоб ты меня съел, хотя... — еле уловимое движение, пола халатика вообще сползла с ноги. — Хотя, может быть, и не отказалась бы. Но мы делаем одно дело, и оно требует нашей солидарности...

— Постой-постой, — перебил я. — Какое одно дело?

— Я вместе с Падунцом являюсь владельцем автомастерской, следовательно, могу как-то влиять...

Я откровенно зевнул:

— Ночь рыбалил, не выспался, так что прости. Оставим этот серьезный разговор до лучших времен. Федора Савельевича я, видно, не дождусь?

— Некоторые производственные вопросы могу решить и я. — Это уже сказано сухо, официально. Ножка исчезла под халатом, ворот его запахнут теперь до горла.

Это вряд ли, думаю я. Но в целом Зоя права, не надо так явно окрыситься. Все-таки "шефиня", а с начальством портить отношения — последнее дело.

— У меня такое чувство, что мы все же найдем общий язык и смиримся, — говорю я, вставая из-за стола. Улыбка моя при этом, наверное, так лучезарна, что женщина клюет на нее как на удочку:

— А может, и сдружимся.

Чувствую, что опять сейчас начнется стриптиз, и быстренько ретируюсь. Конечно, жаль, что не довелось встретиться с Федором Савельевичем. Но так или иначе, завтра к нему на работу я уже не выхожу. Это дело принципа. Не хочу мартышка.

Полупустой трамвай везет меня до площади, теперь надо пересечь ее, пройти небольшой сквер — и я дома: от сквера до подъезда метров триста.

Но в самом начале этой трехсотметровой толпы людей, окружившая легковушку. Определить нетрудно: "японец", такого же цвета и марки, как у Падунца. Но мало ли их, схожих... К толпе приближается синий проблесковый маячок милицейской колымаги. Видно, серьезная авария, такую машину жалко разбивать.

Профессиональное любопытство заставляет меня подойти ближе.

"Японец" целехонек, ни одной царапины. Рядом с открытой дверцей лежит на асфальте лицом к небу человек. В центре лба — темная дыра. В свете фар блестит еще не засохшая кровь.

Я отдаю себе отчет, что с Федором Савельевичем не поговорю теперь ни завтра, ни вообще когда-нибудь. С асфальта Падунец больше не встанет.

30

Больше никогда в жизни я не поговорю и с бабой Варей.

Я сижу за тем самым столом, где мы недавно ели ее пирог, и слушаю вопросы капитана Кукушкина: "Где был накануне? Когда вернулся? Когда последний раз видел соседку?.."

Подробности ее смерти мне уже известны, от него же. Сильный удар в висок — много ли надо старой женщине?! Ударил так бабу Варю Падунец. Соседка, которая живет этажом ниже, видела, как он выбежал из комнаты с темной коробкой в руках и помчался вниз. Соседка стояла возле мусоросборника. Естественно, проявила любопытство. Но разве ночью много увидишь? Вспышка огонька, хлопок выстрела — да, а кто стрелял, куда стрелявший делся, этого она не знает. Потом соседка поднялась к бабе Варе, застала ту на полу, позвонила в милицию.

— Свидетели говорят, что ты был с ней дружен, это так? — спрашивает капитан.

Конечно, так. Сейчас мне кажется, что я второй раз потерял свою родную бабушку.

— И с Падунцом, значит, ты тоже знаком? При каких обстоятельствах познакомились?

— Вместе лежали в больнице, он пригласил в свою контору на работу.

— Ты знал, что он был судим? За разбой, кстати, сидел.

— В общих чертах. Он только упоминал, что по молодости на лесоповале был, в зоне.

— Вспомни, Кузнецов, Падунец тебя когда-нибудь расспрашивал о Варваре Карповне Кривцовой?

Я делаю вид, что вспоминаю. Кукушкин, видно, хочет мне в этом помочь.

— Может, ты когда-то проговорился, что живет с тобой богатая соседка, что есть у нее шкатулка с дорогими ювелирными изделиями?

— Какая богатая? — возражаю я. — У нее на хлеб и на молоко денег не хватало. Я ей часто и муку приносил, и гречку.

Капитан делает какие-то пометки в блокноте.

— А шкатулку у нее ты видел? Темную большую шкатулку...

— Видел. Шкатулка сама по себе интересная, трофейная. Муж бабы Вари из Германии ее привез. Там потайная кнопка есть, без нее шкатулку не откроешь.

— А если нажмешь на кнопку, откроешь, то что увидишь?

— Фотографии старые, письма, счета телефонные. Да, обручальное кольцо мужа она там хранила. Обычное кольцо, мне даже кажется, не золотое: тусклое очень. Но как память... Серьги ее еще там лежали, подарок от мамы к свадьбе. Серебряные. Ничего особенного.

— А это тебе откуда известно?

— Она их мне каждый вечер готова была показывать. Старая одинокая женщина, выговориться ей надо...

— А видел эту шкатулку кто-нибудь еще из соседей?

— Наверное.

— "Наверное", — недовольно передразнил меня Кукушкин. — От этого ответа, Кузнецов, очень многое зависит. А если ты врешь? Если у Кривцовой брусок золота там, скажем, лежал? И ты сознательно или несознательно навел на соседку профессионального вора и разбойника? Ведь страннейшее совпадение просматривается, Кузнецов: твоя посредническая роль просматривается.

— Даже коршуны не хватают воробьев, которые вьют гнезда на одном с ними дереве, — бурчу я. — Я же не дурак, товарищ капитан, чтоб соседей обворовывать.

— Ладно, — уже примирительно говорит Кукушкин. — Успокою тебя. Видели соседки шкатулку, не было в ней ничего... Зачем же он тогда ее убил, а?

Ах, опер, опер, я-то знаю зачем и почему. Не поверил Падунец, что распрощался я с сокровищами из ювелирного магазина, думал, прячу их у дорогой своей соседки. Как ни чистил-шлифовал он коготки, как ни мыл руки, как ни клялся начать новую жизнь, а перед миллионами не смог устоять. Баба Варя, видно, не отдавала шкатулку, она действительно была ее драгоценностью, вот он и махнул кулаком... Открыть шкатулку не смог, побежал с ней к своей машине, а там его уже ждали... Кто? И кому нужна была смерть Федора Савельевича?

— Будем копать, — вздыхает капитан. Закрывает блокнот, прячет авторучку. — Кузнецов, я ведь не шутил, когда к себе на работу приглашал. У тебя есть время подумать.

— Скучно у вас, товарищ капитан. Начальник, вот как вы, ходит, бумажки пишет, водила его за рулем спит и подрабатывать не сможет.

Кукушкина моя фраза, видно, обидела:

— Бумажки... Ты знаешь, что такое бумажки? Вот из-за бумажки какой-то и соседка твоя убита: хранила ведь в ларце то, что преступника заинтересовало. Логично?

— Карту острова сокровищ? — спрашиваю я.

— Может быть, может быть, — задумчиво говорит опер. — И сокровищ этих было много, иначе бы твоего Падунца не пристрелили.

31

Не знаю, кто был в моей квартире в день гибели бабы Вари. Ничего не перевернуто вверх дном, ничего даже с места не сдвинуто, но кто-то был.

Пистолет, отобранный мной у Макса, хранился в матрасе. Я специально сделал потайной карман. Подними матрас, даже встряхни его — ничего не увидишь. Так вот, пистолет исчез. Наручники лежали в кармане старого осеннего пальто, в шкафу, можно сказать, на видном месте. Лежали и лежат. "Макарову" же приделали ноги.

Я, возможно, и не вспомнил бы про оружие, не прочти я утреннюю газету. Рядом, одна за одной, шли на полосе две заметки. Вот первая. "Вор у вора украл...":

"Ранее судимый за разбойные нападения, а ныне хозяин автомастерской Падунец, вспомнив прежнее ремесло, нанес ночной визит некой бабуле, у которой и разжиться-то толком нечем было. Он убил ее, забрал ценности, но уже на улице сам подвергся нападению неизвестных. При чем застрелен был вор из пистолета, принадлежавшего когда-то работнику милиции, убитому при исполнении своих обязанностей около года назад на одной из улиц Москвы.

Что могло лежать в шкатулке? Одна из версий следователя, который ведет это уголовное дело, кажется нам близкой к истине. Преступников интересовало не золото и бриллианты, а документы на квартиру. Скорее всего, они заставили старушку подписать и кое-какие бумаги, поскольку на столе лежали авторучка и

чистые листы. Ведь всем известно, что жильё сейчас — бизнес нечистоплотных...

Я прочел заметку и, никак не связывая пистолет убитого год назад милиционера со своим, все же кинулся к матрасу. Потом сидел и утешал себя: "Макаров" — табельное оружие мента, так почему у меня должен быть тот самый? Я понимал, что из двух зол выбирал сейчас меньшее, что само по себе исчезновение оружия — уже очень плохо, но попытался записаться в оптимисты: могло быть хуже. К примеру, пистолет могли обнаружить у Падунца, и Кукушкин взял бы отпечатки моих пальцев. Или стрелявший мог бы оставить ствол возле трупа, и меня бы тогда могли обвинить в убийстве. Но раз не оставил, значит, стрелял из другого оружия...

Понимая, что соображаю я дилетантски, попытался отвлечься и стал читать вторую заметку "...А этот — сам у себя!":

"В свое время мы сообщали вам об ограблении ювелирного магазина, директором которого был Б.Балуш. Товаров тогда было похищено на несколько сот миллионов рублей. Грабители вроде бы не оставили никаких следов, правда, продавщицы якобы разглядели под маской одного из них лицо страшного монстра. А работники милиции, зная, что монстров в природе не существует, не исключали и наличие других, более реальных вариантов. Почему бы, скажем, не предположить, что бандиты в этот день в магазин вообще не наведывались?..

И вот вчера днем таможенники аэропорта произвели тщательный досмотр вещей у вылетающего в одну из арабских стран господина Б.Балуша. Судя по тому, что он пытался вывезти, возвращаться в Россию из турпоездки Балуш не намеревался. В самом деле, зачем отдыхающему под пальмами и его супруге норковые шапки, песцовая шуба, теплая обувь?.. В одном из его чемоданов оказалось двойное дно, и в этом тайнике — полный набор ювелирных изделий, которые были якобы похищены грабителями. На первом же допросе Балуш, по нашему мнению, симулировал сумасшествие, утверждая, что ранее украденные драгоценности были потом подкинуты в магазин. "Я не знал, что это означает, до того растерялся и испугался, что решил бежать из страны..." Говорят, сотрудники, проводившие допрос, весело посмеялись, услышав такое, с позволения сказать, признание".

Я пересматривал эти две заметки и вспоминал вчерашний визит Кукушкина. Он пытался найти логику в убийстве бабы

Вари. Журналисты газеты, сами не ведая того, попытались объединить, хотя бы заголовком, две не связанные между собой информации. Если бы они знали, как близки к истине! Располагай Падунец известиями об аресте Балуша, он бы не забирался в чужой дом, не воровал шкатулки, а лежал бы дома, на тахте и гладил бы свою Зоеньку по тому месту, где у других женщин грудь. Ах да, он бы еще отвечал на мой вопрос: известно ли ему, что в мастерской ворованные машины?

32

— Перезвоните, пожалуйста, через час, — отвечает на мой звонок Вика.

Я так думаю, что у нее сейчас Белаков — морщинистый плюгавый тип. Хотя, если он на пятнадцать лет старше Вики, то ему около сорока пяти. Что ж, тогда пусть он будет толстым, лысым и лупоглазым, с волосатой родинкой на носу. К тому же, Белаков пьет, следовательно, обладает красным мясистым носом. Ух, типчик!..

Я постлал линолеум на кухне и сейчас размышляю о том, куда какие обои купила Вика. Есть рулоны розовых и голубых, для комнаты и коридора. Пытаюсь сообразить: если я лежу на кровати, то какой цвет будет ласкать мой взгляд? Ответ закономерен: цвет здоровой загорелой кожи Вики. Обои вообще можно не клеить...

Настя отмывает с порошком дверь в ванную. Там я все заменяю: и кафель, и раковину, и зеркало. Оно будет большое, фигурное и в золоченой раме. Если золотые волосы отражаются в золотом полуovalе — это что-то неземное!.. Скорее бы он исчез, этот Белаков.

— Настя, что будем в комнате клеить?

Худая девочка, завернутая в длинный темный халат, повязавшая голову такой же темной косынкой — ремонт есть ремонт, — похожа на смиренную монашку. Простенькое личико, ни одной детали для шарма:

— Это только с хозяйкой решать надо.

Логично.

С одной хозяйкой я уже решал вопросы накануне. Можно подумать, что она не голый в ночных кафе танцевала, а добросовестно посещала курсы повышения квалификации для руководящего состава. Хватка у Зои потрясающая. Квартира Падунца теперь ее. Мастерская — тоже ее. Все права закреплены юридически.

— Костя, находи себе замену, пусть машины красит другой, а ты будешь управляющим и моим личным водителем. Оклад повышу вдвое.

Уже и лексика директрисы: "юридическое право", "проценты", "функции"... Деньги сулит очень даже приличные, тем более я стану почти что хозяином "японца", а это достойная компенсация того, что возить на нем придется женщину, к которой испытываешь неприязнь. Да и разъезжать ей, собственно, не часто придется. Падунец большую часть времени проводил дома, потому не думаю, что новая хозяйка будет колесить с утра до вечера. Вот только что делать с клиентурой? Я бы, честное слово, стал управляющим, будь уверен, что мастерская не обслуживает автовожов. Знал ли Падунец, что его механики перебивали номера на двигателях? Зоя, как верный соратник Федора Савельевича, ответила на этот вопрос так:

— Раз нет человека, так на него что, всех собак теперь повесить можно? Вряд ли он был в курсе.

Ответ ее мне понравился. И потому я рассчитывать себя не стал, обещал подумать и над ее предложением. Управляющий — это неплохо. Соберу людей и скажу прямо: кто собирается иметь дело с ворами, пусть лучше сразу уходит, технарей с золотыми руками я найду. "Вы будете прилично зарабатывать, зачем вам уголовщина? Зачем риск?" Знаю, и честным путем мы сформируем себе постоянную клиентуру, у любого водилы ведь каждую неделю — проблема с техникой...

Я почти вошел в роль управляющего, мудрого, всезнающего и честного, но тут позвонила Вика:

— Костя, ты очень занят? Что сейчас делаешь?

— Ты, наверное, забыла, почему я нахожусь в твоём шалаше и зачем создаю тут рай.

— Забыла! Зачем?

Молоденький девчоночий голос, веселый и игривый.

— Чтоб нам с тобой не мешали разные всякие там Белаковы.

Трубка на несколько секунд затихла, потом ожила, но ответила болезненно блекло:

— Давай сменим тему. У меня предложение: приводите себя в порядок, а я заеду за вами и махнем в лес.

— Приглядим себе избушку?

Опять невпазд! Вику, видно, совсем расстроили мои слова:

— У меня голова болит... Не надо об этом сейчас, Константин. Я хочу малость отдохнуть и подышать, понимаешь?

Понимаю. Насте до чертиков надоело тереть дверь, закопченную веками, она

бежит переодеваться. Я отмываю горячей водой руки от шпаклевки и смотрюсь в старое облезшее зеркало. Скоро здесь будет висеть иное, и в нем часто будут отражаться два лица. Одно в золотом обрамлении волос, другое — вот это вот — в шрамах, которые так долго болят.

33

Мы уходились в лесу, даже у меня побаивают ноги. Вика быстра на шаг, все время нас поддевает:

— Ну-ка, молодежь, ускорим темп.

Мне не совсем это нравится — "молодежь". Не нравится материнская забота о Насте:

— Устала? Возьми Костю под локоток, он у нас сильный. Ах, какая пара!

Настя с удовольствием входит в роль. В джинсах и блузке она уже далеко не монашка, но зато я надеваю на себя маску схимника. И снимаю ее только тогда, когда мы отвозим студентку на нашу тайную квартиру, а сами поднимаемся к Вике. Она ставит в вазу желто-красный букет листьев, зачем-то очень долго поправляет их, будто тянет время перед тем, как приступить к новому делу. Я чувствую, разговор будет не совсем обычным, если ему предшествует такая прелюдия.

— Костя, ты по телефону Белакова упомянул, так он у меня сегодня был.

— Я догадался об этом.

— Он разводится с женой.

— И предлагает твою кандидатуру на ее место?

Вика никак не отреагировала на мою колкость, только пожала плечами:

— Пока хочет взять меня на десять дней в Каир, в командировку туда едет. Это через два месяца.

— И ты хочешь попросить меня наведываться сюда и поливать цветы?

Напрасно, конечно, я так. Ну пришел, ну поговорил, так ведь Вика же ничего не скрыла, все как на духу выложила, а я ее обижаю. Вообще-то она обидчивая, но сейчас только нахмурилась чуть.

— Костя, ты пойми, я не девочка, я намного старше тебя. Шесть лет для женщины — это много. Мне уже нужна стабильность, а не только поцелуи в ванной.

— У нас не только поцелуи были. — Я не могу сдержаться себя. — И не только в ванной.

Хам, балбес, пацан зеленый! Возьми себя в руки!

Она подходит ко мне и кладет ладонь на голову. Чувствую, как дрожат ее пальцы.

— Прости, Вика, прости.

Пальцы дрожат еще сильнее, кажется, что Вика сейчас расплачется. Вспоминаю: у нее был нервный срыв, из-за меня может сейчас случиться еще один. Обнимаю ее за талию, усаживаю к себе на колени. Она скорее не садится, а падает, обессиленная.

— Надо всем нам разобраться, время еще есть, — бормочу и понимаю, что выдаю чепуху. — Решать тебе, только тебе.

Она чуть успокоилась.

— Ты хотя бы фотографию его показала. Есть?

Вика, как ребенок, шмыгает носом:

— Есть, только я... Я вставить не хочу. Дотянись: синяя книга на полке. Там...

Никакой волосатой бородавки на носу! Ни лысины, ни лишнего жира. Пожалуй, чуть тяжеловат подбородок, но мне ли судить о достоинствах и недостатках лица!

На языке вертятся ернические фразы типа "Конечно, я никогда не повезу тебя в Каир", "Давай расстанемся друзьями секса", но Вика только-только успокоилась, замерла, уткнувшись лицом в мое плечо.

— Тебя перенести на кровать?

Легкий кивок головы. Вика просто невеста сегодня.

— Стакан воды? С корвалолом?

— Присядь.

Она берет мою руку, на миг прижимает щекой к ладони, но тут же, как от ожога, отстраняется.

— Дай слово, что ты больше никогда не придешь сюда.

Такие вот дела. Где этот Каир? Почему его еще не поглотила пустыня?

Прошлое держит нас прочнее, чем корабль якорная цепь. Как бы мы ни жили, кем бы ни были, мы ведь все равно не машины, которые можно перекрасить в одночасье. Падунец со шлифованными ногтями вернулся к старому. Вика поняла, что ей не жить за пределами золотой клетки. Я... Я еще держусь, глушу волчьи инстинкты, хотя уже хочется кусаться. Мне слепили новую морду, и я решил, что так же легко можно слепить новую жизнь. Почему же не получается? Из-за меня погибли баба Варя, Макс, Корин, Падунец, из-за меня дадут срок директору магазина Балущу, из-за меня все еще боится улицы Настя, да и Вике тоже плохо из-за меня. Белаков дал ей все и даст еще многое, а я? Дом в деревне? Хотелось бы посмотреть, как Вика будет топить печь и полоскать белье в речке. Права она, нечего мне

делать возле нее, по себе надо подружку выбирать, по рангу. Вика принадлежит вожаку стаи, и вожак этот — не я...

— Дай слово.

Мне нетрудно расцепить зубы и сказать те слова, которые она ждет. Но тут короткой очередью выстрелил телефон, так неожиданно, что я вздрогнул, рука невольно потянулась к трубке. Вика повисла на этой руке и с ужасом посмотрела на меня:

— Не трогай! Они убьют тебя! Ты не знаешь их!

Началось, подумал я, тебе совсем плохо, милая моя. Попробовал высвободить руку, чтобы подойти к шкафчику, где лежали таблетки, поискать успокоительного, но она расценила этот жест по-своему:

— Не уходи, Костик! Белаков расправится с тобой! Это зверь, ты не заешь его! Он предупредил меня, что если ты переступишь порог дома... Как я могла тебя не пустить? Я люблю тебя!

Ну вот, оказывается, эти слова могут быть и не бредом, в них есть смысл.

— Рассказывай все по порядку.

Телефон все не умолкал, пришлось отключить его.

— А что рассказывать? Он пришел, и я рассказала, что у меня есть ты... Он садист, он сказал, что раздавит тебя как червяка на моих глазах, дал на последний разговор с тобой пять минут, но я не думала, что он следит за нами, что знает, когда мы вернулись из леса...

О разводе с женой и Каире Вика придумала. Белаков никогда и не предложит ей руку, ему хватает ее тела. Он столько раз унижал ее, столько раз вытирал об нее ноги, что, конечно же, никогда не возьмет в жены. Даже если бы она этого хотела. Но она уже не хочет, ничего не хочет.

Вика говорит мне все это таким спокойным, ровным голосом, что становится страшно за нее. Пытаюсь утешить:

— Белаков — он ведь не бандит, он политик. Захочет выяснить со мной отношения — найду нужные для него слова.

— Костик, ты его даже не увидишь! Думаешь, он мужчина? Думаешь, он снизойдет до того, чтоб общаться с тобой? Ему надо только отдать команду, и все! И тебя не станет!

— Это мы еще посмотрим.

Я не бравировал. Изгой, я находил утешение и получал разрядку, колотя боксерскую грушу и вырывая штангу. Одинокие вечера, а у меня все вечера были одинокими, проводил в спортивных залах. Гольми руками меня взять непросто...

— Костя, если меня когда-нибудь вынудят сказать, что ты мне не нужен, если... Я люблю тебя, Костик! Что бы ты ни сделал, что бы ни случилось! Я до тебя не знала, что такое любовь... Уходи, Костик, уходи, иначе они явятся сюда...

Вполне может быть такое, подумал я. Лишний шум тут не нужен. Наклонился, поцеловал Вику в щеку и в мокрый от слез кончик носа:

— Не бойся, все будет нормально. Мы купим дом в деревне. Ты научишься полоскать белье в реке?

Она улыбнулась.

34

Интересно, а могут драться "политики"? С виду они ничего, под два метра и плечи квадратные.

Я не спеша иду по тротуару от дома Вики до шоссе, и они с такой же скоростью идут метрах в десяти сзади. Двое. Черные брюки, черные свитера, четкая походка. Идут в ногу. Небось вчерашние военные. Чего же они хотят? Я сейчас сяду в троллейбус и поеду... Они тоже садятся. Даже билеты компостируют. Законопослушные мальчишки. Тащить их за собой домой? Рано или поздно они узнают, где я живу, если еще не знают, но сегодня я не спешу под крышу дома своего. Выхожу на остановке, где недавно застрелили Падунца, но направляюсь не к подъезду, а в другую сторону: в глубину сквера. Сажусь на самую темную скамейку в самом темном месте и жду, что будет дальше.

А дальше ничего существенного не происходит. Подходят двое в черных свитерах и просят закурить. Я, естественно, отказываю им в любезной просьбе, поскольку не курю.

— Ну и хрен из того, что ты не куришь. — Тот, который повыше и худощавый, садится рядом. Можно, конечно, сказать ему, что он выражается абсолютно безграмотно и бессвязно, но я молчу. Нехорошо учить старших. Второй, помоложе, крепыш, мой ровесник, стоит напротив, за спину не заходит.

— Кузнецов, — говорит он, — ты с Викторией объяснился?

Я киваю головой.

— Ты понял, что тебе больше не надо с ней встречаться?

— То, что я понял, касается только меня. Меня и того, кто вас сюда послал.

Интересно, думаю, выдержит ли моя челюсть прямой удар? И что это они переговоры со мной затевают? Получили приказ действовать дипломатическим путем?

Расшевелить их надо, разогреть, пусть сообразят, что не с мальчиком зеленым дело имеют. А может, как раз это сообразили и потому такие нерешительные?

— Кузнецов, — говорит сидящий рядом, — не будь идиотом. Ты что, кулаками хочешь кому-то что-то доказать? Еще на дуэль вызови! Сказано, не суйся, значит, не суйся.

— А ваш хозяин почему сам мне этого сказать не хочет?

— Поезжай к нему на Филипповскую, шестнадцать и спроси.

Это бросает реплику молодой и, поймав осуждающий взгляд товарища, тут же оправдывается:

— Чего такого? Думаешь, ему телка не рассказала еще?

— Поеду и спрошу, — говорю я. — А до этого буду считать, что никакого разговора с вами не было.

— Долбанутый! — Это опять младший. — Ради тебя же стараемся. Тебе что, баб мало? Скажи, найдем. Упрямышься — хрен из того. Бить не будем, но ты потом сам ныть станешь: лучше бы, мол, побили. И вообще, соображай, с кем дело имеешь.

Я встал со скамейки и не спеша направился к дому. Шел как рысь, напрягая шкуру, стараясь, предвидеть действия тех, кто умеет ходить в ногу. Если услышу шаги, отпрыгну влево, развернусь...

Шагов не было. У края сквера я оглянулся. В темноте горели две сигаретные точки.

Нельзя сказать, что ночь я не спал, ожидая пакостей со стороны людей Белакова, — спал, но тревожно, беспокойно. Однако ничего не произошло, даже телефон не звонил, хотя я предполагал, что именно по телефону последует очередное предупреждение. Утро тоже началось ласковым солнышком в чистое оконце. Ну и правильно: станет государственный муж из-за любовницы поднимать бурю в стакане. Не дай Бог, брызги долетят до его чистого мундира. И потом, дело не только во мне, он ведь уже знает, что Вика его терпеть не может, следовательно, надо просто находить себе другие утехи. Это логично!

С такой мыслью я полез под прохладный душ, потом оделся и побежал в магазин. Мой традиционный завтрак — яичница, кефир и булочка. Очередь за хлебом, очередь в молочный, дорога туда и обратно — все это отнимает около получаса. И вот я снова переступаю порог своего жилища.

Стол лежит на боку, его полированная поверхность залита чем-то синим — тушью или чернилами. Атлас старых бабушкиных стульев порезан, матрац и

одеяло на кровати тоже исполосованы. У телефона нет больше трубки. В ванной хлещет горячая вода, и закрыть ее невозможно, вентиля разбиты. Все стены в желтых потоках битых яиц. Ну и ладно, яичницы все равно не хочется, аппетит пропал.

Стоит ли наводить сейчас порядок? Я решаю, что не стоит. Наведу, выйду из дому — и все может повториться. А выйти мне надо: заглянуть в автомастерскую и решить вопрос о дальнейшем сотрудничестве с фирмой кошечки Зои. Думаю, это отнимет часа три. К обеду вернуться и тогда уже начну чистить и штопать...

Прохожу мимо отделения милиции, Кукушкин окликает меня с крыльца:

— Кузнецов, ты не забыл мое предложение? На новую машину посажу.

— Я еще думаю.

35

Зоя, конечно, не в мастерской, а дома: что ей делать среди железок? Звоню, договариваюсь о встрече через час и, пока есть время, все-таки готовлю себе завтрак: бутерброды с кофе. Запасов в холодильнике мало, об этом тоже надо при встрече сказать хозяйке.

Подходит механик Николай:

— Маляр, ты чего загораешь? У тебя дел — невпроворот: у двух "Волжанок" разбиты двери, у "тойоты" смято крыло, джипу разбили зад...

Ни вчера, ни сегодня не было клиентов, которым надо перекрасить машины. Может, угонщики находили контакт лично с Падунцом, а после его смерти не знают, к кому обратиться? А может, новую "крышу" нашли? И оставят в покое людей в классной униформе с инициалами Федора Савельевича? За начальника осталась женщина, а она ненадежный партнер...

Вот она, передо мной. Никаких голых коленок и флирта, строгий деловой стиль: синий костюм, темный платочек в кармашке — видно, знак траура, уже глаза не кошечки, а львицы. Коньяк? Нет. Кофе? Спасибо, только что... Обязательная прелюдия серьезного разговора.

— Нужна достойная замена Падунцу.

Резковатый переход от прелюдии к главной теме. Мягче было бы, если бы уста Зои называли покойного по имени-отчеству, все-таки не чужие же они были друг другу.

— Я так понимаю, что вакансия предлагается мне?

— Именно потому тебе, что ты все понимаешь.

— Какие конкретно функции Падунца будут возложены на меня?

Мы сидим с ней на кухне, я — спиной к двери, ведущей в коридор. Почему-то был уверен, что в квартире кроме нас никого, и потому вздрогнул, услышав сзади мужской голос:

— Если хочешь, даже супружеские. Зоя, кстати, совсем не против.

Зоя наконец-то окончательно сменяет маску деловой начальницы на хищную улыбку львицы во время течки — даже ногами при этом сучит — и делает лапкой светский жест:

— Вы знакомы? — Лапка направлена на Толика, хозяина серого "вольво" и белокурой Эммы.

— Знакомы, знакомы. — Толик присаживается рядом с львицей, ни тени улыбки на лице. — Ты деловой человек, Кузнецов, конкретный. Потому четко спрашивай, что тебя интересует, и получишь такие же четкие ответы.

Первый вопрос вертится на языке: а какое твое собаچه дело до моих обязанностей? Но я понимаю: раз он здесь, раз задает тон разговору, значит, имеет на то право. И потому я начинаю со второго вопроса:

— Мой распорядок дня?

— Ты будешь выполнять только самые сложные заказы, только тех клиентов, которые обратятся к тебе от моего имени. Думаю, в неделю таких заказов будет один-два, не больше. Еще ты будешь совершать рабочие поездки с Зоей, со мной, сам. В разное время суток. Но я не думаю, что нагрузки будут большие: три-четыре часа в сутки. Характер поездок... Впрочем, это неважно. Важно другое. Получать будешь полторы тысячи долларов в месяц, плюс премиальные, плюс Зоя.

О, Господи, из уст Толика я услышал пока одну единственную шутку, но зато какую скверную! Надо сменить тему, а то Зоя уже потирает ладошки: как бы она не восприняла слова этого человека как руководство к действию.

— И все-таки: характер поездок? За этим никакого криминала?

Выражение лица Толика ни капельки не изменилось, голос все тот же — ровный, ленивый:

— С точки зрения ментов — сплошной криминал. Иногда будешь перевозить деньги, иногда — людей, иногда — кое-какой товар. Сам понимаешь, хорошие деньги просто так не даются.

Деньги действительно хорошие, о таких и не мечтал никогда.

— Значит, за эту цену я продаю себя с потрохами? Мне могут пришить соучастие в чем угодно: вез, передавал, брал...

— Молодец, соображаешь.

— До свидания!

— Да нет, расставаться пока не будем, лучше поторгуемся. Я могу набавить, до половины. И потом, что тоже немаловажно, ты всегда будешь чувствовать нашу защиту, если появятся проблемы.

Ничего себе! Это он что же, о Вике? Или я ищу смысл в его фразах там, где их и не надо искать?

— Одного не пойму: почему вы именно мне это предлагаете? Полно людей, которых не надо упрашивать...

— Не жеманничай, Гнусавый, не строй из себя целочку. Криминала он, видите ли, испугался! А кто ювелирный магазин брал? Кто помогал машины "переодевать"? Свидетели могут показать, при необходимости, конечно, что ты за это брал наличные... Есть за тобой грешки и покруче, не так ли?

Толик сузил глаза, вытащил из кармана золотую цепочку и вновь, как я уже видел раньше, закрутил ее на пальце.

— Не бери на испуг, это несерьезно.

— Ну вот. А ты спрашиваешь, почему тебе предлагаем место Падунца? Потому и предлагаем, что ты не из пугливых. Умный и не трус. Такие кадры в цене.

— Поэтому работу я сам себе найду! На хлеб будет хватать, а большего мне пока не надо.

— А меньшего? Срок мотать не хочешь? Я ведь не шучу, напоминая о твоих крутых грешках. Ты же человека убил, того, кто тебя пригрел и обласкал. Падунца убил!

Вот тут я обалдел. Я хлопал глазами, глядя на лица Зои и Толика, и никак не мог врубиться, о чем это повел речь собеседник.

— Хочешь, расскажу, как все произошло?

Я лишь облизал пересохшие губы.

— Ты прятал кое-какие драгоценности у старухи-соседки, но та, благочестивая и праведная, стала подозревать, что они ворованные. И ты решил, что ее надо убить, лучше всего — чужими руками, и потому вступил в сговор с Падунцом. Ему ты рассказал, где и что у старухи лежит, посоветовал захватить и шкатулку — для отвода глаз. Сели вы в один прекрасный вечер на его "японца", доехали до сквера. Падунец потопал к дому, а рядышком с тобой остановилась еще одна машина, "Таврия" твоего дружка. Падунец убил бабу, прихватил чемоданчик с драгоценностями и шкатулку, выбежал из дому, и тут ты его шлепнул меж глаз, забрал вещишки, сел к Блину и умчался, как говорят,

во мрак. Потом оставил поживу дружку и належке зашагал домой. Но ты даже допустить не мог, что мы, по чистой случайности, соучастника твоего накрыли, и он раскололся.

— Это бред! Кто этому поверит?

— Это не бред, Кузнецов. Есть письменные показания Блина, то бишь Блинова Геннадия Олеговича, есть вещдоки. Сережки узнаешь?

Толик вытащил из кармана целлофановый пакет, в котором лежали две сережки бабы Вари. Мне ли их не знать — неоднократно держал в руках.

— Это еще ни о чем не говорит.

— А пистолет, "Макаров" с твоими пальчиками? Баллистики установят, что именно из него был произведен выстрел, унесший в мир иной нашего друга.

Толик при этом посмотрел на Зою, та его информацию приняла так спокойно, будто знала о ней сто лет.

— Ну так что, пистолет тебе о чем-нибудь говорит?

— Одного не пойму, — отвечаю я. — Зачем понадобилась такая подставка? Столько ходов... Вы что, меня сбили специально, что ли?

— Вот это — дело случая.

Равномерно вращающаяся цепочка на пальце начинает меня уже раздражать. Нервным становлюсь, не замечал еще этого за собой. И голос у Толика — механический, монотонный, тоже злит.

— Зоя, оставь нас минут на пять, — просит он. Интересно, какие секреты от кошечки, переродившейся в львицу, есть еще у этого парня?

Зоя хмурится, но без слов встает и уходит в комнату.

— Дело случая, говорю, — продолжает Толик. — Я бы тобой не заинтересовался, узнай даже, что это ты ювелирный взял. Но когда похищают, а потом возвращают... Якобы...

— Я действительно все вернул!

— Эта идея тебе в голову пришла, когда заметку прочел об аресте директора магазина? Или вы заранее с Баллушем договаривались?.. В общем так, Кузнецов. Я чувствую, ты большую игру затеял, уважаю тебя за это, обещаю помощь и желаю войти в долю. Не раскусил я еще, что ты затеял, но на всякий случай буду держать тебя пока рядышком, хочешь ты того или нет. Никакого времени на раздумья! Пару дней отдохни, соберись с мыслями, а потом приходи и выкладывай мне все! Впрочем, можешь это сделать и быстрее. Есть мой телефон?..

36

До такой степени не верить в то, что человек может одуматься и попробовать жить честно?! Неужто у меня глаза настолько бандитские, что нет в них никакого проблеска порядочности? Да, сволочные глаза. Или это разбитое зеркало так искажает их?

Я стою в собственной ванной, люблюю собой и очередным разбоем, произведенным в моей квартире. Зеркало... Выжженный кислотой круг линолеума, побитый кафель. Но бардак в квартире — это еще не все. Когда я возвращался домой, возле милиции меня заловил Кукушкин: "Зайди, Кузнецов". И пока я поднимался вслед за ним в кабинет, пришла на ум мыслишка: а что, если согласиться на предложение опера? Может, хоть на какое-то время Толик оставит меня в покое, и я придумаю, как вывернуться из сложившейся ситуации?

Кукушкин сел за стол, показал мне глазами на стул, полез за сигаретами. Не дожидаясь его постоянного вопроса, я сказал:

— Ладно, согласен. Когда машину приносить?

— Все, — пустил кольцо дыма Кукушкин. — С этим точка. Вопросов можешь не задавать: точка и все. Работу я тебе дать не могу, а статью — могу. Я к тебе, Кузнецов, хорошо отношусь, потому говорю напрямую: будешь дергаться — схлопочешь срок, причем вариантов тут — сколько хочешь.

— Да я никакой вариант не хочу. За что?

— Не понимаешь? Ладно, объясню, в расчете на то, что ты парень сообразительный и все остальное додумает. Бабу не ту шпокаешь, понял? Тепер топай отсюда и делай выводы.

Выхожу на улицу. У открытого капота "Жигулей" загорает Лысиков.

Спрашиваю его:

— Чего Кукушкин злой такой?

— А, от зависти, наверное. Сослуживец наш заходил к нему сегодня. Ушел из органов, кого-то там охраняет, бешеные "бабки" получает... Они с капитаном полчаса в кабинете болтали. У капитана оклад в десять раз меньше...

И вот я стою в ванной и понимаю, как это больно — находиться меж молотом и наковальней. С бывшими ментами и нынешними политиками хотя бы все понятно. Их условия определены и ясны: я отказываюсь от Вики, они оставляют в покое меня.

А что делать с Толиком?

Правде он не верит, просто так от меня, не отцепится. Уж он-то не ограничится битьем зеркал. Как ни фантазирую, а ничего не сочиняется, не складывается в сюжет из имеющихся данных. Есть я, есть директор магазина, сидящий ныне под стражей, есть факт хищения драгоценностей, факт их возвращения законному владельцу... Балуш об этом возвращении никому ничего не сказал, решил не прощаясь, по-английски, смотаться, прихватив мою посылку. Думай, Костя, думай! Сочиняй! Как выстроить все факты так, что ты вроде бы ждешь сумасшедший навар... Но ведь его никогда не будет, этого навара!

И что сделает Толик, поняв, что его дурачат? Думай, Костя... А что, если действительно продать квартиру, уехать куда-нибудь в глушь, купить дом... Или и там невозможно будет начать новую жизнь?

Я кое-как исправил телефон, наверное, в сотый раз набираю знакомый номер, но Вика трубку не поднимает. Я на полном серьезе хочу предложить ей смотаться отсюда со мною... На работе она задержалась, что ли?

Ладно, аппарат так раскалится может. Оставим пока в покое деревню и подумаем о драгоценностях. Если бы я был в сговоре с Балушем, то что бы мы могли замыслить? Ну похитили товар, ясно. А зачем бы я его возвращал владельцу? Какой прок мог быть от этого? Думай...

Ничего не думается!

Звонит телефон. Хватаю трубку. Незнакомый голос:

— Ну что, Кузнецов, делаешь выводы?

Меня душит злость. Веду войну на два фронта и везде терплю поражение. Но не махать же белым платком?!

— Выводы я буду делать, когда поговорю с самими.

— Дурак ты, дурак. О себе не думаешь — так хоть женщину пожалей.

— Женщину? — задаю я действительно дурацкий вопрос.

— Вике сейчас плохо и будет еще хуже, если ты не откажешься от нее.

— Я могу с ней поговорить?

— Говори все нам. Мы дадим ей послушать твой голос, записанный на диктофон.

Так вот почему Вика не отвечала! Ей или не разрешают подходить к телефону, или... Или ее вообще увезли из дому.

Мое молчание на другом конце провода расценили как глубокую задумчивость и попытались помочь выйти из нее:

— Вику действительно жалко. Она тебе, наверное, говорила, что хозяин вообще

уже почти не мужик, и он ловит кайф, когда видит, как трахаются другие. Так вот, он приведет для Вики какого-нибудь молодого жеребчика, собственноручно свяжет ей руки, чтоб меньше трепыхалась, сорвет одежду... Он у нас великий фантазер, ты учти это, Кузнецов. И еще учти, что он не любит дарить свои вещи кому угодно, не любит, когда у него забирают игрушки.

— Я на все согласен! Мне только надо переговорить с ним хотя бы по телефону.

— У тебя есть его телефон? — удивился собеседник.

— Есть, — соврал я. — Он сейчас дома?

— Нет, сегодня в верхах мероприятие какое-то, будет к десяти вечера.

— Вот после десяти мне и звоните, я скажу в ваш диктофон все, что надо.

Я на самом деле не подумал о Вике. Спасибо, чужой дядя надоумил. Если этот дядя, гад, не врет... А если и не врет, что я могу сделать? Разве есть гарантии, что этот Белаков откажется от мысли о мести? Надо потолковать с ним. Надо узнать, где Вика. Это — самое главное, проблемы с Толиком пока отходят на второй план... Проблемы, но не сам Толик!

Я нахожу его номер телефона, накручиваю диск. Приятный женский голос, я даже представляю, как подносит к ушку трубку бело волосый голубоглазый ангел.

— Эмма, — ору, как старой знакомой. — Мне Толик нужен.

Короткая заминка. Видно, смотрит на телефонный определитель и гадает, кому принадлежит сей нервный крик.

— Одну минуту...

Вот и голос хозяина милого моего "вольво". Выпаливаю скороговоркой: надо бы, мол, пару человек, как можно быстрее, потолковать с одним типом, подробности при встрече...

Не проходит номер. Подробности ему нужны сейчас, хотя бы в двух словах.

— То, что таможенники взяли у Балуша — баловство. Балуш залетел по собственной глупости. Мы прощупывали с ним канал, он должен был осесть в Эмиратах и ждать от меня передач... Передавать есть что, поверь. Надо только потолковать с одним мужичком.

— Кто он?

— Так, шавка. Но поскольку у меня, кажется, появился новый компаньон, — тут я сделал паузу и услышал, как Толик довольно хмыкнул, — то я не хочу больше ни с кем другим делиться.

— Идет. Людей я тебе дам. Больше скажу: мои люди сейчас все время при

тебе. Дам им команду — и через минуту они будут у подъезда. Так что спускайся.

37

Два квадратных мальчика в легких темных свитерах. Одному, наверное, за тридцать, другой — мой ровесник. Я даже улыбнулся: как похожи они на тех, с кем я накануне беседовал в сквере. А ведь из совершенно разных контор... Надо бы и мне приобрести такой свитерок, видно, он входит в моду. А джинсы пора выбрасывать. Я весь в джинсовке: брюки, рубашка, куртка... Куртку надел только потому, что в ней объемные карманы, в один из которых легко поместились наручники, те, которые я когда-то снял с Насти. Не знаю и сам, зачем я прихватил их с собой сейчас.

— Куда едем, шеф? Сядешь впереди, сзади?

Хороший инструктаж провел Толик.

— На Филипповскую.

— Наша задача?

— Вы мне должны обеспечить разговор с одним человеком. Если будет кто-то рядом, оттесните и все. И можете возвращаться.

— Насчет возвращения было другое указание: Анатолий Анатольевич ждет тебя, так что мы с Филипповской сразу возьмем тебя к нему. Или планы поменялись? Тогда прямо сейчас свяжись с ним.

Квадрат помоложе протянул мне радиотелефон.

— Да нет, все остается в силе. Если Толик сказал...

Помолчали. Молчание прервал тот, который сидел за рулем, причем прервал неожиданным возгласом:

— Гнида!

Я недоуменно взглянул на него, и он пояснил:

— "Девятка" сзади, который день за нами таскается. Мы Анатолию Анатольевичу докладывали, он обещал разобраться, но она таскается и таскается. Дистанцию держит — не увидишь кто, что. Оторвемся ради спортивного интереса, ты не против?

— Двумя руками за.

Водитель, не снижая скорости, повернул в один переулок, другой, зарулил на автостоянку возле жилого дома и вырубил свет.

— Постоим минуту.

Постояли.

— Теперь, кажется, чисто. Поехали. Я повезу тебя окольным путем, это чуть

дольше, но есть шансы, что не будет зрителей.

Мы оставили машину поодаль от дома и уселись на пустующей скамейке, так, чтобы были видны все три подъезда.

— Вы отца Анатолия Анатольевича знаете, работали с ним? — почему-то перешел на вы водитель.

Я неопределенно пожал плечами. Водитель это понял по-своему:

— Да нет, я не потому, что любопытный. Я просто хочу сказать, что с ним тяжелее приходилось. В день порой под тысячу кмэ наматывал, и разборки полно было. Машины бил... Это сейчас он птица важная, на "мерседесе"-шестисотке. И хорошо, что меня на "мерс" не взял. При сыне спокойнее. Но воспитывает он его хорошо, да? "Денег у меня куча, но кормить не буду, иначе без меня сам жить не сможешь, ищи свой бизнес". Правильный мужик.

— Сказки! — возразил молодой. — Старик уже внуку дом в Англии купил. Внуку четыре года, а уже свой особняк, и счет небось в банке. Лафа, а не жизнь. Вырастет там, выучится, приедет и станет нашим президентом. Учить нас будет уму-разуму.

— Ты не ехидничай. И станет, и будет не хуже многих наших доморощенных. Наши всего побольше себе урвать хотят, а у него все будет... О, машина подъехала. Не этого ждем?

Двое в черном, одного из которых я узнал сразу по знакомству в сквере, завозились у багажника, вытаскивая оттуда коробки, а из салона "Волжанки" все еще не спешил вылезать третий. Но я уже внутренно почуствовал: он, Белаков. Наконеч-то открывает дверцу, выходит, потягивается, разминая косточки. Костюм, галстук, тяжелая квадратная челюсть. Ему бы в боевиках играть стареющих героев.

— Он! Пойдем, ребята.

Мы уже обговорили наши действия. Я мирно и тихо приглашаю Белакова пройти в глубь двора, в угол, заросший сиренью. Для того чтоб он был при этом более послушен, сжимаю в руке обыкновенный перочинный нож, но с утяжеленной колодочкой. Можно и острием погугать, хоть оно только кожу-то и проткнет; можно вместо свинчатки использовать. Но это на крайний случай.

Когда я просил мальчиков постараться действовать без лишнего шума, они в один голос ответили: "Обижает!" И вот теперь вижу, что действительно обижал. Два ствола одновременно приставляются к хребтам тех, кто у багажника, при этом

говорятся тихие, проникновенные, но вряд ли ласковые слова, и я понимаю, что у меня теперь полная свобода действий, что никто мне не помешает.

Кое-что уже видит и Белаков. Замер в зевке, будто воздухом подавился. Прямо хоть силой поднимай ему отвисшую челюсть.

— Пройдемся, поговорить надо.

Ну вот, не хватало, чтоб он сейчас упал и умер. Затряслись губы, побелели глаза.

— Вот туда, к сирени.

Он впереди, я в метре сзади. Подгибает, гад, колени. Может, действительно от страха, а может, готовится извернуться, отпрыгнуть в сторону. На всякий случай не больно толкаю его лезвием ножа в спину:

— Без шуточек!

Он то ли громко икает, то ли всхлипывает и зачем-то поднимает руки на уровень головы, как будто в плен сдается. Ну что ж, хорошо, что поднял.

— Стой!

Провожу у него под мышками. Точно: наплечная кобура, красивый, словно игрушечный, пистолет. Нет, не играть ему героев в фильмах. Мало того, что он об оружии забыл, так еще и... Фу, как дерьмом завоняло!

Я целю пистолетиком в нос Белакову:

— Что ты собираешься делать с Викой?

Тяжелое, всхлипывающее дыхание. Ну надо же, такая мразь! Не встречал людей трусливей. Уже не могу смотреть на его отвисшую челюсть, поднимаю ее кулаком, и засранец кулем валится на землю. Легионько поддаю под ребра ногой:

— Встань!

Он подхватывается невероятно быстро.

— Где Вика?

— За городом, — тонкий голосочек евнуха. — С ней ничего... Надо подлечиться...

— Тебе самому надо подлечиться, — говорю я. — Болезнь генерала Власова, да? Когда страшно, очко не держит?

Глупейшая, жалкая улыбка в ответ.

— Или тебе еще не было страшно? Ты только других страшил? Получил власть и страшил, да?

— Не убивайте! — пролепетал Белаков.

Он не сводил глаз с пистолета, и я сунул оружие себе в карман.

— Да кому ты нужен. Слушай меня внимательно и останешься целым. Первое: тронешь Виду пальцем — достану из-под земли, теперь ты знаешь, что я это смогу сделать. Второе: веди к ближайшей автобусной остановке, как можно скорее и чтоб без глупостей.

Белаков опять поколыхался чуть впереди, при каждом шаге тонко всхлипывая. Мы оказались в темном, плохо освещенном переулке. Метров через двести вышли к магистрали. Остановку я увидел сам. И увидел подходивший автобус. Времени у меня оставалось как раз на то, чтоб успеть сказать прощальную речь члену правительств:

— В телевизоре ты лучше смотришься. А на деле — дерьмо.

И от души съездив его по так раздражавшей меня челюсти, пробежал десяток метров, впрыгнул на ступеньку чуть не уехавшего без меня автобуса.

Пассажиров было мало, но я не стал садиться. Через остановку выскочил, перебежал на другую сторону и запрыгнул в троллейбус. Береженого Бог бережет! Нет желания ехать в гости к Толику, нет у меня для него хороших вестей. И дома появляться нельзя. Спать не хочется, но, чувствую, день завтра будет непростой, и надо отдохнуть. Где? Будто есть выбор. Конечно, у Насти.

38

В этой квартире уже появляется уют. Женщина хозяйничает, и этим все сказано.

Долго отмываюсь в душе, потом сажусь за накрытый стол. Яичница, колбаса, мой любимый кефир, бутылка кислого сухого вина.

— Я днем как раз стипендию получила, первую...

Глаза Насти светятся от счастья. Она рада стипендии, рада мне, рада тому, что у нее есть крыша над головой.

— Вы с Викой такие люди, такие люди! Вы столько сделали для меня! Я раньше почему-то считала, что москвичи сплошь черствые, злые, что тут бандит на бандите. Особенно когда со мной это случилось... А вот ты, Костя, добрый, ты рыцарь.

— Рыцарству не обучался, — бурчу в ответ.

— А этому не учатся, ты просто родился таким!

Знала бы она, каким я родился! Не туда идет наш разговор. Потому откровенно зеваю и прошу:

— Настя, я на кухне на раскладушке лягу, ты утром меня не буди, беги на занятия. Буду уходить — дверь захлопну. И не стесняйся: кипятки чай, готовь, что надо — я крепко сплю.

Спал я действительно крепко и долго. Проснулся — Насти уже нет, на столе — свежая булочка, кефир, утренние газеты.

По старой привычке начал с чтива: "Структурные избиения": "Вчера ночью было совершено нападение на высокопоставленного чиновника властных структур. Несколько неизвестных, вооруженных холодным оружием, напали на него, когда тот возвращался домой. Скорее всего, члена нашего правительства хотели просто ограбить, но он сумел сам себя защитить и обратил нападавших в бегство. Правда, при этом получил ссадины, ушибы, с легким сотрясением мозга оказался на больничной койке.

Рядовой, казалось бы, случай, говорит о том, что даже таких людей мы не можем защитить от разгула бандитизма. Что же тогда говорить о рядовых наших гражданах?..."

Заметка эта мне понравилась, особенно строки о самозащите Белакова. Смех вызвал аппетит, я выпил весь кефир, ополовинил запасы сыра, колбасы, но компенсировал все это Насте тем, что оставил ей бумажник, когда-то полученный от Эммы и Толика. Он ненамного похудел с тех пор.

После хорошего завтрака стала лучше соображать голова. Скорей всего, Вика в больнице у Бабашвили. Вряд ли вчера ночью или сегодня утром Белаков нашел силы предупредить кого-то из своих, что засранцем он стал из-за Вики. Вряд ли признается в этом и милиции, которая наверняка уже посетила пострадавшего. Но тем не менее тянуть резину нельзя, надо как можно быстрее навестить моего дорогого Илью Сергеевича и Вику. Что с ней? Если хоть один золотой волос упал с ее головки — я в любой больнице достану этого структурного мерзавца.

На такси подъехал к знакомой уже развилке, отпустил машину и зашагал к больнице пешком. Рассудил вроде бы здраво: охранник обязательно услышит шум мотора и выйдет встречать прибывших, но вполне возможно, не услышит и не увидит тихо идущего человека. Встречаться с ним не хотелось бы...

Но пришлось.

Крупный, несколько грузноватый усач с цепкими глазами вырос у самой калитки, ничего не спрашивая, смотрит на меня, щелкает радиотелефоном. Все, приплыли.

— Падунец, Федор Савельевич, — говорю, сам от себя не ожидая такой наглости.

Усач повторяет услышанную фамилию, дожидается ответа и кивает головой:

— Проходите.

Вот так! И тут бывают свои сбои в бухгалтерии: человека давно уже нет, а из списков не вычеркнули. И документы не

проверяют. Непорядок. Но за такой непорядком поблагодарить часового надо. В качестве поощрения я дарю ему дружескую улыбку, топаю вдоль озера. Вот в этой беседке состоялось наше знакомство с Викой. Жаль, что она не сидит здесь по-прежнему: придется бегать по палатам. Нет, это не дело, конечно. Надо заглянуть прямо к Бабашвили и выяснить, что с моей любимой и где она.

Противнейший холодок прошелся под ребрами: а если Вика вообще не здесь, может же быть такое? Что, в Москве только одна загородная больница?

Первый этаж, поворот налево, ступеньки наверх. Ни одного больного не попало на глаза. Что у них, мертвый час? Стучу в знакомую дверь, не дожидаясь ответа, открываю ее, перешагиваю порог. Все ясно, попал на обед. Илья Сергеевич сидит уже перед пустыми тарелками, пьет чай с лимоном.

— Я занят, простите.

— Это вы меня простите, Илья Сергеевич. У меня нет возможности ждать, я должен увидеть Вику.

Серебряная ложка звякнула о стакан, руки доктора заметно дрогнули.

— Кузнецов? Как вы вошли сюда?

Он ставит на поднос стакан, опускает руку... Там может быть кнопка сигнализации, оружие... Выхватываю из кармана пистолет.

— Не надо!

Бабашвили заметно бледнеет, кладет руки на крышку стола, но говорит спокойно, только тихо:

— Этого еще у нас не было. Знал, что в дерьмо попал, но не думал, что по больнице с оружием бегать начнут.

— Где Вика? — спросил я.

— Так, значит, от вас ее упрятали?

— Илья Сергеевич, вы много говорите, я же жду всего-навсего коротенького ответа...

— Коротенький не получится. Вы все-таки разрешите мне взять из стола салфетки? И наберитесь хотя бы на пару минут терпения, чтобы понять, в чем дело. Вика здесь, и в той же палате, в какой была раньше. Привезли ее сюда в плохом, полубессознательном состоянии — кололи сильнейший препарат, блокирующий психику, волю. Эти ампулы тоже сюда доставили. Мне, как мальчику, настоятельно рекомендовали пользоваться ими, рекомендовали в таком тоне, что я не имел права отказаться. Но поскольку последствия подобных инъекций могут быть страшными...

У меня, наверное, что-то случилось с лицом, поскольку Илья Сергеевич дальше продолжил скороговоркой:

— Не надо так смотреть, все нормально! Я ввожу ей совершенно безвредные препараты, но у нас с ней договор: если кто-то еще есть в палате, то она ведет себя... странно, скажем так.

— Она в палате не одна?

— Одна. Но в любой момент туда может войти Светлана, моя, так сказать, помощница. На самом деле — человек, контролирующий меня.

— И вы это терпите?

— А что остается делать? Идти работать в районную поликлинику? А на что кормить семью?

— Но такой ценой...

— Не надо об этом! Я все-таки стараюсь хотя бы перед собой быть честным, деньги отрабатываю. — Он сделал ударение на последнем слове. — И потом, меня уже просто не отпустят отсюда, не позволят ни свое дело открыть, ни в другой лечебнице устроиться. Правда, если узнают, что я принимал вас, устроил встречу с Викторией, то отношение ко мне, думаю, изменится. В худшую, естественно, сторону.

— И что вы предлагаете?

Бабашвили встал из-за стола:

— Я полагаю, что помогаю порядочному человеку. Во всяком случае, Вика так о вас отзывалась. Она мне кое-что рассказывала. Пойдемте!

— А осведомитель, Света, она здесь? Мы можем встретить ее в коридоре или в палате?

— Скорее всего, в палате. Не знаю, какое конкретно задание она получила, но постоянно крутится возле Вики.

— Тогда простите меня, но это для вашей же пользы. — Я вынул из кармана пистолет. — Пойдете под конвоем. Я вынудил вас идти, понимаете?

— Не совсем. Но я специалист в своем деле, вы — в своем. Поступайте, как знаете.

Коридор был по-прежнему пуст. Вошли в палату. Вика, кажется, спала. У окна на стуле сидела Светлана, листая журнал. Я быстро оглядел помещение. Труба парового отопления спускалась с потолка и уходила в пол в углу. Светлана уже поднималась навстречу нам и шевелила губами. Пистолет она увидела, теперь пусть увидит и браслетки. Я вынул наручники, защелкнул правый на ее руке, а левый, предварительно пропустив его меж трубой и стеной, на запястье Бабашвили:

— Посидите так пять минут, и без шума... простите, девушка, я, кажется, разбудил вас?

Последняя фраза была обращена уже к Вике. Та приподнималась на кровати, недоуменно глядя на меня.

— Костик?

— Ты можешь ходить?

Она спустила ноги на пол, поднялась, держась за спинку кровати.

— Вот и хорошо. — Я обнял ее за талию.

— Посидим немного в кабинете доктора.

Ступала она не совсем уверенно не только в палате, но и в коридоре.

— Можешь не притворяться, тебя уже эта шпионка не видит.

— Костик, — она прижалась ко мне, заплакала, — меня чем-то накачали, я теряю ориентацию.

— Илья Сергеевич? — спросил я и сжал кулаки.

— Нет, перед тем как сюда везти, еще дома. Вошел Белаков, с ним еще кто-то, наверное, врач. Заставили проглотить несколько таблеток, потом — не помню... Поплыла.

Я поцеловал ее в мокрую от слез щеку.

— Я пришел за тобой. Мы исчезнем и отсюда, и из этого города.

— Начнем новую жизнь? — спросила она, и слезы опять наполнили ее глаза. — Костик, ты не понял главного. Мы никогда не избавимся от своего же прошлого. Мы можем поменять и паспорта, и прописку, но — не избавимся!

— Неужто мы с тобой слабее обстоятельств, Вика?

— Не слабее... И не сильнее... Раз бежим от них. А я вот и бежать не могу, ноги не слушаются... Ты как меня нашел?

Я коротко рассказал ей обо всем, что произошло за эти дни. Она ахнула:

— Ты действительно сжег все мосты, тебе некуда возвращаться. Остается и впрямь податься на край света. И все из-за чего, Костик, а? Из-за того, что чистым захотел стать? Да кому она нужна, наша чистота?! Чистые или от голода сдыхают, или вешаются!...

Вика стала дрожать, как от холода, я обнял ее, погладил жесткие непокорные волосы:

— Успокойся, Вика! Успокойся, все будет хорошо. Мы попробуем, попробуем не замараться и доказать всем им...

— Кому, глупыш? Кому всем? Да начинают они на твои доказательства! У этих всех иные ценности, они просто не поймут тебя! А поймут — так будет еще хуже: раздавят. Уезжай, уезжай, Костик, куда

глаза глядят! Хотя я и не хочу с тобой расставаться...

Я прикрыл ей ладонью рот.

— Ты права, Вика. Убегать — последнее дело. Потерпи немного, я что-нибудь придумаю.

— Что ты придумываешь? Тебе ведь и думать некогда! За тобой идет охота, ты понимаешь это? Тебя флажками красными обнесут — и Белаков, и милиция, и Толик... А ты все мечтаешь, как бы никого не укусить...

— Все, Вика, все! Мне пора уходить. Ты будь умницей. Здесь будь. Илье Сергеевичу, кажется, можно доверять? Потому не торопись выписываться, жди от меня вестей. А пока возвращайся в палату. Возьми ключ от наручников. Постой здесь, возле окна, и только когда увидишь, что я вышел за калитку, отстегнешь их.

— Меняемся, — слабо улыбнулась она. — Вот моя связка. Кому придет в голову искать тебя в моей квартире?

39

Охранник демонстративно смотрел в глубину леса, будто даже замечать не хотел, кто это вышел из больницы и зашагал к трассе. Пусть любой выходит, его дело — не впускать, и он знает это отлично.

Частник согласился подкинуть только до ближайшего метро, но мне это как раз и надо было. Нечего светиться среди бела дня возле дома Вики.

От метро я позвонил своей соседке, жившей этажом ниже.

— Константин? А к тебе милиция приходила, нас расспрашивали, где ты.

— Если будут спрашивать еще, скажите, уехал к тетке, в глушь, в Саратов...

Так, обвинение в разбойном нападении на мне, значит, есть. Появляться дома не следует. К Насте наведаюсь только в крайнем случае: незачем такую квартиру светить. Остается воспользоваться ключом, который дала Вика.

Бутерброды, кофе, ванна — и вот я уже почти в форме, только спать охота. Но все равно ведь делать нечего в темноте, а свет зажигать опасно. Кто знает, что предпримет Белаков, получив информацию от Светланы о моем посещении больницы. Прилетят мотыльками на свет крутые мальчишки, и не устраивать же тут с ними потасовку и стрельбу?! Хотя стрелять есть чем.

Я накрыл ладонью пистолет Белакова. Игрушечка. Полный магазин патронов. Хорошо бы мне их не растратить, выйти из

игры чистым. С каждым днем сделать это все сложнее и сложнее, уже и представить трудно, какие выходы у меня есть. Если не считать тот, о котором говорила Вика: сдохнуть с голоду или полезть в петлю. Да и то ведь посмертно повесят на меня того же Падунца. Мертвый я буду для всех очень удобен.

С этой не больно веселой мыслью я и заснул, чтобы проснуться от яркого света, ударившего в глаза. В голове еще не рассеялась пелена ночных сновидений, и потому я не сразу осознал, где нахожусь и что за люди ходят по комнате. А когда осознал, захотелось опять заснуть и забиться.

Поодаль, у двери, потирал руки, хищно поглядывая на меня, один из тех двоих, с которыми я навещал Белакова. А рядом, у кровати, крутил на пальце золотую цепочку Толик.

— Прости, мы без стука, — сказал он. — Но ты подставил меня, крупно подставил, и потому мне не до условностей. Такое придумать: стравить меня и с кем?!

— Голь на выдумки хитра, — ответил я. А что я еще мог ответить?

— Голь... — Толик присел на стул. — Знал бы я, что ты действительно голь... Вот здесь я ошибся, поверил в ваше общее дело с Балушем. В наше время ведь миллионами не швыряются, миллионы можно вложить так, чтобы получить миллиарды. А ты?..

— А что я?

— А ты написал записку: "Отдающий долги". Черная паста, серая оберточная бумага. Зачем ты это сделал?

— Появился шанс честно пожить.

— Дурак! Вот сегодня, в четверг, на расвете, пятнадцатого сентября, мы тебя шлепнем, и думаешь, кого-то это обеспокоит?

Я покосился на окно. Действительно, начинало светать.

— Или ты думаешь, что ты рыжей крале нужен? Объясняю популярно: это не так! Ее туз потихоньку стареет и помногу пьет, в постели он женщину не устраивает, и она при помощи тебя просто торгуется с ним. А если больше заплачу я, то я ее буду трахать, а вы с ним станете рядышком и зажжете для большего интима свечи.

— Значит, если у меня будут деньги, я смогу то же самое делать с Эммой?

Лицо Толика как было бесстрастным, так таким и осталось.

— Столько денег у тебя никогда не будет. Да и тебя самого скоро не будет. Ради этого я и прибыл сюда, хотя на по-

добные спектакли не хожу. Но это не простая разборка, это последняя встреча с сумасшедшим. Как же ты представлял свою новую жизнь, скажи?

Я промолчал, и продолжил опять Толик:

— Мой отец потом и кровью, в прямом смысле, добивался нынешнего своего положения. Раньше машинами торговал, отдал дело мне и теперь он московский нефтяной король, у него есть казино, дома, но он знает, что до конца жизни не выйдет из игры. Это он, кстати, дал знать, где ты находишься. В клинике еще со славных старых времен остались "жучки", люди отца ими, естественно, пользуются... Так вот, отец по своей воле из игры не выйдет. Я, как и ты, руки стараюсь не пачкать, но понимаю, что до поры. Держу хороших исполнителей... Ты, кстати, был бы хорошим исполнителем.

— Таким, кто отбирал бы у Падунца шкапулки? За что вы его убрали?

— Нет, таким бы, кто стрелял меж глаз! Падунец действовал грубо, его бы опознали и вычислили... Да что там жалеть: был уголовником — им и остался.

— А вы с отцом масштабнее?

Губы Толика дрогнули в ухмылке:

— Почему бы перед смертью и не похвалить, да? Но все же отвечу. Мои руки почище твоих. Это тебе даже милиция докажет. Я занимаюсь бизнесом, я кого-то кормлю и от кого-то кормлюсь. Я никого не убивал. В природе не существует пистолетов с моими пальчиками. Я никогда в жизни не натягивал на лицо вонючий чулок, не угонял и не перекрашивал машины — все это в моем послужном списке, понимаешь? И с ним ты вдруг решил стать праведным? Возомнил, что тебе простится все это?

— Ты же знаешь, я вернул драгоценности, не убивал Падунца и не воровал машины... Тебе просто хочется сейчас меня испачкать, потому что ты завидуешь мне. Ты думал, что купить можно все на свете, ан-нет!

— Что? Не носи чушь!

— Чего же ты тогда приехал ко мне? Прислал бы исполнителей — и дело с концом. Нет, ты хочешь лично убедиться, всемогущи деньги или нет. А осечки происходят, да?

— Никаких осечек! Сейчас мы кончаем тебя, а потом направляемся в больницу и я там покупаю твою златовласку. Ты уже не узнаешь этого, но поверь, я отдам ее своим мальчиком. На потеху.

— Поверь и ты мне на слово, Толик: то же я сделаю с Эммой. Если ты думаешь, что я не умею мстить...

— Ты уже ничего не сделаешь!

— Посмотрим. По четвергам я живучий.

Я встал с кровати, потянулся к брюкам, но тот, который стоял у двери, вырвал их у меня, похлопал по карманам и только потом вернул. Я надел брюки, рубашку.

— Пойдем, — сказал Толик.

Его напарник шагнул за порог, в коридор, а я снял с вешалки куртку и набросил ее на плечи. Вес пистолета в правом кармане почти не ощущался, но было, черт возьми, приятно чувствовать его металл.

У подъезда стояла такая знакомая машина — серый "вольво". За рулем сидел краснолицый мужик лет пятидесяти. Видно, он уже знал, куда ехать, потому что, как только все мы уселись, машина рванула с места.

Миновали пост ГАИ, что за кольцевой. Капитан возле синих "Жигулей" и наш водитель помахали друг другу ручкой. Потом по обочинам дороги пошли в леса. Свернули на грунтовку, всю в рытвинах.

— Карьеры скоро, камень там добывают, — охотно пояснил Толик. — Старые разработки водой залиты, глубина — метров десять... Слушай, а может быть, все-таки одумаешься? Будешь Зою возить, меня, в мастерской малярничать, а?

— Я ведь и в морду могу напоследок заехать, Толик.

— Тогда стой, Семеныч. Он все думает, что мы шутим. А мы шутить не любим. Семеныч Падунца пришел, и тут рука не дрогнет. А если что — Вовочка поможет. Выходим, ребята. Иди-ка вперед, Кузнецов, вон туда, к обрывчику. И не держи руки в карманах, это некрасиво.

Я исправился, я сделал красиво. С четырех метров просто невозможно было промахнуться. Они даже затворы не передернули — не успели.

Хуже всех повел себя Толик. Наивно себя повел. Он, наверное, посчитал, что бегаёт быстрее, чем летит пуля.

Он ошибся.

Оружие убитых я забросил в воду, документы и деньги взял себе. Пешком через лес пошел к трассе.

нем номере газеты фоторобот и статья об этом — "Опять никто не ответит?"

"В четверг утром в лесу грибниками были найдены трупы трех человек. Один из убитых оказался Шаровым Анатолием Анатольевичем, сыном известнейшего российского предпринимателя, бизнесмена. Он и сам занимал видные посты в коммерческих структурах, пользовался уважением в своем кругу. Но, конечно, всем не угодишь... И вот Шарова и двух его ближайших помощников вывозят за город и хладнокровно расстреливают. Кто? Есть сведения, что организатором и исполнителем покушения стал человек, портрет которого выполнен фотороботом по показаниям свидетелей. За ним, кстати, тянется уже не одно уголовное преступление. Предстанет ли преступник перед судом на этот раз?"

Я смотрю на портрет. Писали обо мне уже много раз, но вот снимки еще не публиковали. Это — впервые.

Поправляю узел галстука и мизинцем разглаживаю усики, черной подковой висящие над губами. Вы хотите охотиться на меня? Что ж, пожалуйста. Я, конечно, понимаю, что силы не равны, но у меня тоже есть повод трубить в охотничий рог. Вы смотрели вчерашние газеты? Смотрели, но вряд ли помните небольшую заметку, рядовую по нынешнему времени: "На окраине Москвы неизвестными лицами обстреляна машина, принадлежавшая Илье Сергеевичу Бабашвили. Сам водитель и его спутница доставлены в больницу в критическом состоянии. Это скорее всего произошла очередная разборка мафиозных кавказских структур..."

Вчера вечером на операционном столе Бабашвили скончался. Женщина, лет тридцати, рыжеволосая, жива, есть надежда, что...

Так мне сказали вчера медики по телефону. Сплюнем!

Сплюнем и будем действовать. Вы думали, я ничто в этом мире? Думали, я продаюсь и покупаюсь? Думали, я убегу, натолкнувшись на ваш сердитый взгляд? Ошибаетесь.

Вы еще услышите обо мне...

40

Утренняя электричка, того часа, когда она еще не забита людьми под завязку. Но контролеры уже ходят по вагонам. Почему-то с милицией. Одни проверяют билеты, другие вроде бы рассеянно, от нечего делать, рассматривают пассажиров. Я знаю, кого они ищут. Три дня назад под Москвой убили коммерсанта, в сегодняш-

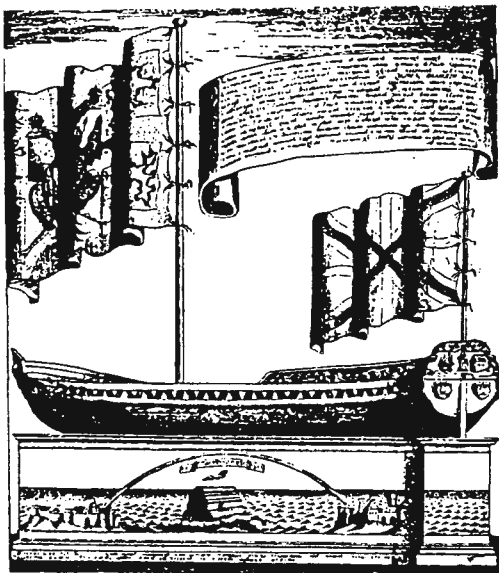
К 300-летию Российского флота

Как ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Официально трехвековой юбилей Российского флота отмечается нынешней осенью. За точку отсчета взят день принятия решения Боярской думой (предположительно 21 октября 1696 года): мощному флоту в державе — быть! Именно после того исторического выбора в стране начались по-настоящему крупные реформы, заложившие основу для создания регулярного военно-морского флота.

Основателем Российского флота по праву называют Петра I. И это справедливо. С первых шагов своего царствования он считал, что для успешного развития империи нужны тесные связи с Европой. Их можно было наладить только при наличии выходов к Черному и Балтийскому морям. Поэтому с конца XVII века все его усилия направляются на закрепление России на берегах этих морей.

Если же заглянуть в историю поглубже, то все началось в мае 1688 года, когда в Измайлове, где рос и воспитывался наследник российского престола, в амбарах его деда нашли английский бот. Его починили (поставили мачту, сшили парус) и спустили на воду. Петр стал на нем плавать по Яузе. Однако река была узкой для парусника, и его перетащили на соседний пруд. А когда и там стало тесно, а желанья

плавать прибавилось, то следующим местом морских потех юного царя стало Плещеево озеро около Переславля-Залесского. И уже в августе того же 1688 года в одном из переславль-залесских монастырей заложили одно большое судно и два поменьше. К концу 1689 года на Плещеевом озере появились два трехмачтовых фрегата и три яхты русского производства. Этим было положено начало потешной Переяславльской флотилии.

В 1690-1691 гг. в Переславль-Залесский доставляются все мелкие суда, построенные к тому времени в Москве. Таким образом, по данным русского историка военно-морского флота генерала Ф.Ф.Веселаго, к 1692 году потешная флотилия насчитывала около ста судов, в том числе два фрегата, галеру и пять яхт.

В августе 1692 года, в торжественной обстановке подняв паруса, потешная флотилия совершила свое первое плавание. Позднее указом Петра I предписывалось сохранить первые суда как памятники. С них сняли паруса, такелаж, якоря, пушки и вытащили на берег. Простояли они почти 50 лет, пока сильный пожар не

уничтожил все корабли за исключением ботика "Фортуна", который Петр Великий назвал "дедушкой русского флота". Он-то и сохранился до наших дней.

В 1693 году состоялась поездка Петра I в Архангельск, где он впервые увидел иностранные корабли. Там же им был заложен 24-пушечный корабль на Соломбальской верфи, а также отдан приказ о закупке 44-пушечного корабля в Голландии.

На следующий год Петр I вторично прибывает в Архангельск, когда спустили на воду корабль "Святой Павел", а из Голландии привели фрегат "Святое Пророчество". Стольнику Ф.Апраксину поручалось построить несколько купеческих судов для развития торговли с иностранцами.

Обе поездки царя в Архангельск еще больше укрепили его уверенность в необходимости свободного выхода России в моря. В частности, в Черное, берега которого находились в ведении турок и татар.

В то же время остро встала проблема доступа России к Азовскому морю. Для этого весной 1695 года начался первый Азовский поход. Русские войска подошли к Азову и обложили его с суши. После двух безуспешных штурмов осада была снята. Стало ясно, что без флота победить на морских побережьях крайне трудно.

При подготовке второго Азовского похода развернулось строительство стругов, морских плотов, лодок и других плавсредств для доставки войск по воде. Основным центром судостроения тогда стал Воронеж. Здесь начали строить крупные корабли, собирались галеры и брандеры. Для их обслуживания организовали обучение штурманов, матросов, врачей. Основу созданной флотилии составляли галеры и брандеры. Адмиралом Азовского флота был назначен сподвижник и любимец Петра Ф.Лефорт.

Вновь началась осада Азова. Теперь уже и со стороны моря. Для защиты порта прибыл турецкий флот. Но он сразу же потерял два корабля и вынужден был убираться восвояси. После бомбардировки с суши и моря штурмующим удалось взять крепостной вал, и гарнизон крепости капитулировал. Так была одержана первая победа, а с ней открывался беспрепятственный выход галерной эскадры в Азовское море. В июле 1696 года турки сдали Азов.

Азовские походы показали значимость флота, необходимость перевода его на регулярную основу. Этот вопрос был вы-

несен на рассмотрение в Боярской думе. После бурных дискуссий, продолжавшихся с 20 октября по 4 ноября 1696 года, удалось выработать решение, которое законодательно закрепило стремление России стать мощной морской державой.

Из-за отсутствия достаточных сумм в государственной казне Азовский флот началось строить на средства частных лиц. Специальным постановлением Думы предписывалось всем владельцам крестьян в зависимости от количества дворов платить налог на кораблестроение. В основном строились баркалоны, бомбардирские корабли и галеры. Команды для них комплектовались из офицеров и солдат Семеновского и Преображенского полков и нанятых на службу иностранцев. Поначалу ежегодно из-за границы прибывало до тысячи человек — капитанов, командиров, шкиперов, штурманов, боцманов, матросов. Позже этот поток пришлось ограничить — денег не хватало. Тем не менее изыскивались средства для подготовки в Голландии, Англии, Италии своих морских специалистов.

Сам Петр I занялся учебой. В голландском городке Саардаме он некоторое время проработал на верфи плотником. В Англии прошел теоретический курс кораблестроения. В Кенигсберге постигал искусство артиллерийской стрельбы.

В 1699 году эскадра Азовского флота вышла в море. Командовал ею адмирал Ф.А.Головин. Этим походом Петр I намеревался оказать давление на Турцию с целью скорейшего заключения с ней мира и закрепления России на побережье Азовского моря. Задачу эту в целом удалось решить.

Роль Азовского флота трудно переоценить: он, во-первых, положил начало крупномасштабному военному кораблестроению, что способствовало быстрому развитию Балтийского флота. Во-вторых, в короткие сроки были подготовлены кадры морских специалистов.

Учитывая сложившуюся обстановку, Петр I решает приступить к осуществлению давнишней мечты: отвоевать свои владения у шведов на берегу Финского залива и через Балтийское море получить желанный выход в Европу. 19 августа 1700 года Россия объявила войну Швеции. Отныне морские силы России стали развиваться и на севере.

Упреждая удар, шведы спланировали нападение на Архангельск, скрытно войдя

в Белое море на шести кораблях. Но Петр I предусмотрел меры по защите русского Севера: построил 4 брандера, развернул наблюдательные посты при входе в беломорские порты и прикрыл фарватер четырьмя батареями. В результате три корабля врага при входе в Двинский залив были посажены на мель и задержаны. Остальные отступили.

Русские перешли к решительным наступательным действиям. Клету 1702 года от шведов очистили Ладожское озеро, а в 1704 году были заняты берега Чудского озера.

Шведы пытались взять реванш. В Финский залив вошла их эскадра, с суши выдвинулся артиллерийский корпус с целью оттеснить россиян и напасть на Петербург. Однако совместными действиями армии и флота наступление неприятеля было остановлено. Развивая успех, русские взяли Нарву, что усилило их позиции. Эта победа позволила Петру I возобновить союз с Данией и Польшей против шведов. Нарастив усилия, наши войска взяли шведскую крепость Выборг, затем Ригу и еще целый ряд городов, одержали блестящую викторию при Гангуте в 1714 году, что позволило перенести военные действия уже непосредственно на территорию Швеции.

А после побед Балтийского флота у островов Эзель в 1719 году и Гренгом в 1720 году шведский флот уже даже не пытался вступать в сражения с русским флотом.

В августе 1721 года между Россией и Швецией был подписан мирный договор, по которому большая территория с городами и крепостями отходила к Российской империи.

Российский флот на Балтике утвердился как самый сильный. И не удивительно. Если в 1703 году он состоял из двух фрегатов и нескольких мелких судов, то, к примеру, к 1714 году в нем имелось 9 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 шнявы, 3 бомбардирских корабля и 64 вспомогательных судна.

Всего за период царствования Петра Великого было построено более тысячи судов. Все они отличались высоким качеством. Недаром Франция тогда намеревалась купить у нас 92-пушечный линейный корабль, но из-за высокой стоимости этого не смогла сделать.

Реформы на флоте в России приняли необратимый характер. В 1715 году в Пе-

тербурге открылась Академия морской гвардии. Решались вопросы о форме одежды, о снаряжении, о жаловании. Закладывались основы для учреждения первого Морского устава. Много внимания уделялось развитию портов, лоцманской и маячной служб. Все это делалось по инициативе и при непосредственном участии Петра I.

После смерти Петра I (1725 г.) государственная деятельность в строительстве отечественного флота лишилась своего главного вдохновителя и начала угасать. Построенные суда старели, приходили в ветхость, новых строилось мало. За период царствования Екатерины I (1725-1727 гг.) было спущено на воду всего два линейных корабля и несколько десятков гребных судов. После Екатерины I в период царствования внука Петра Великого Петра II никаких перемен не произошло. При императрице Анне Иоановне самым влиятельным лицом в России стал Остерман (воспитатель Петра II). Но к флоту он был равнодушен. И только с приходом к власти дочери Петра Великого — Елизаветы Петровны (1741 г.) в морском ведомстве наметились перемены: на многих верфях возобновилось военное кораблестроение, были вновь введены флаги трех цветов и новая форма одежды, принят новый штат корабельного флота.

И все же историки не без основания называли время царствования преемников Петра I периодом застоя и упадка Российского флота.

Конец этому положила Екатерина II. Внутренняя и внешняя политика России в годы ее правления отмечена крупными законодательными актами, выдающимися военными событиями и значительными территориальными приобретениями. Две войны с Турцией ознаменованы замечательными победами русской армии и флота, утверждением России на Черном море. В этот период, как и во времена Петра Великого, с Российским флотом вынуждены были считаться сильнейшие морские державы Европы. В результате побед на море были присоединены к России Азов, Таганрог, Керчь, Крым и Кубань. За это время доблестные русские войска овладели такими морскими крепостями, как Измаил (1770 г.), Корфу, Очаков, и другими.

Подполковник в отставке
Е.КУЛИКОВ.

Уголок фалериста

...РАЗУМЕЙТЕ ЯЗЫЦЫ
И ПОКОРЯЙТЕСЯ

В период царствования императора Николая I (1825 — 1855 гг.) было учреждено около 30 медалей и нагрудных знаков. Поводом для их появления на свет, как в эпоху Александра I, служили не только различные события, но и то, что император, взявший после восстания декабристов под свой плотный контроль все стороны жизни страны, считал: полезно не только нещадно "драть" шпицрутенами провинившихся, но и поощрять отличившихся. Так появились медали "В знак монаршего благоволения" (для награждения крестьян Финляндского края), "За спасение утопающих", "За спасение погибавших" (при пожаре и других бедствиях), "За отличие в мореходстве" (награждали шкиперов и штурманов за 12 лет службы, в течение которых надо было совершить не менее 6 рейсов в отдаленные иностранные порты), "За успехи в учении и добронравие" (для особо отличившихся выпускников Петербургского и Херсонского училищ торгового мореплавания), "За

успехи в образовании юношества" (для учителей и домашних наставников) и другие.

"За прививание оспы"

Не было забыто и такое опасное в то время дело, как прививание оспы. Для этого 16 февраля 1826 года была учреждена медаль "За прививание оспы" (кстати, она была первой из введенных Николаем I наград). На аверсе изображалась Екатерина II (при ней начиналось это благодарное дело), а на реверсе — "Здравие" в виде женской фигуры, осеняющей детей. Медали изготавливали из золота и серебра и носили на груди на зеле-

ной ленте. Такая же медаль, но с надписью на финском языке и с портретом Николая I предназначалась для прививальщиков в Финляндском крае.

Не была обойдена вниманием, конечно, и военная деятельность. Сюда можно отнести медали "За персидскую войну" (1826 — 1828 гг.), "За турецкую войну" (1828 — 1829 гг.),

"За взятие приступом Варшавы" (25 — 26 августа 1831 г.), "За взятие штурмом Ахульго 22 августа 1839 г.", "За усмирении Венгрии и Трансильвании. 1849 г.". На последней из названных наград на оборотной стороне вокруг герба Российской империи под лучезарным "всевидающим оком" было написано: "С нами Бог, разумеете языцы и покоряетесь". Нет, не стеснялся государь своих "имперских подвигов"...

Интересно отметить и факт появления знака отличия военного ордена для мусульман. В центре его помещалось изображение Св. Георгия Победоносца. В "мусульманском" варианте его заменили государственным гербом России — двуглавым орлом под императорской короной.

"За усмирении Венгрии и Трансильвании. 1849"

Из редакционной почты

ПОМОЖЕМ ДРУТ ДРУТУ

Уважаемая редакция!

Пишет вам ваш постоянный читатель майор Рябов Александр Васильевич. Журнал "На боевом посту", скажу без преувеличения, любят и ценят у нас в части. Ждут с нетерпением каждый номер. Нравится нам правдивость, с которой в нем освещаются события в Чечне. Да и другие материалы в большинстве своем содержательны, актуальны, интересны — касается ли это службы, учебы, социальных вопросов или других сторон жизни и деятельности личного состава войск. Короче, каждый при желании найдет в журнале для себя что-то полезное, нужное, познавательное.

Я, например, всегда внимательно слежу за публикациями, помещаемыми в разделе "Калейдоскоп". Дело в том, что с детства любил заниматься хозяйственными и домашними делами, изготовлением различных поделок. А когда получил первую свою квартиру, ох как мне пригодились эти мои увлечения и навыки. Правда, тогда же столкнулся с массой проблем. Приходилось тратить много времени для поиска нужной информации. Чтобы впредь не попадать в подобные ситуации, начал собирать в заведенные специально папочки советы — для домашнего мастера, огородника, по кулинарии и т.д. И знаете, все эти нехитрые вроде бы подсказки (а их набралось уже много-много) здорово выручают. Ко мне нередко за консультациями обращаются сослуживцы, соседи, знакомые. Помогаю, конечно, чем могу. Всегда приятно, что твое увлечение приносит

пользу не только тебе самому и твоей семье.

В связи с этим предлагаю "Узелки на память" публиковать чаще, лучше в каждом номере. И вообще голосую за то, чтобы раздел "Калейдоскоп" был расширен. Хотел бы и сам подключиться к полковнику в отставке А.Рокшину и давать в журнале собранные советы по каким-то определенным темам, направлениям. Каким? А давайте это все вместе будем определять. Пусть к вам в журнал обращаются читатели, особенно молодые офицеры, прапорщики, их жены с вопросами. Я готов участвовать в подготовке ответов на них. Думаю, сбором подобной разнообразной информации занимаемся не только мы с А.Рокшиным, а значит, недостатка в добровольных консультантах не предвидится.

Хочется верить, что мое предложение не покажется кому-то мелким, уж больно бытовым, что ли. Из собственного опыта знаю, как эти самые "мелочи" позволяют преодолевать серьезные трудности. В наше же непростое время, в том числе и для военных людей, иной совет дорогого стоит.

Могу, например, рассказать, как с небольшого участка земли получить приличный урожай, как этот урожай сохранить. Как, не покупая недешевых ныне запчастей, отремонтировать забарахливший автомобиль. Да мали ли еще о чем.

А теперь несколько "узелков на память" из моей коллекции.

Удочка из троса

Не все знают, что из троса от старого спидометра можно сделать отменную удочку (летнюю либо зимнюю), которой не требуется "мудрый" сторожок — кивок. Если внимательно рассмотреть трос, нетрудно заметить, что он состоит из сердцевины — стальных проволочек малого сечения, обвитых спиралями пружинной проволоки во встречных направлениях. Следует отрезать 250 мм троса. Верхнюю пружинную оболочку смотать на длину 110 мм, следующую — на 70 мм и последнюю — на 40 мм. Концы оболочек прочно зажать плоскогубцами, чтобы леска не цеплялась за них. Потом надо изготовить деревянную ручку удочки с пробкой на конце для закрепления крючков. Удочка готова. Она отлично амортизирует при подсечке, позволяет быстро подобрать оптимальный вариант колебания морышки.

Обуви — водоотталкивающие свойства

Чтобы придать обуви эти свойства, стоит воспользоваться таким рецептом: смешать, предварительно нагрев, 50 г парафина и 20 г олифы; не дожидаясь остывания раствора, добавить в него 100 г резинового клея, еще раз перемешать смесь, влить в нее 100 г касторки и довести до однородной массы. Полученной смесью промазать обувь.

Если все сделаете именно так, и в дождь, и в слякоть ноги останутся сухими.

Для дома, для семьи

* Чтобы бельевая веревка всегда была хорошо натянута, привяжите на ее конец старую пружину от кроватной сетки — она работает на сжатие.

* Если вы обожгли кожу, положите на обожженное место чистую мягкую тряпку, смоченную яичным белком. Боль сразу же утихнет, а рана скоро заживет.

* После продолжительной стирки руки опухают, кожа сморщивается от мыльной воды. Растерев их слабым раствором уксуса, вы почувствуете облегчение.

* Чтобы было легче промалывать в мясорубке жесткое мясо, рекомендуется шнек ее слегка смазать растительным маслом. Небольшими порциями масло наливается прямо в мясорубку (2-3 ложки масла на килограмм мяса).

* Для полировки медных и латунных изделий используют смесь, приготовленную из 50 г 10-процентного нашатырного спирта, 15 г зубного порошка и 50 г холодной воды. Полученным раствором смачивают кусок фланели или сукна и протирают изделие.

* Автомобилисту порой бывает нужен "мягкий" молоток для жестяных работ. Сделать его просто. Достаточно на обычный молоток надеть резиновый наконечник от костыля (продается в аптеках).

* Если на слое краски образовалась пленка, процеживать ее вовсе не обязательно. Накройте банку куском капронового чулка и прямо через него макайте кисть. Краска при этом используется практически без потерь.

* Для удаления ржавчины с никелированных предметов намазываем пятна жиром и выдерживаем несколько дней. Затем жир снимаем тряпочкой, смоченной нашатырным спиртом. И ржавчины как не бывало.

* Если на стеклянные банки с домашними соленьями и вареньями надеть резиновые кольца, вырезанные из старой автомобильной камеры, то их можно будет перевозить без дополнительной упаковки.

* Если нет под рукой дрожжей, их можно самому приготовить в домашних условиях. Для этого надо смешать стакан муки со стаканом теплой воды и поставить смесь в теплое место на 5-6 часов. Затем добавить стакан пива и столовую ложку сахарного песка, хорошо размешать и опять поставить в тепло. Полученная масса вполне заменяет дрожжи.

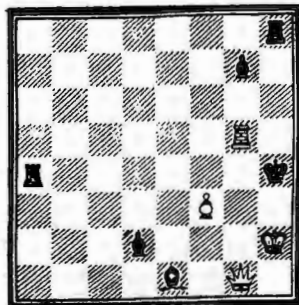
Приведенные здесь советы — лишь маленькая капелька из моря житейских подсказок, которыми я располагаю. Спрашивайте, интересуйтесь, я готов отвечать на ваши вопросы, читатели.

С уважением —

майор А.РЯБОВ.

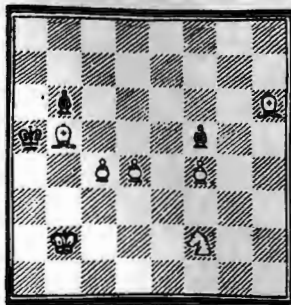
Публикуется впервые

№ 28

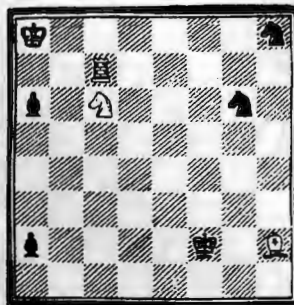
Мат в 2 хода

№ 29

Мат в 3 хода

№ 30

Ничья

Открыть секреты задач № 28, 29 не представит, надеемся, особого труда, приятные же чувства после решения гарантируем. Решение этюда №30 таково: 1.Сg1+!Кр:g1 2.Кd4 a1Ф 3.Лс1+! Ф:с1 4.Ке2+ Крf1 5.К:с1, ничья.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить две миниатюры.

№ 31. Крb3,Сd1,п.a7 (3) — Крf7,Се8,Сh4,п.a2 (4), кооперативный мат в 3 хода.

№ 32. Крf4,Лс7,Кd3,п.g5 (4) — Крd6,п.d4 (2), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения.

Небывалый рост

"Международный гроссмейстер" — высшее спортивное звание в шахматном мире. Оно официально учреждено ФИДЕ в 1949 году, присваивается мужчинам с 1950 года, женщинам с 1976 года.

В 1950 году обрели это звание 30 мужчин, среди которых были известные шахматисты — С.Тартаковер, А.Рубинштейн, Ф.Земис и другие. На 1 января 1988 года звание международного гроссмейстера присвоено 314 мужчинам и 59 женщинам, всего 373 шахматистам. Сейчас же, по неофициальным данным, число международных гроссмейстеров приблизилось к 500! Таков небывалый рост за сравнительно короткий период.

В первой половине нашего века сравнительную силу гроссмейстеров, а также стили и манеру их игры знали хорошо, ведь их количество исчислялось двумя-тремя десятками. Сейчас же прежняя сравнительная оценка, увы, невозможна.

Как же расставить шахматных грандов, так сказать, по ранжиру? На помощь пришла статистика турнирных сражений и математика. Американский профессор физики и шахматный мастер Арпад Эло предложил систему подсче-

та индивидуальных коэффициентов, так называемых рейтингов, исходя из результатов игры на официальных соревнованиях. Система эта с некоторыми изменениями принята ФИДЕ в 1970 году.

Рейтинг любого игрока, естественно, постоянен, он может вырасти, а может и снизиться. Поэтому рейтинг-листы публикуются ФИДЕ дважды в год, а в последнее время ежеквартально.

Рейтинги стали основой присвоения международных званий. Звание международного гроссмейстера присваивается мужчинам при достижении рейтинга 2450, женщинам — 2300. А каковы рейтинги у чемпионов мира? У Г.Каспарова он 2775, у А.Карпова — 2770. Между прочим, помимо звания международного гроссмейстера, ФИДЕ присваивает также по рейтингам звания "мастер ФИДЕ" и "международный мастер".

Проверьте свои решения

(На боевом посту, 1996, № 6)

№ 25. Крf1,Сd7,Сg1,Кf3,Кf7,пn.b4,с2,d3 (8) — Крd5,Лс5,пn.b7,b6,b5,с7,с3 (7), мат в 3 хода. 1.Кf3—g5!, цугцванг; 1...Лс6 2.Ке4! и вновь цугцванг; 1...Лс4 2.Ке6! — третий цугцванг.

№ 26. Крс7,Лb8,Сb3, Сс1,Кf4,п.e3 (6) — Крс3,пn.с6,с5 (3), мат в 4 хода. 1. Лb7! — единственный выжидательный ход; 1...с4 2.Сd1 с5 3.Крb6!! Крb4 4.Кd5X! Идея дезактивации белой фигуры.

№ 27. Крg7, Лb4, Сf6, п.f3 (4) — Крf5, Фa6, Се6, пn.с6,d3 (5), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1.Фa4! Лh4! 2.Фe4 feX!, 1.Фс4 Ла4 2.Фg4+ fgX!

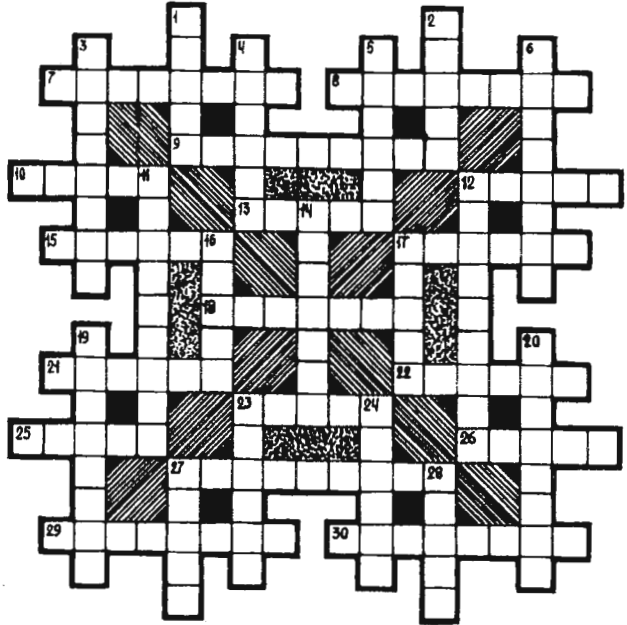
Все указанные задачи опубликованы впервые, их автор — редактор данного "Шахматного клуба".

По горизонтали:

7. Звуковой объем инструмента, певческого голоса. 8. Храм богини Афины Парфенос, величественный памятник искусства Греции. 9. Сборник избранных стихов или различных изречений многих авторов. 10. В гражданском праве способ обеспечения обязательств перед кредиторами. 12. Велосипед с двигателем внутреннего сгорания. 13. Остров в Италии. 15. Выдающийся французский философ, физик, математики физиолог. 17. Ученик Толя и Напсена, адмирал русского флота. 18. Главный город и порт на острове Сицилия. 21. Открытая часть сада или парка с газонами, цветниками, водоемами, бордюрами из кустарника. 22. Медленный темп в музыке. 23. Совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе. 25. В Индии общинный слуга, реже — фокусник. 26. Хищная рыба подкласса пластоножаберных. 27. Российский писатель, Герой Советского Союза. 29. Древнеримский поэт и философ-материалист, автор поэмы "О природе вещей". 30. Песня композитора В. Левашова.

По вертикали:

1. Река в Европе, приток Дуная. 2. Столица европей-

КРОССВОРД

ского государства. 3. Композитор, автор песни "Комарово". 4. Выступающая вперед часть здания, открытая на одну или три стороны и образуемая колоннами или арками, несущими перекрытие. 5. Герой "Книги джунглей" английского писателя Д. Киплинга. 6. Самолет с одной несущей плоскостью. 11. В Древнем Риме лицо, спе-

циально обученное для вооруженной борьбы на цирковой сцене. 12. Музыкально-драматическое произведение. 14. Прозрачная пластинка с сеткой линий для вычисления площадей на картах. 16. Плотницкий инструмент. 17. Величина налога, взимаемого с единицы обложения. 19. Кинотеатр в Москве на улице Декабристов. 20. Положение, обстановка, совокупность обстоятельств. 23. Игра до определенного результата. 24. В праве необоснованное заявление о совершении преступления. 27. Форма последовательной смены явлений и состояний материи. 28. Стихотворение А. Пушкина.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 6

По горизонтали: 6. Североморск. 7. Кок. 8. Июл. 10. "Гавриил". 11. Якорь. 12. Верфь. 13. Док. 14. Бриз. 17. Бриг. 19. Адмиралтеец. 20. Каравелла. 21. Арьергард. 24. Координатор. 26. Верп. 27. Вага. 29. Фок. 31. Скула. 34. Галун. 36. Воронеж. 38. Биллан. 39. Диафон. 40. Клетневание. 41. Траверз. 42. Ту-журка.

По вертикали: 1. Эскорт. 2. Редан. 3. Координат. 4. Ботик. 5. Шкипер. 7. Кокпит. 9. Лефорт. 14. Блокшив. 15. Пилперс. 16. Штурвал. 18. Гондола. 22. Миноносец. 23. Прикол. 25. Палуба. 28. Клинкер. 30. Рандеву. 32. "Восток". 33. Регата. 35. Визир. 37. "Новик".

Составил Е. ДРАЧЕВ.

ФИРМА

СЛАВЯНСКИЙ ШИТ

Приглашает военнослужащих
внутренних войск МВД России
и представителей
правоохранительных органов
посетить
постоянно действующую
ВЫСТАВКУ-ПРОДАЖУ

**"СПЕЦИАЛЬНАЯ
ТЕХНИКА И
СНАРЯЖЕНИЕ
МВД РОССИИ"**

- специальная форма, знаки различия и фурнитура МВД России
- средства индивидуальной защиты
- спецтехника и снаряжение
- оборудование и спецтехника ГАИ

**Адрес: Москва, проспект Мира,
ВВЦ (бывш.ВДНХ), павильон № 63
Телефон: (095)181-94-00. Факс: (095)181-06-19**

Награды России

Медаль "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Из Положения о юбилейной медали "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг."

Юбилейной медалью "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг." награждаются:

военнослужащие и лица вольнонаемного состава, принимавшие в рядах Вооруженных Сил СССР участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, партизаны Великой Отечественной войны, участники подполья, военнослужащие и лица вольнонаемного состава, служившие в период Великой Отечественной войны...

труженики тыла, награжденные за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны орденами СССР, медалями...

бывшие несовершеннолетние узники концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период второй мировой войны;

граждане, проработавшие не менее шести месяцев в период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года, исключая время работы в районах, временно оккупированных неприятелем...

Юбилейная медаль "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." носится на левой стороне груди и располагается после юбилейной медали "Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."